

Охота
НА ДЖЕКА-
ПОТРОШИТЕЛЯ

◆◆◆

Охота
НА КНЯЗЯ
ДРАКУЛУ

КЕРРИ МАНИСКАЛКО

Керри Манискалко
Охота на Джека-потрошителя.
Охота на князя Дракулу
Серия «#YoungDetective»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64698841

*Охота на Джека-потрошителя. Охота на князя Дракулу / Керри
Манискалко: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-135600-2*

Аннотация

Англия. Конец XIX века. Семнадцатилетняя Одри Роуз Уодсворт – дочь одного из влиятельных британских лордов. Но вместо модных платьев и будущего, без сомнения, блестящего брака ее мысли занимают судебная медицина, анатомия и прочие не подобающие юной аристократке занятия. Это «хобби» так и осталось бы секретом, в который были посвящены лишь ее дядя, врач-хирург Джонатан Уодсворт, и его блестящий ученик Томас Кресуэлл, если бы в Лондоне не появился самый страшный серийный убийца – Джек-потрошитель. Одри Роуз решительно присоединяется к расследованию, но вскоре начинает подозревать, что маньяк скрывается под маской одного из близких ей людей. Но кто же этот безумец?

* * *

Выяснив, кто же скрывался под маской Джека-потрошителя, опечаленная и удрученная Одри Роуз Уодсворт уезжает из Лондона в Румынию. Вместе с другим учеником своего дяди, очаровательным Томасом Кресуэллом, она попадает в замок Бран – это не только одна из лучших в мире школ судебной медицины, но и дом Влада Колосажателя, чья жажда крови стала легендарной.

Девушка с удовольствием погружается в учебу, однако вскоре в замке и его окрестностях начинают происходить преступления, а люди шепчутся, что Влад Дракула вернулся. А вот Одри Роуз уверена, что всему виной подражатель, и это значит, что ей вновь предстоит найти преступника. Вот только сможет ли она пережить еще одно потрясение и справиться с такой опасной задачей?

Содержание

Охота на Джека-потрошителя	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	46
Глава 5	63
Глава 6	80
Глава 7	97
Глава 8	109
Глава 9	126
Глава 10	139
Глава 11	155
Глава 12	171
Глава 13	187
Глава 14	195
Глава 15	209
Глава 16	223
Глава 17	233
Глава 18	243
Конец ознакомительного фрагмента.	244

Керри Манискалко Охота на Джека- потрошителя. Охота на князя Дракулу

Охота на Джека-потрошителя

*Он хочет крови. Да, кровь хочет крови.
«Макбет», акт III, сцена 4 У. Шекспир¹*

¹ Перевод М. Лозинского.

Глава 1

Предварительный разрез

*Лаборатория доктора Джонатана Уодсворта,
Хайгейт
30 августа 1888 г.*

Я прижала большой и указательный пальцы к холодной как лед плоти и туго натянула ее над грудиной, как учил меня дядя.

Очень важно правильно сделать предварительный разрез. Я помедлила, рассматривая место прикосновения металла к коже, чтобы обеспечить правильный угол и сделать самый чистый разрез. Я чувствовала, что дядя стоит у меня за спиной и следит за каждым моим движением, но сосредоточила все внимание на лезвии, которое держала в руке.

Без колебаний я провела скальпелем от одного плеча к груди, стараясь проникнуть как можно глубже. Чуть-чуть приподняла брови, но сразу же заставила себя надеть на лицо бесстрастную маску. Человеческая плоть разошлась намного легче, чем я ожидала. Это было почти то же самое, что резать свиное филе перед тем, как зажарить его; я ожидала, что эта мысль смутит меня несколько сильнее.

Тошнотворный сладковатый запах поднимался от сделанного мной разреза. Этот труп оказался не таким свежим, как

другие. Во мне росло подозрение, что не все наши объекты получены легально или добровольно, и я жалела о том, что отмахнулась от предложения дяди надеть дыхательный аппарат.

С моих губ слетали туманные облачка выдохов, но я подавила нарастающую дрожь. Отступила на шаг назад – опилки слегка хрустнули под моими туфлями – и осмотрела свою работу.

Кровь едва выступила из раны. Она была слишком густой и мертвой, она не потекла алой струйкой и казалась слишком неестественной, чтобы пугать. Если бы этот человек умер менее тридцати шести часов назад, она бы полилась на стол, а потом на пол, пропитывая опилки. Я вытерла лезвие о фартук, оставив на нем полоску.

Это был действительно прекрасный разрез.

Я приготовилась к следующему разрезу, но дядя поднял руку и остановил меня. Я прикусила губу, презирая себя за то, что так быстро забыла о следующем шаге, которому он меня учил.

Непрекращающаяся вражда дяди с отцом – они оба утверждали, что не помнят причины ее возникновения, но я-то ее хорошо помнила, – заставляла его сомневаться, продолжать ли мое обучение. Если я продемонстрирую некомпетентность, это мне не поможет, ведь я надеялась прийти на занятия в его школу завтра утром.

– Минутку, Одри Роуз, – произнес он и взял у меня из

руки испачканное лезвие.

Резкий запах наполнил воздух, смешавшись со зловонием разлагающихся органов, когда дядя откупорил бутылку с прозрачной жидкостью и смочил ею кусок ткани. В его лаборатории в подвале и среди его инструментов на первом месте стояла стерильность. Мне следовало помнить о необходимости вытереть скальпель.

Больше я не сделаю такой ошибки.

Я оглядела подвал, где вдоль стены лежало еще несколько трупов с бледными конечностями, застывшими, как покрытые снегом ветки деревьев. Мы пробудем здесь всю ночь, если я не потороплюсь, и мой отец, высокопоставленный лорд Эдмунд Уодсворт, вызовет Скотленд-Ярд, если я вскоре не вернусь домой.

Учитывая его положение в обществе, он, вероятно, пошлет на мои поиски целую армию.

Дядя заткнул пробкой бутылку с карболовой кислотой, затем подал мне другой скальпель, похожий на длинный и тонкий обеденный нож. Его лезвие было намного острее, чем у предыдущего. При помощи этого стерилизованного инструмента я повторила такой же разрез на другом плече, потом спустилась вниз, к центру живота покойника, и остановилась выше пупка.

Дядя не предупредил меня о том, как трудно будет разрезать ребра. Я украдкой взглянула на него, но он пожирал глазами труп.

Иногда мрак в его глазах пугал меня больше, чем те покойники, которых мы разделявали.

– Тебе надо разрезать ребра перед тем, как ты доберешься до сердца.

Я понимала, что дяде очень трудно сдержаться и самому не сделать это. Большинство ночей он проводил в обществе трупов, словно в обществе интересных книг; он обожал их вскрывать и раскрывать тайны на страницах их кожи и костей. Пока его одержимость не взяла верх и не прервала наш урок, я быстро вскрыла грудную клетку и обнажила сердце и остальные внутренние органы.

Мерзкий запах ударил мне в лицо, и я невольно отшатнулась назад, едва удержавшись, чтобы не прижать ладонь ко рту. Это был тот шанс, которого ждал дядя. Он шагнул вперед, но прежде, чем он успел меня оттолкнуть в сторону, я сунула руки глубоко в живот трупа и стала шарить среди скользких мембран, пока не нашла то, что искала.

Я собралась с духом и приступила к процессу извлечения печени, затем еще раз взяла из рук дяди скальпель. Еще несколько надрезов, и орган отделился.

Я бросила его в подготовленную кювету для образцов, куда он упал с мокрым шлепком, и удержалась от желания вытереть руки о фартук. Одно дело заставить слуг дяди выстирать фартук с небольшими следами крови, и совсем другое – отстирывать его от той липкой крови и других жидкостей, которые покрывали сейчас мои пальцы.

Мы не могли позволить себе снова лишиться служанок, а дяде совсем не улыбалось новое распространение слухов. Некоторые и так уже считали его безумным.

– Каково твое медицинское заключение, как умер этот человек, племянница?

Печень имела ужасную форму. Несколько шрамов пересекали ее вдоль и поперек, напоминая высохшие речки и притоки. Первой моей догадкой было то, что этот мужчина не чурался выпивки.

– По-видимому, он умер от цирроза, – указала я на шрамы. – Его печень уже некоторое время отказывалась работать, как мне кажется, – я подошла к его голове и приподняла одно веко. – Легкая желтизна вокруг белков глаз также присутствует, что подтверждает мое подозрение, что он уже несколько лет медленно умирал.

Я вернулась обратно к печени и старательно сделала поперечный срез, чтобы позже изучить его под микроскопом, затем прополоскала печень и опустила ее в банку на хранение. Мне надо будет пометить банку биркой и поставить на стену вместе с другими законсервированными органами. Важно было вести подробные записи всех вскрытий.

Дядя кивнул.

– Очень неплохо. Даже очень хорошо. А что насчет...

Дверь в лабораторию с грохотом распахнулась, и в проеме появился мужской силуэт. Невозможно было точно увидеть, на кого он похож, или определить возраст, потому что незна-

комец низко надвинул шляпу на лоб, а его пальто буквально касалось земли, но он был очень высоким. Я невольно отступила на шаг, надеясь, что дядя сейчас выхватит оружие, но его, казалось, ничуть не испугал этот темный пришелец.

Совершенно игнорируя мое присутствие, мужчина смотрел только на дядю.

– Все готово, профессор.

Голос его звучал непринужденно и принадлежал молодому человеку. Я приподняла брови, заинтересованная тем, что затевают студент и мой дядя.

– Так быстро? – дядя посмотрел на настенные часы, потом на труп на столе, а затем на меня. Я понятия не имела, кто этот грубиян и что готово, но у меня возникло ощущение, что в такой поздний час речь не может идти ни о чем хорошем. Дядя потер подбородок. Прошла, как мне показалось, целая вечность, после которой он смерил меня оценивающим взглядом. – Ты в состоянии сама зашить этот труп?

Я выпрямилась и вздернула подбородок.

– Конечно.

Это просто абсурдно, как дядя мог усомниться в моей способности справиться с таким легким заданием, особенно после того, как я так успешно шарила во внутренностях покойника совершенно самостоятельно. Из всех моих задач эта была самой легкой.

– Тетя Амелия говорит, что я великолепно владею иглой, – прибавила я. Вот только она не имела в виду сшива-

ние человеческой кожи, когда хвалила мои швейные навыки, я уверена. – Во всяком случае, я все лето тренировалась на туше кабана, и мне без труда удавалось проткнуть иглами его дерму. Тут то же самое.

Темная фигура рассмеялась – смех был вполне приятным. Я сохранила спокойное выражение лица, хоть внутри у меня все кипело. В моем утверждении не было ничего забавного. Шьешь ли ты кожу или ткань, имеет значение мастерство, а не материал.

– Очень хорошо, – дядя натянул черное пальто и взял из ящика рядом со своим письменным столом какой-то предмет; что именно, я не разглядела. – Ты можешь зашить тело. Не забудь запереть подвал, когда уйдешь.

Молодой человек исчез: он поднялся по лестнице, ни разу не оглянувшись, и я была рада, что он ушел. Дядя остановился у двери, его пальцы в шрамах нервно выбили дробь по дверной раме.

– Моя карета отвезет тебя домой, когда закончишь, – сказал он. – Оставь другие образцы на завтрашний вечер.

– Дядя, погоди! – я обежала вокруг лабораторного стола. – Как насчет завтрашней школы? Ты обещал, что скажешь мне сегодня.

Он бросил быстрый взгляд на выпотрошенный труп на столе, потом снова перевел его на мое лицо, полное ожидания. Я видела, как он выстраивает в голове стратегию и придумывает тысячу причин, почему я не должна посещать его

занятия по судебной медицине.

Меньше всего его волновало соблюдение приличий.

Отец разорвал бы его на куски, если бы узнал о моей стажировке.

Дядя Джонатан вздохнул.

– Ты должна переодеться в мужское. И если скажешь хоть одно слово, это будет твой первый и последний урок в моем классе. Понятно?

Я энергично закивала.

– Обещаю. Буду молчать, как мертвая.

– Ах, – ответил дядя, надевая шляпу и натягивая ее низко на лоб, – мертвые говорят с теми, кто умеет слушать. А ты будь даже молчаливее, чем они.

Глава 2

Кровная месть

*Школа для мальчиков Хэрроу, Лондон
31 августа 1888 г.*

По словам дяди, крови было не так много, как можно ожидать при такой глубокой ране на горле.

Я едва успевала записывать за ним, пока он рассказывал о той ужасной картине, которую видел этим утром, и мои записи выглядели такими же беспорядочными, как и мои мысли.

– Скажите мне, мальчики, – произнес дядя Джонатан, вышагивая взад-вперед по низкой сцене в центре галереи, и его выцветшие зеленые глаза на секунду посмотрели прямо в мои глаза, а потом он продолжил: – какое предположение позволяет сделать тот факт, что кровь, найденная под трупом, почти свернулась? Или, еще лучше, если найденной крови едва хватило бы, чтобы наполнить сосуд объемом в полпинты, что это может нам сказать о смерти жертвы?

Мое желание тут же выкрикнуть ответ было всего лишь жалким зверем, стремящимся вырваться на свободу из той клетки, куда я согласилась его поместить. Вместо того чтобы изгнать этого демона, я сидела тихо, плотно сжав губы, низко надвинув шляпу на лоб. Я скрывала свое раздражение, рас-

смаatrивая выражение лиц моих одноклассников. И вздыхала про себя. Лица большинства из них имели одинаковый цвет артишока, и казалось, их вот-вот стошнит. Как они смогли бы выдержать вскрытие трупа – выше моего понимания.

Я незаметно соскребала с ногтевого ложа на пальцах засохшую кровь, и вспоминала свои ощущения в тот момент, когда держала в ладонях печень, и одновременно гадала, какие новые ощущения мне предстоит испытать во время сегодняшнего вскрытия.

Парень с темно-каштановыми волосами – такими же старательно ухоженными, как и его безупречно отутюженная форма – поднял прямую как стрела руку. Большинство его пальцев покрывали пятна чернил, как будто он тоже был так поглощен своими записями, что не обращал внимания на мелочи. Мой взгляд раньше уже останавливался на нем – меня завораживало то, как методично он все записывает. Он учился с почти маниакальным упорством, и это меня восхищало.

Дядя кивнул в его сторону. Парень прочистил горло, встал, уверенно расправил плечи и повернулся лицом к классу, а не к дяде.

Я прищурилась. Он был довольно высокого роста. Может быть, это он приходил вчера ночью?

– Совершенно очевидно, по-моему, – произнес парень почти равнодушным тоном, – что наш убийца или наметил покойницу для незаконных действий и хотел заманить ее ку-

да-нибудь в укромное место, или незаметно подкрался сзади – ведь она явно была пьяна – и напал на нее.

Трудно определить точно, потому что вчера он почти ничего не сказал, но его голос был очень похож на голос вчерашнего дядиноного посетителя. Я поймала себя на том, что подалась вперед, как будто приближение к нему могло помочь мне его узнать.

Дядя Джонатан откашлялся, чтобы прервать самоуверенного мальчишку, и сел за свой деревянный письменный стол. Я улыбнулась. Переодевание мальчиком, несомненно, имело свои преимущества. Разговоры о проститутках всегда выводили дядю из себя, но теперь он никого не мог бранить за такие вольные разговоры в моем присутствии.

Он выдвинул ящик стола, достал из него очки, протер пятна на стеклах своим твидовым пиджаком и пристроил их себе на переносицу. Потом наклонился вперед и спросил:

– Почему ты считаешь, Томас, что на нашу жертву напали сзади, когда большинство моих коллег считают, что жертва уже лежала в момент нападения?

Я переводила взгляд с одного на другого, удивленная тем, что дядя обратился к нему по имени. Теперь я была почти уверена, что именно он был тем ночным пришельцем. Этот парень, Томас, нахмурился.

Золотисто-карие глаза были так идеально расположены на угловатом лице, будто его нарисовал сам Леонардо да Винчи. Если бы у меня были такие роскошные ресницы! Квад-

ратный подбородок придавал ему облик человека очень решительного. Даже нос был тонким и царственным, из-за него любое выражение его лица казалось настороженным. Если бы не его возмутительная уверенность в собственном выдающемся уме, его можно было бы счесть весьма привлекательным, подумала я.

– Потому что, как вы сказали, сэр, горло было перерезано слева направо. Учитывая то, что большинство людей – правши, можно сделать вывод, исходя из направленной вниз траектории, которую вы описали, и из статистической вероятности, что наш преступник действительно является правой, и ему легче всего было нанести такой удар, подойдя к жертве сзади.

Томас схватил сидящего рядом с ним студента и рывком поднял на ноги, иллюстрируя свою точку зрения. Ножки стула заскрипели по плиткам пола, когда парень попытался вырваться, но Томас держал его так же крепко, как удав держит свою добычу.

– Вероятно, он схватил ее левой рукой поперек туловища или грудной клетки и подтащил ближе к себе, вот так, – тут он развернул соученика кругом, – может быть, что-то шепнул ей на ухо, чтобы не дать крикнуть – ведь, как вы сказали, никто ничего не слышал, – и быстро полоснул лезвием по ее горлу. Один раз, пока она стояла, потом два раза, когда она упала на землю, а она даже не успела понять, что происходит.

Показав таким образом почти обезглавливание, Томас от-

пустил парня и перешагнул через него, вернувшись на прежнее место и к прежнему безразличному выражению лица.

– Если бы вы осмотрели брызги крови на бойне, то, уверен, вы бы обнаружили нечто вроде обратной схемы их расположения, так как скот обычно убивают, подвесив его вниз головой.

– Ха! – дядя захлопал в ладоши так громко, что по залу разнеслось эхо.

Я подпрыгнула при этом его всплеске эмоций и с облегчением увидела, что большинство учеников подскочило на своих стульях одновременно со мной. Невозможно отрицать, что дядя относится к убийству с большой горячностью.

– Тогда почему, могут задать вопрос оппоненты, кровь не забрызгала всю верхнюю часть забора? – задал вопрос дядя, ударив кулаком одной руки о ладонь другой. – Когда ей перерезали сонную артерию, кровь бы ритмично забрызгала все вокруг. Спросите у остальных судмедэкспертов, которые побывали на месте преступления.

Томас кивнул, словно ожидал именно этого вопроса.

– Это очень просто объяснить, не так ли? На ней был шарфик, когда на нее напали, потом он слетел. Или, возможно, убийца сорвал его с нее, чтобы вытереть клинок. Может быть, он страдает от какого-то невроза.

Повисло молчание, тяжелое, как туман в Ист-Энде, когда яркая картина, нарисованная Томасом, ожила в мозгу каждого из нас. Дядя учил меня, как важно не допускать про-

явления эмоций в делах такого рода, но трудно говорить о женщине так, словно она – животное, которое привели на бойню.

Как бы низко она ни пала по меркам общества.

Я с трудом сглотнула. По-видимому, Томас обладал вызывающим беспокойство умением предсказывать, почему убийца поступал так или иначе, и выключать эмоции, когда ему это было нужно. Дядя ответил через несколько секунд – при этом он ухмылялся, как безумный, а его глаза горели, как две искры в глазницах.

Я не смогла побороть спазм зависти, стиснувший мой желудок. Не могу сказать, расстроило ли меня то, что дядя выглядел таким довольным, но не я стала тому причиной, или я бы хотела сама пообщаться с этим раздражающим меня парнем. Из всех людей, сидящих в этой комнате, его, по крайней мере, не испугала жестокость этого преступления. Страх не поможет свершиться правосудию – кажется, парень это понимает.

Я отбросила в сторону эти мысли и стала слушать урок.

– Блестящие навыки дедукции, Томас. Я тоже считаю, что на нашу жертву напали сзади, когда она стояла. Оружие убийства – нож, имевший, вероятно, в длину дюймов шесть или восемь. – Дядя сделал паузу, показывая классу руками, какой длины был нож.

По моим венам пробежал холодок. Похоже, нож был примерно такой же длины, как тот скальпель, которым я рабо-

тала вчера ночью.

Дядя прочистил горло.

– Судя по неровному разрезу живота, я бы сказал, что рана нанесена после смерти, на том месте, где обнаружили тело. Я бы также рискнул предположить, что нашему убийце что-то помешало, и он не получил того, что задумал добыть. Но у меня предчувствие, что он может оказаться либо левшой, либо амбидекстром, на основании других улик, которые я пока не обнаружил.

Мальчик, сидящий в первом ряду, поднял дрожащую руку.

– Что вы имеете в виду? Что он задумал добыть?

– Молю бога, чтобы мы об этом не узнали, – мрачным тоном ответил дядя. Он подергал кончик своего седого уса – у него была такая привычка, когда он глубоко задумывался. Я знала, теперь он скажет нечто неприятное. Он опустил руку и подошел к своему столу.

Сама того не сознавая, я вцепилась в края своего стула так крепко, что у меня побелели косточки пальцев. Потом я слегка разжала пальцы, но не до конца.

– Сейчас я изложу вам свои гипотезы, – дядя еще раз обвел взглядом комнату. – Полагаю, что он хотел добыть ее органы. Детективы-инспекторы тем не менее не разделяют моих идей по этому поводу. Могу лишь надеяться, что они правы.

Начались споры по поводу гипотезы дяди насчет охоты за

органами, а я начала копировать те рисунки, которые он в спешке набросал на классной доске в начале нашего занятия, чтобы привести в порядок свои мысли. Препарированные свиньи, лягушки, крысы и даже еще более неприятные вещи – например, человеческие кишки и сердца – украсили мои страницы.

Мой блокнот наполнился изображениями таких вещей, которые не должны привлекать молодую леди, но я тем не менее не могла укротить свое любопытство.

На блокнот упала чья-то тень, и я почему-то поняла, что это Томас, еще до того, как он открыл рот.

– Вам следует положить эту тень слева от тела, иначе она выглядит как лужа крови.

Я напряглась, но крепко сжала губы, словно их сшил неумелый гробовщик. У меня под кожей разливался жар, и я проклинала реакцию своего тела на этого надоедливого парня. Томас продолжал критиковать мою работу.

– Поистине, вам следует стереть эти смехотворные пятна, – сказал он. – Свет уличного фонаря падает с этой стороны. Вы все изобразили совершенно неверно.

– Поистине, вам следует заняться своим делом.

Я закрыла глаза, молча ругая себя. Лучше бы мне сидеть тихо и не общаться ни с одним из мальчиков. Один промах может стоить мне места в классе.

Решив, что нельзя показывать свой страх перед бешеным псом, я посмотрела прямо в глаза Томаса. Легкая улыбка иг-

рала у него на губах, и сердце мое поскакало рысью, подобно запряженной в карету лошади, бегущей по Трафальгарской площади. Я напомнила себе, что он – самодовольный болван, и решила, что мое учащенное сердцебиение вызвано нервами. Я скорее искупаюсь в формальдегиде, чем позволю такому возмутительному мальчишке сорвать мою учебу у дяди.

Каким бы он ни был красавчиком.

– Хотя я и ценю ваши наблюдения, – сквозь стиснутые зубы сказала я, из предосторожности сильно понизив голос, – но мне бы очень хотелось, чтобы вы не мешали мне заниматься.

Его глаза плясали, будто он узнал какую-то очень забавную тайну, и я поняла, что я – мышь, которую поймал слишком умный кот.

– Ну, хорошо, мистер?.. – то, как он произнес «мистер», не оставило места сомнениям: он хорошо понимал, что я не юноша, но захотел поиграть со мной, бог знает по какой причине. Я немного смягчилась при этой демонстрации милосердия и еще больше понизила голос, чтобы только он мог меня слышать, а мое сердце снова быстро забилося от сознания нашей общей тайны.

– Уодсворт, – прошептала я. – Меня зовут Одри Роуз Уодсворт.

На его лице промелькнуло понимание, он бросил взгляд на дядю, все еще ведущего горячий спор. Он протянул руку, и я нехотя пожала ее, надеясь, что ладони не выдадут мою

нервозность.

Может быть, было бы хорошо иметь друга, с которым можно обсудить занятия в классе.

– По-моему, вчера ночью мы встречались, – рискнула сказать я, несколько осмелев. Брови Томаса сдвинулись, и моя только что обретенная уверенность рухнула. – В лаборатории дяди?

По его лицу пробежала тень.

– Простите, но я понятия не имею, о чем вы говорите. Мы с вами беседуем в первый раз.

– Мы не совсем беседовали.

– Приятно было с вами познакомиться, Уодсворт. Уверен, нам будет что обсудить в ближайшем будущем. И даже очень скоро, собственно говоря, так как я сегодня вечером приду попрактиковаться у вашего дяди. Возможно, вы позволите мне иметь удовольствие проверить некоторые из моих новых теорий?

Еще одна алая волна залила мои щеки.

– Какие именно теории?

– Ваш скандальный выбор этих занятий, конечно, – он усмехнулся. – Не каждый день встречаешь такую странную девушку.

Теплое дружелюбие, которое я уже начинала чувствовать к нему, замерзло, как пруд в суровую зиму. Особенно из-за того, что он, казалось, совершенно не подозревал, как раздражает других людей, улыбаясь сам себе, словно его ничто

на свете не волнует.

– Мне так нравится то удовлетворение, которое я испытываю, решая головоломку и доказывая, что я прав.

Каким-то образом я нашла в себе силы прикусить язык и не ответить ему; вместо этого я натянуто улыбнулась. Тетя Амелия гордилась бы тем, что я усвоила ее уроки этикета.

– Буду с нетерпением ждать возможности выслушать вашу искрометную теорию о моем жизненном выборе, мистер?..

– Джентльмены! – рявкнул дядя. – Прошу вас, я бы хотел, чтобы каждый из вас записал свои гипотезы насчет убийства мисс Мэри Энн Николс и принес их завтра на урок.

Томас в последний раз послал мне свою дьявольскую усмешку и вернулся к своим записям. Когда я закрыла журнал и собрала все свои вещи, то невольно подумала, что он может оказаться не менее досадной тайной, которую мне предстоит разгадать.

Глава 3

Чай и вскрытие

*Резиденция Уодсвортов,
Белгрейв-сквер
31 августа 1888 г.*

– Куда ты убегаешь в такой час?

Отец стоял возле дедушкиных часов в фойе – его голос звучал так же нервно, как бой этих отвратительных старомодных часов, – и проверял свои наручные часы. Всего несколько лет разделяло дядю и отца, и до недавнего времени они могли бы сойти за близнецов. На его квадратном подбородке перекатывались желваки. Сейчас он будет задавать еще более неприятные вопросы. Меня вдруг охватило непреодолимое желание броситься бежать назад по парадной лестнице.

– Я... я обещала дяде Джонатану зайти к нему на чай. – Я увидела, как он резко втянул в себя воздух, и тихо прибавила: – Отказаться от приглашения было бы невежливо.

Не успел он высказать свое мнение на этот счет, как дверь в гостиную распахнулась, и мой брат выплыл из нее, кружась в вальсе, подобный лучу солнца на фоне театрального задника с изображением серого дня. Быстро оценив ситуацию, он бросился в атаку.

– Должен заметить, все выглядят такими исключительно жизнерадостными сегодня, что просто страшно. Нахмурься как следует, добрый человек. А, – улыбнулся он в ответ на сердитый взгляд отца, – вот так уже лучше! У тебя отлично получается, отец.

– Натаниэль, – предостерег его отец, переводя взгляд с него на меня и обратно, – это тебя не касается.

– Нам снова страшно выпустить эту девочку из защитного мыльного пузыря? Упаси бог, она может подхватить оспу и умереть. О, погодите, – Натаниэль склонил голову к плечу. – Так уже было раньше, правда? – Он театрально схватил меня за запястье и нащупал пульс, потом отшатнулся. – Клянусь богом, отец, она очень даже жива!

Бледная рука отца задрожала, и он вытер лоб платком, что не предвещало ничего хорошего. Натаниэлю обычно удавалось развеять беспокойство отца удачной шуткой. Сегодня у него не получилось. Я не могла не заметить дополнительных морщинок вокруг рта отца, из-за которых уголки его губ были почти постоянно опущены. Если бы только он перестал все время тревожиться по какому-нибудь поводу, это сделало бы его красивое лицо лет на десять моложе. Седина в последнее время все сильнее проступала в его светлых пепельных кудрях.

– Я как раз говорила отцу, что иду к экипажу, – сказала я так непринужденно, как только смогла, делая вид, что не чувствую перемены в атмосфере. – У меня встреча с дядей

Джонатаном.

Натаниэль захлопал руками в перчатках, лукавая улыбка осветила его лицо. Он не мог противиться своему желанию помочь мне изучать медицину. В основном потому, что мои современные взгляды на то, почему девушки тоже способны приобретать профессию и изучать ремесло, его бесконечно забавляли.

Любовь моего брата к спорам сделала его отличным адвокатом-стажером, но его непостоянство очень скоро привело бы его куда-нибудь еще. В число его прежних прихотей входило несколько месяцев изучения медицины, потом искусства, потом кошмарные усилия овладеть скрипкой – это плохо заканчивалось для всех, кто имел несчастье слышать, как он играет гаммы.

Хотя, как наследник состояния нашей семьи, он не нуждался в приобретении какой-то профессии. Это было просто средством заполнить свободное время и заняться чем-нибудь еще, помимо кутежей с напыщенными друзьями.

– А, верно. Помню, дядя что-то говорил насчет чая в начале недели. К сожалению, мне пришлось отказаться от приглашения из-за моих занятий и всего прочего, – поправив перчатки и одернув костюм, Натаниэль отступил на шаг и усмехнулся. – Твое платье исключительно подходит для сегодняшней погоды и особого случая. Тебе семнадцать сегодня, правильно? Ты великолепна, именинница. Разве ты не согласен, отец?

Отец внимательно осмотрел мой наряд. Вероятно, он изобретал какую-нибудь ложь, чтобы не позволить мне поехать в дом дяди, но не мог ничего придумать. Я уже уложила в карету комплект одежды попроще. Если он не сможет доказать, что я еду ради запретной практики по вскрытию покойников с риском подцепить инфекцию, ему не удастся меня остановить.

А сейчас я одета в благопристойный наряд для вечернего чая: платье из «мокрого» шелка, того же бледно-желтого цвета шелковые туфельки, а корсет так туго зашнурован, что напоминает болью о своем присутствии при каждом вдохе.

Внезапно я почувствовала благодарность к перчаткам розового цвета, застегнутым на пуговицы до локтей, – этот модный аксессуар прекрасно скрывал вспотевшие ладони.

Отец устало провел рукой по лицу.

– Поскольку сегодня твой день рождения, ты можешь поехать туда на чай, но сразу же возвращайся. Я не хочу, чтобы ты поехала еще куда-то. И я не хочу, чтобы ты занималась чем-то таким... – он помахал рукой, как раненая птица машет крылом, – ...чем-то тем, чем занимается твой дядя. Понятно?

Я с облегчением кивнула головой, но отец еще не закончил.

– Если с твоей сестрой что-то случится, – сказал он, пристально глядя на брата, – я буду считать тебя ответственным за это.

Отец еще секунду смотрел в глаза Натаниэля, потом вышел из комнаты, оставив за собой ощущение пронесшегося шторма. Я смотрела, как его широкая спина исчезает в конце коридора, пока он не захлопнул за собой дверь кабинета одним взмахом руки. Я знала, что вскоре он закурит сигару и запрется там до утра, а мысли и воспоминания о маме будут преследовать его, пока он не погрузится в беспокойный сон.

Я перевела взгляд на Натаниэля, который вытащил свой любимый серебряный гребень и провел им по волосам. Ни одна золотистая прядка не должна лежать не на своем месте, иначе может взорваться вселенная.

– Жарковато в кожаных перчатках, ты не находишь?

Натаниэль пожал плечами.

– Я тоже собирался уходить.

Как мне ни хотелось поговорить с братом, мне предстояла серьезная встреча. Дядя имел множество особых привычек, и опоздания не допускались. Пусть даже сегодня день моего рождения.

Когда я в последний раз нарушила это правило, дядя заставил меня целый месяц отмывать пол от окровавленных опилок. Мне не хотелось еще раз заслужить такое наказание; кровь тогда запекалась вокруг моих ногтей, и ужасно трудно было отмывать ее перед ужином. Слава богу, тетя Амелия у нас тогда не гостила, она бы упала в обморок от этого зрелища.

– Хочешь, завтра встретимся и вместе отправимся на

ланч? – спросила я. – Я могу попросить Марту приготовить для нас что-нибудь, чтобы взять с собой в Гайд-парк. Мы даже можем прогуляться вокруг Серпантина.

Натаниэль улыбнулся с легкой грустью.

– Может быть, мы сможем устроить запоздалую прогулку в честь твоего дня рождения вокруг пруда на следующей неделе? Мне, конечно, хотелось бы знать, что вы с дядюшкой Кадавром затеваете в том мини-домике ужасов, – в его глазах вспыхнула искорка беспокойства. – Меня тревожит, что ты видишь всю эту кровь. Это не может быть полезным для слабых женских нервов.

– Вот как? Где в медицинском словаре сказано, что женщина не может справиться с подобными вещами? Или душа мужчины состоит из другого материала, которого нет в душе женщины? – пошутила я. – Я и не представляла себе, что мои внутренние органы состоят из ваты и котят, а твои – из стали и деталей парового двигателя.

Его голос смягчился, когда он заговорил о том, что его действительно тревожило.

– Отец с ума сойдет, если обнаружит, чем ты в действительности занимаешься. Боюсь, его представление о реальности сейчас сильно пострадало. Его иллюзии начинают... внушать тревогу.

– Почему это?

– Недавно утром я... я застал его, когда он точил ножи и разговаривал сам с собой, когда думал, что все еще спят, –

он потер виски, его улыбка угасла. – Возможно, он думает, что сможет заколоть микробов до того, как они проникнут в наш дом.

Это была действительно тревожная новость. В последний раз, когда на отца нашло такое, он заставлял меня надевать на лицо маску каждый раз, когда я выхожу из дома, чтобы избежать заражения через дыхание. Хотя я и любила считать себя выше таких вещей, как тщеславие, мне очень не понравились взгляды, которыми меня награждали, когда я рисковала выйти из дома. Снова пройти через это было бы мучительно.

Я постаралась изобразить широкую улыбку.

– Ты слишком волнуешься, – я поцеловала его в щеку, а потом пошла к двери, легкомысленным тоном сказав напоследок: – Если не станешь осторожнее, ты в конце концов лишишься всех своих роскошных волос.

Натаниэль в ответ рассмеялся.

– Я это учту. С днем рождения, Одри Роуз. Очень надеюсь, что ты прекрасно проведешь время, что бы ты там ни задумала. Но будь осторожна. Ты же знаешь, дядя бывает немного... сумасшедшим.

Двадцать минут спустя я стояла в подвале, в лаборатории дяди, привыкая к ужасному запаху чужого кошмара.

Мертвая плоть издает тошнотворный, сладковатый запах, и, чтобы привыкнуть к нему, требуется некоторое время.

Свежие, неповрежденные трупы источают запах, напоминающий запах тушки цыпленка. Запах тел людей, умерших несколько дней назад, игнорировать несколько сложнее, каким бы опытом общения с ними ты ни обладал.

Мэри Энн убили меньше чем сутки назад, и сильный запах дохлой крысы свидетельствовал о том, что ее смерть была жестокой. Я помолилась про себя за ее неупокоенную душу и истерзанное тело перед тем, как переступить порог помещения.

Газовая лампа под потолком бросала мрачные тени на обои с рисунком под парчу; две знакомые фигуры склонились над трупом, лежащим на столе для вскрытия. Не надо было быть гением, чтобы прийти к выводу, что это труп, который мы обсуждали во время нашего утреннего урока, а второй человек в комнате – это мой возмутительный соученик.

Я по опыту знала, что нельзя мешать дяде во время исследования улики, и была особенно благодарна ему за это правило, когда он снова начал описывать Томасу изувеченную шею жертвы – еще более детально. Эта женщина показалась мне чем-то знакомой, и я невольно стала воображать себе ее жизнь до наступления такого печального конца.

Возможно, были люди, которые ее любили, муж или дети, и в этот момент они оплакивают ее гибель, и им теперь все равно, что ей выпала тяжелая судьба.

У смерти нет таких предрассудков, как положение в обще-

стве или пол, как у живущих людей. Она является одинаково за королями, королевами и проститутками, часто оставляя сожаления живым. Что бы мы могли сделать иначе, если бы знали о столь близком конце? Я прогнала от себя эти мысли. Слишком близко я подошла к той опасной двери чувств, которую уже заперла на замок.

Мне необходимо было отвлечься, и, слава богу, это место идеально подходило именно для этой цели. Полки из красного дерева тянулись вдоль стен всей комнаты, уставленные сотнями стеклянных банок с образцами. Их тщательно занесли в каталог и выставили в алфавитном порядке: дядя поручил мне эту работу прошлой осенью, и я только недавно ее закончила.

Всего я насчитала почти семьсот разных образцов – великолепная коллекция даже для музея, не говоря уже о частном доме.

Я провела пальцем по ближайшему ко мне законсервированному образцу: бирка на нем, подписанная моим мелким почерком, гласила, что это поперечный срез лягушки. Слабый аммиачный запах формалина пропитывал все в этой подземной берлоге, заглушая даже сладковатый запах тления, но он, как ни странно, успокаивал. Я тихо взяла печень, которую вчера сама извлекла, и поставила на полку. Это мое первое собственное добавление к коллекции.

Мое внимание привлекло то, что я приняла за одежду мисс Николс. Пятна крови с трудом можно было различить

на темной материи, однако, учитывая особенности нападения, я понимала, что они там есть. Маленькие ботиночки на шнуровке покрыты грязью; грязь испачкала стол, на котором они лежали. Ботинки были сильно поношены, что свидетельствовало о ее бедности.

По моей спине пробежала дрожь, никак не связанная с мрачной процедурой, которая происходила в противоположном конце комнаты. Поддерживать низкую температуру в этой части дома было необходимо, иначе образцы слишком быстро разлагались.

Не стесняющее движений платье из муслина, которое я теперь надела, служило плохой защитой от холодного воздуха, но я предпочитала работать в нем, а не в более нарядном платье с корсетом, хотя руки покрылись гусиной кожей.

Я обвела взглядом противоположную от меня стену, где лежали медицинские журналы и инструменты, которые постороннего человека могли немного испугать. Изогнутое, похожее на серп лезвие ножа для ампутации, пилы для костей, внушительные стеклянные и металлические шприцы были бы вполне уместны в том готическом романе, которым так увлекались в детстве и я, и Натаниэль, – он назывался «Франкенштейн». Их легко можно было принять за дьявольские приспособления, если человек имел склонность к таким предрассудкам... как отец.

Потустороннюю тишину помещения нарушил голос дяди, который перечислял основные факты, такие как рост, пол,

цвет волос и глаз, одновременно осматривая тело в поисках других травм, полученных жертвой в момент убийства. Эти факты я уже помнила по записям в моем журнале.

Я смотрела, как Томас делает заметки в медицинской анкете с механической точностью; на его пальцах появилось еще больше чернильных пятен, чем вчера в классе. Делать записи входило в мои обязанности во время подобных процедур. Я терпеливо стояла, вдыхала химический воздух и слушала тихие звуки, издаваемые разрезаемой плотью, пытаюсь не обращать внимания на тошноту, поднимающуюся в желудке. Мне всегда требовалось несколько минут, чтобы привести в порядок нервы.

Через несколько мгновений дядя заметил, что я стою в углу, и подал мне знак надеть фартук и присоединиться к ним.

Когда я подошла ближе к трупу, словно закрылась какая-то дверь между моим сердцем и головой, оставив все эмоции по другую сторону. Когда я стояла над трупом, я больше не видела ту женщину, какой мертвая была при жизни. Я видела лишь покинутую оболочку, и мною овладело сильнейшее любопытство.

Эта женщина превратилась из приятной на вид женщины в еще одно безликое тело; этим летом я достаточно часто имела с ними дело. Обрывки ткани прикрывали некоторые части ее тела, чтобы соблюсти пристойность, хотя в ее состоянии не было ничего пристойного.

Ее кожа имела более бледный цвет, чем тончайшая посуда ручной работы, которую мама унаследовала от своей бабушки из Индии, за исключением подбородка, где виднелся темный синяк. Тяжелая жизнь уничтожила ту нежность, которая прежде была свойственна ее облику, по моим представлениям, и смерть не была доброй к ней, когда заключила ее в свои беспощадные объятия.

По крайней мере, глаза у нее были закрыты. Больше ничего мирного в ее облике не было. По словам дяди, у нее не хватало пяти зубов и на языке также имелся разрез: он свидетельствовал о том, что ее, вероятно, ударили или сбили с ног, и она потеряла сознание перед тем, как ей перерезали горло. Это были самые щадящие повреждения.

Мой взгляд переместился на низ живота, в левой части которого зияла огромная рана. Дядя Джонатан на занятии не преувеличил: эта рана была неровной и очень глубокой. Несколько меньших ран тянулись вдоль правой стороны торса, но они были не такими глубокими, насколько я могла судить.

Я видела, почему дядя считал, что преступник пользовался обеими руками. Синяк на челюсти указывал, что кто-то обхватил ее лицо левой рукой, а разрез на левой стороне тела, вероятнее всего, сделал человек, действующий правой рукой. Разве только убийца был не один...

Я покачала головой и снова сосредоточилась на верхней части тела. Раны от ножа на шее говорили о жестоком напа-

дении. Тем не менее мне было на удивление легко смотреть на них в моем новом, эмоционально отстраненном состоянии, и у меня промелькнула мысль: тетя Амелия, возможно, сказала бы, что это еще один удар, нанесенный моему моральному облику.

– Девушки должны думать о нарядах и украшениях, а не о прегрешениях, – говаривала она.

Я мечтала о том времени, когда девушки смогут носить наряды и пользоваться косметикой – или не пользоваться косметикой и наряжаться в джутовые мешки, если им этого хочется, – при этом заниматься выбранной ими профессией, и их выбор не будут считать «прегрешением».

Дядя внезапно отпрянул назад и чихнул. В моей голове тут же возникли мысли о заражении болезнями, передающимися по воздуху. Целую минуту я старалась взять себя в руки. Страхи отца не станут моими страхами и не помешают мне делать то, что необходимо.

Дядя щелкнул пальцами и указал на один из четырех хирургических ножей, лежащих на металлическом подносе. Я хватала и подавала ему эти инструменты, а потом брала их у него и погружала в спирт после того, как он мне их возвращал. Когда настал момент удалять органы, я подготовила отдельные подносы и банки для образцов еще до того, как дядя их потребовал.

Я хорошо знала свое дело.

Он что-то проворчал, выражая одобрение, затем взвесил

по очереди обе почки.

– Левая почка весит примерно сто тридцать семь граммов, – Томас записал эти сведения и быстро сосредоточился на дальнейших высказываниях дяди. Он молчал, когда был поглощен работой, и совершенно не замечал моего присутствия, словно я была предметом мебели, пока во мне не нуждались. – Правая несколько маловата, она весит около ста девятнадцати граммов.

Дядя отделил маленькую частицу каждого органа и положил в чашки Петри для дальнейшего изучения. То же он проделал с сердцем, печенью, кишками и мозгом. Чистый белый фартук дяди постепенно покрывался пятнами крови, но он методично мыл руки после каждого среза, чтобы не загрязнить улики.

Нет доказательств того, что такое загрязнение может произойти, но у дяди на этот счет свои собственные теории.

– Будь проклято это консервативное общество! – орал он. – Я знаю то, что я знаю.

По внешнему виду он не сильно отличался от мясника. Полагаю, даже умершие люди были для него всего лишь животными, которых разделявают во имя науки, а не ради пропитания.

Все выглядит одинаково, если снять верхние слои.

Я чуть не рассмеялась вслух своим абсурдным мыслям. Два раза в год тетушка Амелия и кузина Лиза гостили у нас. Целью их визита – отчасти – было ввести меня в общество

девушек моего возраста, для чего они устраивали пышные чаепития. Тетушка Амелия надеялась, что потом я буду продолжать посещать их уже без нее, но я положила этому конец. Девушки, которые приходили на чай, не понимали моих мыслей, и именно поэтому я отклоняла их приглашения в последние несколько месяцев. Я ненавидела жалость в их глазах и не представляла себе, как объяснить им мои вечерние занятия.

Некоторые из них считали непристойным погружать нож от масла в лимонный крем. Как бы они ужаснулись, если бы увидели, как мой скальпель исчезает в окровавленной ткани!

Что-то холодное и мокрое просочилось сквозь мои подошвы. Я не заметила лужу крови, в которой стояла. Я быстро принесла мешок опилок и рассыпала их по полу; они напоминали тонкий слой желто-коричневого снега. Мне надо будет избавиться от своих туфель до того, как я вернусь домой – незачем пугать мою совсем недавно появившуюся камеристку больше, чем обычно, когда я прихожу домой после дневной работы в брызгах крови.

Дядя щелкнул пальцами, возвращая меня к насущным задачам.

После того как я продезинфицировала пилу для костей, которой дядя вскрывал череп, и положила ее обратно на полку, вскрытие было закончено. Дядя Джонатан сшил тело, как ловкий портной, только он работал с плотью вместо ткани. Я наблюдала, как V-образный разрез, который он сделал, пре-

вращается из темно-красной линии в черный шов.

Краем глаза я увидела, как Томас поспешно рисует труп в его окончательном виде. Его карандаш сновал по бумаге то быстрее, то медленнее. Мне пришлось нехотя признать, что его рисунок действительно очень хорош. Те подробности, которые он уловил, помогут нам в расследовании, когда тело увезут обратно в морг.

– Ты узнаешь покойницу, Одри Роуз?

Мое внимание резко переключилось на дядю. Он снимал свой фартук и смотрел мне прямо в глаза. Я прикусила губу, всматриваясь в изуродованное лицо женщины. Мне чудилось в нем что-то знакомое, но я все равно не узнавала ее. Я медленно покачала головой, сдаваясь.

– Она служила у вас в доме. Очень недолго.

Чувство вины вонзило в меня когти – я все еще не узнавала эту бедную женщину. Что за безобразие – не обратила внимания на человека из собственного дома. Мэри Энн заслуживала лучшего отношения и с моей стороны, и со стороны всего мира. Я почувствовала себя очень виноватой. Дядя повернулся к раковине.

– Должно быть, ты в то время болела.

Томас тут же насторожился, всматриваясь в меня в поисках признаков остатков болезни. Как будто ему не все равно. Наверное, он встревожился, что это может представлять какую-то потенциальную опасность для него самого. Лицо мое горело, и я занялась образцами.

– Что каждый из вас узнал из нашего небольшого сегодняшнего опыта? – прервал мои мысли дядя Джонатан, намыливая руки и предплечья куском карболового мыла. – Появились какие-нибудь интересные гипотезы?

Я ухватилась за возможность высказать свое мнение сейчас, когда нас не окружают студенты. Отчасти я радовалась случаю изложить свои теории в присутствии Томаса. Я хотела, чтобы он увидел, что не у него одного есть интересные мысли.

– Тот, кто виновен в этом убийстве, наверное, получил какое-то образование в области медицины, – сказала я. – Возможно даже, он изучал патологическую анатомию. Или, по крайней мере, он учился хирургии.

Дядя кивнул:

– Хорошо. Говори дальше.

Вдохновленная одобрением дяди, я обошла вокруг трупа.

– Возможно, ее схватили за лицо, потом нанесли удар, от которого она лишилась чувств, – я вспомнила о разрезах и о тех местах на теле, где имелись раны. – И еще, возможно, ее перенесли в другое место. Нашему убийце нужно было время, чтобы провести свою операцию без помех.

Когда я представила себе, как нашу бывшую служанку избили, затем оттащили в какой-то заброшенный подвал или в другое сырое, темное место, у меня по всему телу побежали мурашки, словно кладбищенские черви. Хоть я ее и не помнила, сама мысль о том, что она жила, дышала, работала

в моем доме, заставляла меня чувствовать себя в каком-то смысле ответственной за нее. Я хотела помочь ей теперь, после смерти, раз уж не смогла помочь при жизни. Может быть, она до сих пор была бы жива и имела достойную работу, если бы у меня хватило смелости сопротивляться хронической потребности отца менять слуг каждые несколько недель.

Мои опущенные руки сжались в кулаки. Я отказывалась, решительно отказывалась позволить продолжать так жестоко относиться к женщине. Я сделаю все, что в моих силах, чтобы раскрыть это убийство, ради мисс Николс. И ради всех других лишенных права голоса девушек и женщин, которых игнорирует общество.

Мама поступила бы так же.

Все другие мысли вытеснила из моей головы та ужасная реальность, с которой мы столкнулись.

– Наверное, он перерезал ей горло в таком месте, где большое количество крови не привлекло бы внимания. Возможно, он отнес ее на бойню и сделал это там.

Томас фыркнул, стоя рядом с трупом. Я резко обернулась, чтобы наградить его заслуженно гневным взглядом, одновременно развязывая тесемки фартука со всей злостью, какую сумела вложить в это действие, а потом швырнула фартук в бак для грязного белья. Я чувствовала, что мое лицо снова покраснело, но надеялась, что он не поймет истинной причины этого румянца.

– Что в этом смешного, мистер?..

Он сделал серьезное лицо и встал.

– Мистер Томас Кресуэлл, к вашим услугам, мисс Уодсворт, – слегка согнувшись в шутовском поклоне, он выпрямился во весь свой высокий рост и улыбнулся. – Я нахожу это смешным, потому что для нашего убийцы это слишком большая работа. Тащить ее на бойню после того, как он позаботился одним ударом лишить ее чувств... – он поцокал языком. – Это кажется совершенно лишним.

– Простите, но вы не...

Томас закрыл журнал, в котором делал зарисовки, и обошел вокруг трупа, грубо перебив меня:

– Особенно если он мог легко расчленить ее у реки, и все улики смыло бы, ему даже не пришлось бы пачкать руки. Не говоря уже о грязи, – он указал на ее испачканные ботинки, – которая засохла на ее каблуках.

Я сморщила нос, будто в воздухе запахло чем-то похуже гниющей плоти. Меня очень огорчило, что я упустила связь между грязью на ее ботинках и грязными берегами реки. Еще больше меня раздосадовало то, что Томас ее не упустил.

– Дождя не было почти неделю, – продолжал он, – а возле Темзы множество темных уголков, из которых может выбрать Кожаный фартук.

– Вы только что утверждали, будто смешно предполагать, что он убил ее на бойне, – прищурилась я. – Теперь вы называете его Кожаным фартуком?

– Я имел в виду его прозвище, Кожаный фартук. Разве

вы не видели газету сегодня днем? – Томас изучающе смотрел на меня, словно я была экземпляром, который он бы хотел препарировать для исследования. – Несомненно, выбрать идеальные шелковые туфельки не так важно, как найти кровожадного убийцу. И все же... посмотрите на свои ножки, ваши туфельки все в пятнах крови. Неужели ваш интерес к науке – это всего лишь попытка найти мужа? Тогда я сейчас приоденусь!

Я нахмурилась, а он в ответ сверкнул проказливой ухмылкой.

– Уверен, ваш дядя не будет возражать против того, чтобы прекратить свои исследования и сопровождать нас на прогулках, – с этими словами он повернулся к дяде, – не так ли, доктор Уодсворт? Должен признаться, ваша племянница очень красива.

Я отвела взгляд. Я забыла взять менее нарядные туфли в безумной спешке покинуть свой дом. Но и с этими туфлями все в порядке. Если я предпочитаю надевать их на вскрытие, то это мой и только мой выбор.

Возможно, я именно так и буду делать просто для того, чтобы досадить ему.

– Вы знаете ужасно много о том, что думает убийца, – любезно произнесла я. – Возможно, нам следует изучить, где вы находились в тот вечер, мистер Кресуэлл. – Я с трудом сглотнула, но выдержала его взгляд. Через минуту он кивнул, словно пришел к какому-то выводу насчет меня.

– Если вы собираетесь следовать за мной по ночам, мисс Уодсворт, – тут он бросил быстрый взгляд на мои ноги, – я бы посоветовал вам надеть более практичные туфли.

Я открыла рот для резкого ответа, но мистер Томас Креуэлл снова перебил меня. Дерзкий глупец.

– Кожаный фартук – так теперь называют нашего убийцу. Он начал огибать лабораторный стол, потихоньку подбегаясь все ближе к тому месту, где я стояла. Я хотела попятиться назад, но меня будто затянуло на его орбиту силой притяжения. Он остановился передо мной, черты его лица ненадолго смягчились, и мое сердце забилось быстрее.

Боже, помоги девушке, на которой он остановит свой взор навсегда. Его мальчишеская уязвимость была оружием, мощным и безотказным. Слава богу, что я не из тех девушек, которые теряют голову из-за красивого лица. Ему придется приложить усилия, чтобы завоевать мою симпатию.

– Отвечу на ранее заданный вами вопрос, доктор Уодсворт, – сказал он, отрывая от меня свой взгляд, более серьезным тоном, чем раньше. – Я совершенно убежден, что это лишь начало. Мы столкнулись с началом дела о серийном убийце. Ни один человек с такими навыками хирурга не останется, совершив всего одно убийство.

Его губы слегка дрогнули, когда он заметил на моем лице изумленное выражение.

– Я знаю, что я бы не остановился. Недостаточно почувствовать вкус теплой крови всего один раз, мисс Уодсворт.

Глава 4

Танец с дьяволом

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
7 сентября 1888 г.*

«Кожаный фартук» и «Уайтчепелский убийца» – такими были газетные заголовки последней недели.

Куда бы я ни смотрела, очередной самозванный эксперт в этой области выдвигал новую гипотезу. Детективы-инспекторы показали тело мисс Николс нескольким врачам, и они в основном пришли к тому же выводу, что и дядя Джонатан.

Однако почти все они не согласились с предположением дяди, что на нее напали, когда она стояла. Они все же признали, что горло ей перерезали до того, как нанесли раны в области живота, и тот, кто это сделал, вряд ли теперь остановится.

Жители Ист-Энда боялись выходить из дома после захода солнца, опасаясь, что любая темная фигура может оказаться жестоким убийцей. Проститутки предупредили, чтобы те были очень осторожными, но необходимость платить за жилье не позволяла им совсем уйти с улиц.

Мой отец вел себя хуже, чем всегда: он выходил из себя всякий раз, когда я покидала наш дом. Становилось все труднее выбираться тайком или придумывать своим отлуч-

кам такие оправдания, которые не вызвали бы у него сомнений. Он уволил всех наших служанок и нанял новых, его навязчивый страх, что они заразят всю нашу семью бог знает чем, затмил его рассудок. Не было смысла говорить ему, что новые слуги с большей вероятностью принесут инфекцию, так как они пришли в наш дом извне, из пугающего, зараженного болезнями мира.

Довольно скоро я стала опасаться, что он сам вызовется сопровождать меня повсюду. К сожалению, это означало, что будет почти невозможно посещать занятия у дяди по судебной медицине, хотя мне повезло, что я еще могла ходить к нему в лабораторию.

«Я совершенно уверен, что это только начало». Это мрачное предостережение мистера Томаса Кресуэлла каждый день приходило мне в голову. Мне казалось, что вокруг царит угрожающее затишье перед бурей, и я поймала себя на том, что по ночам моя тревога усиливается. Однако мне было трудно поверить в его теорию. Я и подумать не могла о том, что произойдут новые убийства. Раньше я никогда не слышала о серийных убийцах.

Казалось, Томас ищет еще один повод, чтобы продемонстрировать свои блестящие способности, и мне очень хотелось доказать, что он ошибается, и тем самым завоевать еще большее уважение дяди.

Желание получить одобрение дяди и мое заочное знакомство с мисс Николс послужили причиной того, что я твердо

решила помочь раскрыть это дело.

Я пыталась обсудить с братом, что он думает по этому поводу, но он был погружен в свои занятия и не мог уделить мне время. Поэтому у меня оказалось слишком много свободного времени на размышления о смерти и о недолговечности всего живого.

Натаниэль заверил меня, что я не виновата в произошедшем, но его утешение не приносило мне облегчения, когда отец смотрел на меня с таким всепоглощающим страхом. По его мнению, он обязан был защищать меня от всего на свете. В конце концов, мама умерла не тогда, когда выхаживала Натаниэля после скарлатины. Ему не пришлось смотреть, как ее лицо покрывается этой ужасной красной сыпью, и видеть, как распухает ее язык, потому что брат был очень слабым. Ее уже и без того больное сердце остановилось насовсем не из-за того, что Натаниэль принес инфекцию в наш дом.

Я невольно чувствовала себя бесполезной дочерью, убивающей своего отца, которая слишком похожа на свою мать и постоянно напоминает ему о том, что он потерял. Обо всем, что я украла у него в ту ночь, когда сделала первый нормальный вздох после болезни, а мама сделала свой последний вздох.

Я послужила причиной его растущего безумия, и я никогда не разрешала себе забыть об этом. Когда я закрывала глаза, я видела больничных служащих в длинных платьях и накрахмаленных передниках. Их мрачные лица отворачива-

лись от моих пронзительных воплей, когда грудь мамы затрепетала и застыла навсегда. Я стучала обоими кулачками по ее грудной клетке, мои слезы падали на ее красиво расшитый халат, но она больше не шевелилась.

Ни один ребенок двенадцати лет не должен смотреть, как душа матери уходит в бездну. В тот раз я впервые ощутила свое бессилие. Бог предал меня. Я молилась все время, как учила меня мама, и что толку? Смерть все равно забрала ее. Именно тогда я поняла, что буду полагаться на что-то более осязаемое, чем святой дух.

Наука никогда не предавала меня так, как это сделала религия в ту ночь.

Отречение от Святого Отца считалось грехом, а я делала это неоднократно. Каждый раз, когда мой скальпель прикасался к плоти, я грешила – и радовалась этому.

Бог уже не имел власти над моей душой.

В этот вечер мои мысли звучали предательски громко и не хотели утихомириться. Я металась в своей тонкой ночной сорочке, отбрасывала ногами простыни и в конце концов налила себе стакан воды из кувшина на столике рядом с кроватью.

– Будь все проклято.

Сон не собирался приходиться ко мне. В этом я была уверена. Мои руки и ноги чесались от желания выбраться из дома и что-то сделать. Или, возможно, мне просто необходимо было вырваться из замкнутого пространства моей комнаты,

спасти от горестных мыслей, приходящих с темнотой.

Каждый новый день означал мою очередную неудачу – я не смогла помочь семье мисс Николс обрести покой. Один раз я уже подвела ее и ни за что не подведу опять.

Я сжала кулаки. Я могла поступить разумно и без риска – подождать в лаборатории появления следующей жертвы. Или я могла начать действовать сейчас. Сегодня ночью. Я могла собрать улики, которые, может быть, помогут произвести впечатление и на Томаса, и на дядю.

Чем больше я размышляла об этом, тем больше во мне зрело убеждение в правильности такого решения. Мама обычно говорила: «У роз есть и лепестки, и шипы, мой темный цветочек. Не нужно считать что-то слабым, потому что оно выглядит деликатным. Покажи миру свою храбрость».

У мамы было слабое сердце, и ее берегли от физической активности в детстве, однако она находила другие способы доказать свою силу. Нет нужды быть сильным только в физических действиях – сильный ум и воля тоже производят впечатление.

– Ты права, мама, – я прошла по пушистому золотистому персидскому ковру у себя в комнате и обрадовалась холоду твердого дерева, когда мои подошвы ощутили край ковра. Прежде чем я поняла, что делаю, я увидела, что стою перед зеркалом, одетая во все черное. – Настало время для храбрости.

Собрав свои темные волосы в простую косу и заколов ее

на макушке, я заправила за уши несколько выбившихся прядей. Платье на мне было простого фасона, с длинными узкими рукавами и маленьким турниром, из легкого хлопка. Я провела ладонями по груди, наслаждаясь мягкостью и тонкой отделкой одежды.

Я уставилась на темные круги под своими глазами, говорящие о многих бессонных ночах. Болезненная бледность моей кожи резко контрастировала с черной одеждой, и я пощипала себя за щеки, чтобы придать им необходимый розовый оттенок.

Маме никогда не приходилось делать подобные вещи. Ее кожа имела прекрасный медовый оттенок, выдавая ее индусское происхождение, и моя кожа была чересчур сдобренным сливками вариантом ее кожи. Я напомнила себе, что не собираюсь вводить новую моду, я собираюсь быть незаметной. Хотя мою тетюшку обрадовало бы то, что я заинтересовалась своей внешностью.

В моей голове промелькнула непрощенная мысль – ужасная мысль. Томас и дядя находились где-то вне дома в вечер первого убийства... и их интересовало изучение человеческого тела. И Томас откровенно солгал насчет этого. Если я обнаружу, что они делали нечто неподобающее, причинят ли они мне вред? Я рассмеялась, прикрываясь ладонью, чтобы заглушить звук.

Что за смехотворная идея.

Мой дядя не способен на такие поступки. А вот Томас...

Я не была в этом уверена, но не захотела продолжать размышлять об этом.

Я представляла себе, что убийца – это лекарь, путешествующий за границей, или человек, работающий вместе с лекарем над поисками органов для изучения. Или, возможно, какой-то состоятельный человек – мужчина или женщина – пожелал дорого заплатить за трансплантацию органа.

Однако эта наука еще не получила широкого распространения. Никому еще не удавалось успешно пересадить орган. В любом случае я очень сомневалась, что Кожаный фартук бродит вокруг, выслеживая уличных женщин. Со мной все будет в порядке под покровом темноты.

Не позволив себе ни минуты колебаний, я быстро прокрадлась вниз по лестнице, пробралась в гостиную и заперлась на замок. Оглядев пустую комнату, я с облегчением вздохнула. Все было тихо. Я на цыпочках прошла к окнам и открыла то, которое было дальше всех от двери.

Ухватившись двумя руками за подоконник, я оглянулась через плечо, еще раз проверяя замок. Отец спал, и он был не настолько безумен, чтобы проверять по ночам, где я, но при мысли о том, что меня поймают, мое сердце забилося с удвоенной быстротой.

Кровь пульсировала в моих венах от восторга, когда я спрыгнула с высоты нескольких футов и приземлилась на поросший травой участок между камнями. Несколько мгновений невесомости заставили меня почувствовать себя сво-

бодной, как птица, парящая в небе.

Я улыбнулась, стаскивая с себя мягкие кожаные перчатки и растворяясь в тени вокруг здания. Отец запер бы меня в старом угольном погребе, если бы знал, что я удрала из дома так поздно, и это придавало моему ночному приключению еще большую привлекательность.

Пусть он обнаружит, что я нахожусь вне дома в такое неподобающее время и что я способна сама о себе позаботиться. Я радовалась возможности не только добыть полезные улики для нашего расследования, но и доказать отцу, что его страхи безосновательны.

Даже если есть вероятность, что безумный потенциальный убийца бродит по городу.

Мой поход начал терять свою привлекательность по мере того, как я шла по сумрачным безлюдным улицам Лондона.

Я не могла взять экипаж так, чтобы отец не узнал о моих недостойных поступках, а после хождения по булыжным мостовым в течение почти часа моя затея начала выглядеть не такой смелой и увлекательной, какой казалась раньше. Я замерзла, а улицы пахли отбросами. Я ощущала покалывание между лопатками, будто от укола иголок. У меня было ужасное чувство, что за мной следят. Я чуть не упала в обморок, когда испуганная старая крыса перебежала мне дорогу.

В конце квартала я услышала какой-то шум и скользнула в ближайший переулок, чтобы меня не увидели. Голоса до-

носились сквозь густой туман, усиливая ощущение нереальности и без того призрачных улиц. Я считала вдохи и ждала, когда люди пройдут мимо, молясь, чтобы никто не заглянул в мое укрытие. Ветер щекотал мой затылок, который покрывался гусиной кожей. Мне не нравилось стоять в ловушке между зданиями.

Я не подумала о том, что скажу, если встречу кого-нибудь в такое время. Я думала только о том, что должна посмотреть на пабы, которые мисс Николс посетила перед своей гибелью, и что, возможно, мне удастся узнать какие-то новые факты или улики у тамошних пьяниц и превзойти Томаса Кресуэлла. Наверное, мне следовало подготовиться получше, а не руководствоваться желанием доказать, что я умнее такого несносного, хоть и чертовки талантливового парня.

Я посмотрела сквозь легкий туман на поперечную улицу. Хэнбери. Как я забралась так далеко? Я уже находилась рядом с «Принцессой Алисой», но немного отклонилась в сторону. Следующие несколько улиц должны вывести меня к полям для гольфа Уэнтуорт и Коммершел.

Не дожидаясь, пока мимо пройдет подвыпившая парочка, я заставила себя бесшумно, как привидение, проплыть по переулку и пересечь улицу. Мои ноги ступали твердо, хотя сердце билось так сильно, что меня можно было сбить с ног прикосновением перышка. Когда я прошла половину переулка, за моей спиной выкатился камешек. Я резко обернулась, но... ничего не увидела.

Ни убийцы с серпом, ни пьяного завсегдатая баров – только пустое темное пространство между домами. Должно быть, это крыса пробиралась по отбросам.

Я постояла еще несколько мгновений, выжидая; сердце билось о ребра, как рыба, выдернутая из воды. Я боялась, что за моей спиной окажется чудовище, которое дышит своим зловонным дыханием мне в шею, если я обернусь, поэтому я закрыла глаза. Почему-то легче справиться со страхом, когда ничего не видишь. Однако было глупо, очень глупо так вести себя. Если делать вид, что чудовища там нет, это не заставит его уйти. Это только сделает человека уязвимым для нападения.

Я внимательно прислушалась. Не услышав других звуков, я быстро пошла дальше, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что там никого нет.

Увидев перед собой оживленный паб, я глубоко вздохнула. Я скорее была готова рискнуть встретиться с пьяными скандалистами, чем с крадущимися ночными тенями. Кирпичное здание высотой в три этажа выделялось среди других домов на углу двух улиц фасадом треугольной формы.

Шум и звон, стук тарелок и стаканов доносились из распахнутой двери вместе с пьяным смехом и словами, не подходящими для ушей леди. Прикусив нижнюю губу, я рассматривала посетителей: некоторые из них отличались очень неприятной внешностью.

Я пересмотрела свое мнение по поводу боязни теней.

Некоторые мужчины были покрыты сажей, у некоторых по краям закатанных рукавов виднелись пятна крови. Мясники и фабричные рабочие. Их узловатые руки говорили о тяжелом труде, а грубый выговор – о нищете. Мои хрупкие аристократические косточки выделялись даже в самом простом из платьев. Я проклинала корсаж и изящные швы, заметные даже в темноте, и подумывала, не повернуть ли назад.

Но отказалась признать себя побежденной с такой легкостью из-за страха или хорошо сшитой одежды.

Распрямив плечи, я сделала один гигантский шаг к толпе, но тут меня потащила назад какая-то невидимая сила. Я открыла было рот, чтобы закричать, но большая ладонь быстро заставила меня замолчать, обхватив нижнюю часть лица.

Хватка была не сильной, но не позволяла мне раскрыть рот и укусить нападающего. Я ляглась и вырывалась, но напрасно. Единственное, что у меня получилось, – это запутаться в своих проклятых юбках и упасть на агрессора, позволив ему с еще большей легкостью осуществить преступный замысел. Я оказалась во власти этого невидимого демона, не в силах вырваться из его сверхъестественной хватки.

– Пожалуйста, не кричите, вы все испортите, – в его голосе было слишком много насмешки, учитывая ситуацию. По крайней мере, он не был привидением. Я боролась изо всех сил, выворачивалась и бодала его головой в грудь. Если бы он не был таким высоким, я бы могла попасть ему по голо-

ве. — Мы тихо отойдем в одно место. Потом сможем поговорить. Хорошо?

Я медленно кивнула, приводя в порядок разбегающиеся мысли. Этот голос показался мне почему-то знакомым. Он мягко оттащил меня в тень, наши тела были самым неприличным образом прижаты друг к другу, и, хотя мне показалось, что я узнала его голос, я не облегчала ему задачу. Я была готова показать ему, что моя мать была права и у роз есть не только лепестки, но и шипы.

Вонзая в него каблуки, я лягала его и пыталась расцарапать ему руки, но добилась не многого. Мы свернули в проход между домами, обмениваясь ударами, и он охнул, когда мой локоть врезался ему в живот. Хорошо. Если я сейчас погибну, то, по крайней мере, испытаю удовлетворение от того, что ранила этого грубияна. Но победа была кратковременной: мои пышные юбки срывали любые попытки убежать, и чудовищный туман в конце концов поглотил нас целиком.

Когда мы оказались достаточно далеко от паба и от шеренги газовых фонарей вдоль мощенных булыжником улиц, мой похититель отпустил меня, как и обещал. Грудь моя вздымалась от страха и ярости. Приготовившись к битве, я резко обернулась и заморгала, не веря своим глазам.

Томас Кресуэлл стоял, скрестив на груди руки, и хмурил свое красивое лицо. Он тоже был одет во все черное, а его голову закрывала низко натянутая кепка. Его профиль отбрасывал резкую тень в тусклом свете.

Его окружала почти опасная аура, которая предостерегала, что надо держаться от него подальше, но меня бы сейчас это не остановило – гнев кипел у меня в жилах. Я готова была убить его.

– Вы совсем сошли с ума? Разве это было необходимо? – сердито спросила я, упираясь кулаками в бока, чтобы не задушить его. – Вы не могли просто попросить меня последовать за вами! И что это вы тут делаете, в такое позднее время на темных улицах?

Он настороженно посмотрел на меня, потом провел ладонью по своему усталому лицу. Я бы подумала, что он обеспокоен, если бы не была уверена, что это не так.

– Я мог бы спросить вас о том же, мисс Уодсворт. Но я предпочитаю предоставить это вашему брату.

– Моему... – я не успела закончить фразу, как появился Натаниэль, подобно Призраку Прошлого Рождества, и вид у него был очень недовольный. Я потеряла дар речи, в кои-то веки.

Натаниэль кивнул Томасу, потом грубо схватил меня за локоть и потащил глубже в тень, чтобы никто не мог услышать. Я вырвалась и обернулась, гневно глядя на него, но внимание Томаса было приковано к моей руке, которую сжимал Натаниэль: он смотрел на нее, стиснув зубы. Его реакция так меня поразила, что я покорно подчинилась брату.

– Прошу тебя, избавь меня от своих смехотворных историй, сестра, – хрипло прошептал Натаниэль, когда мы ото-

шли на достаточное расстояние. – Я даже знать не хочу, почему ты решила, что можешь бродить по темным улицам, когда убийца выслеживает женщин. Ты почему-то желаешь себе смерти?

У меня создалось впечатление, что это был риторический вопрос. Я молчала, теребя пальцами ткань юбки. Мне хотелось сбросить его грубую руку с локтя, который он слишком сильно сжимал. Мне также хотелось выругать его за излишне покровительственное отношение, как у отца, и закатить истерику.

Но я не решилась ни на то, ни на другое.

Натаниэль отпустил меня, потом стал натягивать свои тонкие кожаные перчатки, пока его лицо постепенно не приобрело более естественный цвет, а не ярко-красный оттенок мундира королевской гвардии.

Он вздохнул и провел рукой по своим светлым волосам.

– Достаточно и того, что я потерял маму, – у него сорвался голос, и он закашлялся, чтобы скрыть эмоции, потом выхватил свой гребень из кармана пальто. – Не жди, сестренка, что я буду сидеть и смотреть, как ты безрассудно рискуешь жизнью. – Его глаза с вызовом смотрели на меня, словно он ждал от меня глупого ответа. – Меня бы это погубило. Понимаешь?

Мой гнев испарился так же быстро, как вспыхнул. В последние пять лет мы вдвоем будто стояли против целого мира. Отец был слишком погружен в печаль, его словно и не

существовало. Ставя себя на место Натаниэля, я видела, как разобьются вдребезги мои чувства, если я его потеряю.

– Мне очень жаль, что я заставила тебя волноваться, Натаниэль. Правда, – я совершенно искренне просила у него прощения. Затем меня поразила одна мысль. Я прищурилась. – Могу я спросить, почему ты бродишь по темным переулкам вместе с этим дьяволом, мистером Кресуэллом?

– Если хочешь знать, – ответил Натаниэль несколько свысока, поправляя воротник, – мы здесь не одни.

Это меня очень заинтересовало. Я приподняла брови, и ждала, а мой брат окинул взглядом пустырь вокруг нас.

– Мы с группой друзей проводим свое собственное расследование. Мы расставили посты по всему Уайтчепелу и высматриваем подозрительных личностей. Мы называем себя «Рыцари Уайтчепела».

Я заморгала. Единственными людьми, которые выглядели совершенно неуместно здесь, были мой разодетый брат и его смехотворный лакей в шляпе. Могу себе представить, как смотрелись остальные мальчишки из высокородных семейств в этом районе.

– «Рыцари Уайтчепела», – повторила я. Брат был не способен причинить боль даже обычной мухе. Невыносимо было даже думать о том, что может сделать с ним какой-нибудь дьявольский убийца здесь, в темноте. – Ты это не серьезно, Натаниэль? Что ты станешь делать, если столкнешься лицом к лицу с этим убийцей? Предложишь ему серебряный гре-

бень или французского вина?

На лице брата появилось мрачное выражение.

– Ты бы удивилась, узнав, на что я способен, если возникает необходимость, – Натаниэль скрипнул зубами. – Он вскоре узнает, что не он один способен внушать страх. А теперь, – он повел меня назад, по проходу к одинокой фигуре, стоящей в его конце, – мистер Кресуэлл позаботится о том, чтобы ты благополучно добралась домой.

Меньше всего мне хотелось, чтобы меня провожал домой Томас Кресуэлл. Он и так очень самодоволен.

– Если ты остаешься здесь, то и я останусь.

Я упиралась ногами, отказываясь двигаться, но Натаниэль просто тащил меня за собой, словно я была сделана из перьев.

– Нет, не останешься, – он передал меня моему соученику. – Поедете в экипаже до моего дома, Томас. Я вернусь домой пешком позже.

Если Томаса и раздражало то, что Натаниэль им командует, словно обычным слугой, он не подал виду. Он просто стиснул мое предплечье своими длинными пальцами, будто взял на привязь. Мне очень не понравилось то, как быстро забилося мое сердце от его прикосновения, но я не сопротивлялась, не пыталась вырваться. Я украдкой бросила на него взгляд и заметила усмешку на его лице.

Он не сжимал мою руку так, словно я была непослушным ребенком, которого необходимо наказать; вместе это-

го он принял меня из рук Натаниэля с таким видом, будто это его надо спасать. Давно пора хоть кому-то заметить, что я способна сама о себе позаботиться. Даже если этот кто-то – возмутительный мальчишка. Умный, наглый, красивый мальчишка. Я постаралась выпрямиться, и Томас рассмеялся – восхитительным, рокочущим смехом, который я бы не возражала услышать еще. Брат соблаговолил подарить мне последний взгляд.

– Не забудь положить палку на тот подоконник в гостиной, – он широко улыбнулся в ответ на убийственный взгляд, которым я его наградила. – Прости, сестричка, но я действительно считаю, что с тебя на один вечер хватит приключений. Считаю, что тебе повезло, – сегодня ты встретила только нас двоих, а не кого-то более опасного.

– Пойдемте, – сказал Томас и повел меня к карете. – Ваш брат прав. В этой тени таится какое-то зло.

Я обернулась и посмотрела на него.

– Хуже, чем вы?

Томас открыл рот, потом уловил мой насмешливый тон и рассмеялся. От его смеха мое сердце опять стремительно забилось. Возможно, это он был самым опасным из всех, кого я могла здесь встретить, а мой брат и не подозревал об этом. Одно постепенно становилось понятным: мне грозила опасность проникнуться восхищением к мистеру Кресуэллу вопреки собственному здравому смыслу.

Я поискала взглядом брата, но его уже поглотил туман.

Глава 5

Мрачные и омерзительные вещи

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
8 сентября 1888 г.*

– Ты сегодня утром неважно выглядишь, – отец бросил на меня взгляд поверх газеты. – Возможно, тебе следует снова лечь в постель. Я пришлю наверх бульону. Нам вовсе ни к чему, чтобы ты свалилась с гриппом или с чем-то похуже. Особенно в преддверии зимы.

Он опустил газету и вытер лоб носовым платком. Из всех членов нашей семьи отец был единственным, кто выглядел неважно. Он в последнее время сильно потел.

– Ты... ты хорошо себя чувствуешь, отец? Ты выглядишь немного...

– Тебя не касается, как я выгляжу, – резко перебил он, но тут же опомнился. – Не нужно беспокоиться о моем здоровье, Одри Роуз. Занимайся собой. Я бы очень хотел, чтобы ты некоторое время не покидала дома. Я слышал, что в трущобах растет уровень заболеваемости.

Отец влил несколько капель тонизирующего средства в чай и продолжил читать новости. Мне хотелось напомнить ему, что я не стану здоровее, если не приобрету иммунитет, единственный способ получить который – это выйти из дома,

но отец не выносил моих научных и медицинских познаний. Он считал самым безопасным держать меня под стеклянным колпаком, какой бы ложной ни была эта концепция.

Отец пил чай маленькими глоточками; его присутствие заполняло комнату, но не согревало ее. Я бросила взгляд на часы. Вскоре мне предстояло встретиться с дядей. Натаниэль еще спал, поэтому мне надо было самой выбираться из дома.

Я вежливо откашлялась.

– Мне нужны новые платья и туфли, – я опустила глаза и смотрела сквозь ресницы, делая вид, будто смущена, – и другие, более деликатные вещи...

Отец отмахнулся от меня, он терпеть не мог разговоров о корсетах и нижнем белье, несмотря на опасения по поводу моего слабого здоровья. Он вытер нос тем же носовым платком, потом вернул его в карман.

– Купи все, что тебе нужно, – сказал он. – Но возвращайся домой к ужину вовремя и не опаздывай на урок по ведению домашнего хозяйства. Тетушка говорит, что ты не продемонстрировала больших успехов, когда она приезжала в последний раз.

Я подавила желание закатить глаза, настолько он был предсказуем.

– Да, папа.

– Да, – сказал он, еще раз вытирая лоб, – и надень сегодня маску, когда выйдешь из дома. Ходят слухи о новых случаях заболеваний в Ист-Энде.

Я кивнула. Эта «маска» представляла собой всего-навсего хлопчатобумажный платок, которым я закрывала нос и рот. Сомневаюсь, чтобы он мог защитить меня от чего бы то ни было. Довольный моим послушанием, отец вернулся к чтению, и беседу продолжили лишь стук его чашки о блюде, сопение и шелест переворачиваемых страниц.

«КОШМАРНОЕ УБИЙСТВО В УАЙТЧЕПЕЛЕ»

Я прочла этот заголовок дяде, пока он расхаживал мимо банок с образцами в своей подвальной лаборатории. Обои темно-красного цвета обычно служили теплым фоном, смягчающим холод подвала и еще более леденящий холод трупов, почти всегда украшавших столы в лаборатории.

Однако сегодня красный цвет напоминал мне о пролитой крови, а я в последнее время была сыта ею по горло. Я потерла ладонями свои руки под тонкими рукавами муслинового дневного платья и еще раз пробежала глазами статью. В ней не упоминалось о новом трупе, найденном этим утром; описывали подробности гибели бедной мисс Николс. Убийца милосердно обошелся с ней по сравнению с его жестокими издевательствами над жертвой номер два.

Я смотрела, как дядя рассеянно крутит свои усы, изо всех сил стараясь протоптать дорожку в ковре. Если он продолжит ходить туда-сюда, опасалась я, он скоро протрет ковер насквозь, до деревянных досок пола.

– Зачем придавать телу такую позу?

Этот вопрос он задавал себе с тех пор, как вернулся с ме-

ста последнего убийства больше двух часов назад. Я не могла предложить ему никакой гипотезы. Я до сих пор старалась выбросить из головы ту ужасающую схему, которую он недавно нарисовал на грифельной доске.

Мои мысли, замороженные этой невообразимо кровавой картиной, все время невольно возвращались к тому изуродованному телу, которое он нарисовал.

Я всматривалась в слова, нацарапанные над подробным рисунком. Энни Чапмен, сорок семь лет. Рост примерно пять футов. Голубые глаза. Темно-каштановые вьющиеся волосы до плеч. Целая жизнь, уместившаяся в пяти основных характеристиках ее внешности.

Ее убили на Хэнбери-стрит. На той самой улице, где я бродила вчера поздно ночью. Меня до самых костей пробрал холод, он угнездился между моих позвонков, как голуби усаживаются на бельевой веревке.

Всего несколько часов отделяли ее безвременную кончину от моего танца со смертью. Неужели убийца был так близко от меня? Натаниэль тревожился не зря: я буквально бежала прямо в жаждущие руки Кожаного фартука, когда пыталась тайком бродить по улицам и искать убийцу.

Если бы со мной что-нибудь случилось, отец лишился бы остатков рассудка, заперся бы от всех в своем кабинете и умер из-за разбитого сердца.

– А что значат эти кишки, которые он выложил ей на плечо? – дядя остановился перед рисунком и смотрел куда-то

мимо него, вспоминая то, что не было изображено на нем. – Это было послание инспекторам или самый простой способ добраться до того органа, который ему нужен?

– Может быть, – сказала я.

Дядя повернулся ко мне, изумленный, словно забыл, что я здесь. Потом покачал головой.

– Бог знает, почему я разрешаю тебе изучать такие неподходящие для девушек вещи.

Иногда дядя высказывал с раздражением нечто в этом роде. В большинстве случаев я научилась не обращать на это внимания, зная, что он быстро забудет свои колебания.

– Потому что ты меня любишь?

Дядя вздохнул.

– Да. И еще мне кажется, такой ум, как у тебя, не следует расходовать зря на мысли о побрякушках и сплетни.

Я снова сосредоточилась на рисунке. Описание той женщины, которая недавно снимала с меня мерки, почти в точности совпадало с приметам этой покойницы.

Чтобы подтвердить отцу, что я действительно ходила выбирать одежду, я по дороге зашла в ателье, выбрала лучшие ткани и новые фасоны и договорилась, чтобы их прислали ко мне домой. Я остановила свой выбор на прогулочном платье темно-синего цвета с золотистыми и кремовыми полосками.

Турнюр был меньше, чем на других платьях, и плотный материал идеально подходил для прохладной погоды. Больше всего мне понравилось вечернее платье, которое я вы-

брала для приема гостей. Оно было из ткани цвета сахарного сиропа, в мелких розочках, вышитых спереди. Нежно-розовая накидка, каскадом спускающаяся до полу, дополняла свободно сидящее платье.

Если честно, я дожидаться не могла, когда они будут готовы. То, что я изучала трупы, не означало, что я не ценю красивые наряды. Мои мысли вернулись к насущным делам. Если бы у портнихи не было достойной работы, она вполне могла бы оказаться в конце концов на улице, а потом и в лаборатории дяди.

Еще одним хладным трупом для вскрытия.

Я прошла через комнату к тому месту, где стоял маленький столик в углу; служанка недавно принесла туда поднос с чаем и блюдом лепешек с малиновым джемом. Я налила себе чашку чая «Эрл Грей», положила кусочек сахара затейливо украшенными сахарными щипчиками – сама эта роскошь в сочетании с новым ужасным убийством вызывала тошноту.

Я налила вторую чашку для дяди, но не притронулась к лепешкам. Кроваво-красный цвет джема вызывал у меня отвращение, я боялась, что больше никогда не почувствую голода.

Дядя рывком вернулся в реальность из своей задумчивости, когда я протянула ему дымящуюся чашку. Сладкий запах чая с бергамотом на несколько драгоценных мгновений отвлек его внимание, но потом он продолжил ходить по комнате и бормотать себе под нос.

– Где этот чертов мальчишка?

Он машинально бросил взгляд на бронзовые часы в форме сердца, висящие на стене, раздраженно морща лоб. Трудно сказать, что вызвало у него большее раздражение – сами часы или Томас Кресуэлл.

Эти часы ему подарил мой отец в те давние времена, когда он хорошо относился к дяде, после получения им диплома врача. Отец раньше, когда мама была жива, мастерил игрушки и часы – еще одна радость, которую отняла у него мамина смерть.

Я отвернулась от религии из-за ее неспособности помочь в беде, а отец – от брата и от науки за то, что они не сумели спасти маму. Когда она умерла, отец заявил, что дядя не приложил всех необходимых усилий.

И наоборот, дядя считал, что отец слишком уж надеялся на чудо, которого он не мог сотворить, и глупо обвинять его в смерти мамы. Я и представить себе не могла, что можно так ненавидеть брата, и жалела их обоих за эту вражду.

Я стала считать минуты. Томас вышел час назад, чтобы повидаться с членами своей группы ночных наблюдателей. Дядя надеялся, что кто-то из них мог заметить нечто подозрительное, потому что они несли дозор – словно мальчишки, играющие в средневековых рыцарей, – по всему Уайтчепелу до четырех часов утра.

Лично я считала, что Томас уже знал бы, если бы они что-то увидели. В этом состоял весь смысл организации их ма-

ленького отряда.

Прошло еще полчаса, а мистер Кресуэлл все еще не вернулся, и дядя буквально сходил с ума от беспокойства. Кажется, даже трупы и вещи вокруг нас затаили дыхание, чтобы не будить спящую внутри него тьму. Я любила и уважала дядю, но его страстность часто граничила с безумием, когда он нервничал.

Через десять минут дверь открылась, и в проеме появился высокий силуэт Томаса. Дядя буквально совершил прыжок через всю лабораторию, в его глазах горело бешеное желание узнать обо всем. Клянусь, если бы я хорошенько всмотрелась, я бы увидела пену в уголках его губ. Когда он впадал в такое состояние, легко было понять, почему некоторые люди (в том числе мой брат) считают его безумным.

– Ну что? Какие новости ты принес? Кто что узнал?

Слуга помог Томасу снять длинное пальто и шляпу и ушел наверх по узкой лестнице. Люди, не интересующиеся криминалистикой, никогда не задерживались внизу надолго. Слишком много темных и уродливых предметов хранилось в стеклянных банках и на каменных плитах.

Перед тем как ответить, Томас посмотрел на рисунок на доске, намеренно избегая смотреть в сторону дяди.

– Боюсь, никто не видел и не слышал ничего необычного.

Я прищурилась. Похоже, Томаса не очень огорчила эта новость.

– Тем не менее, – прибавил он, – я поговорил с полицией-

скими инспекторами, которые вели расследование, каким бы оно ни было жалким. Один шутник засыпал меня вопросами о вашей работе, но я ему не слишком много рассказал. Он сказал, что, возможно, зайдет к вам позже сегодня вечером, – Томас покачал головой. – Возле тела были разбросаны всякие винтики и инструменты. И... объявилось несколько свидетелей.

– И? – резко втянул воздух дядя.

– К сожалению, лучшее описание дала женщина, которая видела человека только со спины. Она утверждает, что эти двое разговаривали, но она разобрала только, что покойница на что-то дала согласие. Так как она была проституткой, я уверен, вы сами можете дополнить зловещие детали разговора.

– Томас! – дядя бросил взгляд в мою сторону, и только тут мой соученик заметил, что я нахожусь в комнате. – Здесь юная леди!

Я закатила глаза. Конечно, дядя Джонатан тревожится о том, что проституция – слишком опасная тема для моих женских мозгов, но его ничуть не заботит то, что я вижу вскрытый труп еще до того, как успела съесть ланч.

– Искренне прошу прощения, мисс Уодсворт. Я не заметил, что вы здесь. – Томас – просто грязный лжец. Он склонил голову к плечу, и лукавая улыбка тронула уголки его губ, будто он проник в мои мысли. – Я не хотел вас оскорбить.

– Я вовсе не оскорбилась, мистер Кресуэлл, – я одарила

его язвительным взглядом. – Напротив, я крайне возмущена тем, что мы вообще обсуждаем подобные глупости, когда еще одну женщину убили с такой жестокостью.

Я перечислила, загибая пальцы, все детали повреждений, чтобы подчеркнуть свою точку зрения:

– Вспорот живот, и кишки выброшены на плечо. Ноги подняты вверх, колени повернуты наружу. Не говоря уже об отсутствующих органах размножения.

– Да, – Томас кивнул в знак согласия, – это было очень неприятно, я с вами согласен.

– Вы говорите так, будто сами были свидетелем этого, мистер Кресуэлл.

– Может быть и так.

– Томас, пожалуйста, – упрекнул его дядя. – Не зли ее.

Я обрушила свое раздражение на дядю.

– Пожалуйста, давайте и дальше терять время в разговорах о моем потенциальном смущении по поводу ее профессии. Что ты имеешь против проституток, в любом случае? Не ее вина, что общество так несправедливо к женщинам.

– Я... – дядя Джонатан сделал шаг назад и приложил ладонь ко лбу, будто мог стереть мою тираду несколькими поглаживаниями ладони. Томас имел наглость подмигнуть мне поверх края чашки с чаем, которую сам себе налил.

– Очень хорошо, – он с нарочито высоко поднятыми бровями посмотрел на дядю. – Эта юная леди победила, доктор. С этого момента я буду делать вид, что она не уступает муж-

чине в способностях.

Я еще более гневно посмотрела на него.

– Будете делать вид, что я не уступаю мужчине в способностях? Однако, сэр, вы меня очень невысоко цените!

– А также, – продолжал он раньше, чем я успела взорваться, и поставил свою чашку на белое с голубым блюдце из такого же стаффордширского фарфора, – раз мы теперь относимся друг к другу как равные, я настаиваю, чтобы вы называли меня «Томас» или «Кресуэлл». Таким равным во всем людям, как мы, не нужны глупые формальности, – он одарил меня улыбкой, которую можно было бы счесть игривой.

Чтобы оставить за собой последнее слово, я вздернула подбородок.

– Если вы этого хотите, тогда разрешаю называть меня «Одри Роуз». Или «Уодсворт».

Дядя поднял глаза к потолку, встал и тяжело вздохнул.

– Тогда вернемся к убийству, – сказал он, вынимая очки из кожаного чехла и надевая их на нос. – Что еще у вас есть для меня, кроме перспективы убийственной головной боли?

– У меня есть новая гипотеза насчет того, почему это убийство было более жестоким, чем предыдущее, – медленно произнесла я; в моем мозгу встал на место новый кусочек головоломки. – Мне пришло в голову, что эта сцена наводит на мысли о... мести.

На этот раз я завладела их вниманием, как если бы была трупом, тайны которого нужно разгадать.

– На занятии вы сказали, что тот, кто убивает в первый раз, вероятнее всего, начнет с убийства знакомого человека. – Дядя кивнул. – А что, если убийца знал мисс Николс и не смог проявить к ней такую жестокость, на какую надеялся? Словно он хотел осуществить месть, но не мог заставить себя это сделать, когда настало время действовать. Мисс Николс не была так зверски изувечена, как Энни Чапмен, и это наводит меня на мысль, что наш убийца не был знаком с мисс Чапмен.

– Интересная теория, племянница, – дядя рассеянно погладил свои усы. – Возможно, Мэри Энн убил ее муж или мужчина, с которым она жила.

Томас перенял любимую привычку моего дяди ходить по комнате широкими кругами. При каждом его движении в воздухе распространялся запах формалина и бергамота, и этот аромат был одновременно тревожным и успокаивающим.

– Но зачем он забирает их органы? – бормотал он себе под нос. Я молча наблюдала, как вращаются со скрипом шестеренки в его мозгу. Изучать его было увлекательно, как бы мне ни было неприятно это признать.

Он щелкнул пальцами, будто увидел луч света, прорезавший тьму.

– Он сильно ненавидит женщин, они что-то для него символизируют, или причина в его прошлом. В какой-то момент его жизни женщина глубоко его разочаровала.

– Зачем нападать на проститутку? – спросила я, не обращая внимания на дядю, которого передернуло от неподобающего выбора слова.

– Во-первых, это легкие жертвы с точки зрения возможности нападения. И еще они охотно идут за мужчинами в темные места, – Томас подошел ближе и на короткое мгновение обратил на меня внимание, проходя мимо меня к группе. – Может быть, он опасается угрозы, которую они собой представляют. Или, возможно, он какой-то религиозный фанатик, который избавляет мир от шлюх и потаскух.

Дядя ударил ладонями по столу, от чего банка с образцом соскользнула на деревянную поверхность.

– Хватит! Мало того, что не подобает учить Одри Роуз таким вещам, нет нужды употреблять при этом вульгарные выражения.

Я вздохнула. Никогда мне не понять, как работает мужской мозг. Мой пол – не увечье. И все-таки мне повезло, что дядя достаточно современен, чтобы позволить мне учиться у него, поэтому я должна терпеть такие досадные мелочи.

– Прошу прощения, сэр, – Томас прочистил горло, – но я думаю, если ваша племянница может справиться с вскрытием человека, она способна выдержать умную беседу, не падая в обморок. Ее интеллект, хоть и не такой мощный, как мой, может оказаться полезным.

Томас еще раз откашлялся, готовясь к ответному удару дяди, но тот тихо уступил. Я невольно уставилась на него, от-

крыв рот. Он действительно защищал меня! Свойственным ему раздражающим окольным путем, но тем не менее. По-видимому, не только я почувствовала растущее уважение.

– Хорошо. Продолжай, прошу тебя.

Томас взглянул на меня, потом глубоко вздохнул.

– Он ненавидит этих ночных созданий. Ненавидит за то, что они живут, торгуя собой. Держу пари, что та, кого он любил или любит, его бросила. Возможно, он чувствует, что его предали в каком-то смысле, – Томас снова взял свою чашку с чаем, осторожно сделал глоток и поставил ее обратно. – Меня не удивит, если его жена или невеста покончила жизнь самоубийством – то есть окончательно покинула его.

Дядя, быстро возвращаясь к научному образу мыслей, кивнул.

– Он также считает, что ему позволено брать то, что он хочет. В буквальном смысле слова. Он за это заплатил, в конце концов. На его взгляд, он откровенно говорит этим женщинам, что ему нужно, следовательно, они являются добровольными соучастницами его...

– Убийств, – мой желудок скрутили спазмы тошноты. Какой-то лунатик бегает по улицам и увлекает женщин в ловушки, заставляя соглашаться на то, чтобы их убили. – Возможно, он претворяет в жизнь свою фантазию? – спросила я, размышляя вслух. – Возможно, он пытается играть роль Бога.

Томас так внезапно остановился, что чуть не упал. Он рез-

ко развернулся и несколькими короткими шагами пересек комнату. Схватив меня за локти, он поцеловал меня в щеку, от чего я лишилась дара речи и залилась краской.

Я бросила взгляд на дядю, дотронувшись до щеки, но он ничего не сказал о таком неприличном поведении, его мысли были сосредоточены на убийстве.

– Вы – гений, Одри Роуз, – сказал Томас, его глаза горели восхищением. Он смотрел мне в глаза на мгновение дольше, чем позволяла вежливость. – Должно быть, это именно так! Мы имеем дело с человеком, считающим себя неким богом.

– Молодцы вы оба, – глаза дяди сияли, надежда и уверенность вновь вернулись к нему. – Мы нашли возможный мотив.

– И какой же? – спросила я, не вполне понимая, какой мотив они имеют в виду. Мне было трудно думать о чем-то другом, кроме прикосновения губ Томаса к моей щеке и абсурдности нашего разговора.

Дядя глубоко вздохнул.

– Наш убийца использует свои религиозные взгляды, чтобы определять судьбу этих женщин. Меня бы не удивило, если бы он оказался неким тайным сектантом, или, может, он неудавшийся священник, убивающий во имя Господа.

На сердце у меня стало тяжело, когда я осознала сказанное.

– Это значит, что могут быть новые жертвы – и еще больше крови до того, как все это закончится.

Дядя затравленно посмотрел на Томаса, потом на меня. Слова были лишними.

В Скотленд-Ярде посмеялись бы над нами и отправили в сумасшедший дом, если бы мы пришли к ним с этой теорией. И кто бы их обвинил? Что мы могли сказать? «Безумный пастор или священнослужитель бродит по городу и убивает потому, что ему так велит Господь, и никто в Лондоне не будет в безопасности, пока мы не найдем способ его остановить»?

Дядя был знаменит, но люди все равно сплетничали у него за спиной. Легко могут поверить, что это он совершает убийства, чтобы разбирать на органы покойников, как какой-то хищный стервятник. Люди будут креститься и молиться, чтобы он мирно дожил свой век в отдаленном месте, предпочтительно в одиночной камере.

Мы с Томасом в общественном мнении были ничуть не лучше.

– Важно никому об этом не рассказывать, – наконец произнес дядя, снимая очки и потирая переносицу. – Ни Наталиэлю. Ни друзьям и одноклассникам. По крайней мере, пока мы не сможем сами доказать что-то полицейским. А на данный момент я хочу, чтобы вы оба разобрались с теми уликами, которые мы собрали. Среди них должна быть улика, которую мы упустили, – что угодно, что можно использовать для опознания преступника до того, как он снова нанесет удар.

Убийца действительно должен быть безумцем, если он думает, что его преступления оправданы и справедливы. И эта мысль пугала больше всех остальных.

Раздался стук в толстую деревянную дверь, и вошла служанка, которая быстро присела в реверансе перед дядей.

– Мистер Натаниэль Уодсворт ждет вас в гостиной, сэр. Говорит, что должен срочно повидать свою сестру.

Глава 6

Притон греха

*Гостиная доктора Уодсворта, Хайгейт
8 сентября 1888 г.*

Натаниэль был бледен как смерть, когда я вбежала в душную гостиную дяди.

Темно-зеленые и синие завитки на обоях должны были внушать ощущение покоя, но слабо успокаивали брата. Пот струйками стекал по его лбу, на крахмальном воротничке сорочки появилось мокрое пятно. Волосы его были растрепаны, взгляд выглядел диким; темные круги вокруг глаз портили обычно безупречный цвет лица. Брат всю ночь не спал, по-видимому, но жалкое состояние его волос встревожило меня больше всего.

Я подобрала юбки и бросилась к нему; мы столкнулись с ним на полпути через комнату, но я не обратила внимания на то, что косточки моего корсета больно впились в ребра. Он заключил меня в крепкие до боли объятия и уткнулся подбородком в шею, тяжело дыша.

– С тобой все в порядке, – прошептал он, словно обезумев. – Слава богу, с тобой все в порядке.

Я слегка отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Конечно, в порядке, Натаниэль. Почему ты решил, что

это не так?

– Прости меня, сестра. Я только что узнал о втором убийстве и где оно произошло. Я знал, что не ты была жертвой, но не мог заглушить в себе дурное предчувствие, сжимавшее мое сердце, – он с трудом сглотнул. – Представь себе мою тревогу. Ведь здравое суждение никогда не было твоей сильной стороной. Я боялся, что тебя заманили в какое-нибудь кошмарное место. Этот день уже принес несчастье нашей семье. Я невольно опасался самого худшего.

– Почему ты раньше не подумал о том, что найдешь меня здесь? – спросила я, цепляясь за последние остатки терпения. Возмутительно, что приходится каждый раз сталкиваться с такими сомнениями. Если бы я была мужчиной, Натаниэль, несомненно, не обращался бы со мной так, будто я сама не в состоянии позаботиться о себе. – Ты знаешь, что я большую часть времени провожу с дядей. Ты ведь не мог бегать бесцельно по улицам весь день. И что такого ужасного принес этот день нашей семье?

Лицо Натаниэля исказилось от гнева.

– Действительно, почему это я так всполошился? Возможно, потому, что моя сестра не желает оставаться дома, как обычная, порядочная девушка!

От его слов у меня перехватило дыхание. Почему я должна быть либо смирной и порядочной, либо любознательной и скверной? Я порядочная девушка, даже если провожу свободное время, читая книги о научных теориях и вскрывая

трупы.

Я выпрямилась и ткнула его пальцем в грудь.

– Почему, скажи мне, бога ради, я должна оставлять записку, которую может найти отец? Ты же знаешь, как он себя поведет, если обнаружит мой обман. Ты совсем обезумел, или это временный приступ помешательства? – я не дала ему ответить. – Слава богу, оно, по-видимому, поражает только сильный пол семейства Уодсвортов. Моя принадлежность к слабому женскому полу пока спасает меня от вашей жестокости. А что это за ерунда насчет сегодняшнего дня? Это как-то связано с отцом?

Боевое настроение покинуло брата так же быстро, как и нахлынуло. Он отступил назад и потер виски, чтобы снять напряжение.

– Не знаю, с чего начать, – внезапно он очень заинтересовался полком и уставился на него, избегая смотреть мне в глаза. – Отец... его не будет дома несколько недель.

– С ним все в порядке? – я прикоснулась к его локтю. – Натаниэль, пожалуйста, посмотри на меня.

– Я... – Натаниэль слегка выпрямился и посмотрел в мои встревоженные глаза. – Сегодня утром к нам заходил суперинтендант. Одри Роуз, то, что я собираюсь тебе рассказать, может сильно тебя встревожить, держи себя в руках.

Я закатила глаза.

– Уверяю тебя, я вполне способна выслушать то, что ты пришел мне сказать, брат. Единственное, что меня может

встревожить, – это твои недомолвки, они нагнетают напряжение.

Кто-то у двери фыркнул, и мы с Натаниэлем оба резко повернулись к незваному гостю. Томас. Он прикрыл рот ладонью, но не стал скрывать, что трясется от смеха.

– Прошу вас, продолжайте, – проговорил он между приступами хохота. – Делайте вид, что меня здесь нет, если хотите. Это должно вам помочь.

– Разве обязательно вмешиваться в разговор других людей? – спросила я, и мне самой мой тон показался немножко резковатым. – Вам больше нечего делать? Или вы просто тренируете свое умение быть как можно более нахальным и вызывать отвращение?

Улыбка Томаса не угасла, но юмор ушел из его глаз. Мне захотелось заползти в ближайшую могилу и спрятаться.

– Томас, я прошу прощения. Это было...

– Ваш дядя попросил меня посмотреть, что за шум доносится из этой комнаты. Он хотел убедиться, не убиваете ли вы друг друга на его любимом гигантском ковре, – Томас сделал паузу, поправляя манжеты; теперь его голос был холодным и далеким, как арктическая тундра. – Уверяю вас, юная мисс, я бы скорее дал вырвать себе ногти, один за другим, чем остался здесь еще хоть на миг нежеланным гостем.

Он бросил взгляд на Натаниэля.

– Расскажите ей о танцах вашего отца со Скотленд-Ярдом сегодня утром. Даю вам слово, она вполне в состоянии это

выдержать.

Не прибавив ни слова, Томас кивнул и вышел из комнаты. Было ясно, что я его обидела, но у меня не было времени размышлять об этом. Я резко повернулась к Натаниэлю.

– Какое это имеет отношение к отцу?

Брат подошел к кушетке и сел.

– Очевидно, после завтрака отец пошел в Уайтчепел. Детективы-инспекторы прочесывали окрестности – из-за убийства и прочего – и обнаружили его в одном... заведении, не подобающем для посещения человеком его титула, – Натаниэль сглотнул. – Ему повезло, что заметивший его человек знал, кто он такой. Суперинтендант проводил отца домой и предложил ему уехать из города на несколько недель. Или по крайней мере до того, как он приведет в порядок свои... дела.

Я закрыла глаза; воображение мое двигалось огромными скачками. В Ист-Энде было всего несколько видов различных «заведений». Пабы, бордели и... опиумные притоны.

Я каким-то образом оказалась сидящей на маленьком диванчике рядом с Натаниэлем. Отец принимал лауданум – настойку опиума – каждый день после смерти мамы. Доктор заверил нас, что она поможет ему от бессонницы и других болезней, но, очевидно, она оказывала противоположное действие.

В моей голове мелькали картины – как он вытирает мокрый лоб, бродит по ночам по коридорам, как нарастает его

паранойя. Я поверить не могла, что не связывала смену настроений отца и его поведение с действием его любимого то-низирующего лекарства.

Я принялась снимать ниточки с юбки.

– Как отец себя чувствует?

– Если говорить честно, он был не в состоянии что-либо обсуждать, когда я уходил, – ответил Натаниэль и смущенно заерзал. – Вместо меня отца в загородный дом повезет суперинтендант.

Я кивнула. Наш «загородный дом» представлял собой обширное поместье в Бате, оно называлось Торнбрайер. Оно было красивым и экстравагантным, как большинство собственности, которую унаследовал лорд Уодсворт. Идеальное место, где можно вернуть человеку... рассудок.

– Он проявил большую тактичность и готовность помочь, этот суперинтендант, – прибавил Натаниэль.

Я сжала губы. Вероятно, отец в прошлом платил этому полицейскому за молчание, и причина доброты суперинтенданта – надежда на дальнейшую прибыль.

– Ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделала?

Натаниэль покачал головой.

– Суперинтендант Блэкберн, так его зовут, по-моему, собирал вещи отца вместе с новым камердинером и сказал, что мне следует заняться твоими поисками. Они выехали примерно час назад.

Я уставилась на брата. Отец уже уехал. Какой бы трудной

он ни делал жизнь в доме, я не могла о нем не тревожиться. У меня вырвался глубокий вздох. Едва ли я могла позволить себе роскошь раздумывать о вещах, мне неподвластных, когда надо раскрывать убийства и исследовать трупы.

– С тобой все будет в порядке, если я уйду ненадолго? – спросила я, поднимаясь и отряхивая корсаж. – Мне действительно необходимо вернуться и помочь дяде, если дома ничего нельзя сделать.

Взгляд Натаниэля переместился на дверь, ведущую в лабораторию. Один бог знает, какие мысли проносились в его голове. По мнению брата, дядя был «в шаге от перехода во тьму», которую так любил изучать.

Вместо того чтобы затеять очередной спор, я сжала его ладони в своих руках и улыбнулась. Он немного смягчился, и я улыбнулась еще шире. Уроки тетушки Амелии о том, как можно убедить противоположный пол, все-таки пригодились. Мне нужно будет попробовать еще лучшую тактику с Томасом, если я надеюсь загладить свою вину за его оскорбленные чувства.

– Я вернусь домой к позднему ужину. Тогда мы сможем обсудить план лечения отца, – я отступила назад и позволила себе чуточку юмора в голосе. – Кроме того, тебе следует заняться своими волосами, брат. Они в полном беспорядке.

Казалось, Натаниэля раздражают противоречивые чувства: ему одновременно хочется рассмеяться, потребовать, чтобы я вернулась домой вместе с ним, и предоставить мне свобо-

ду, которой, как он понимал, я так сильно желаю.

В конце концов он опустил плечи.

– Я пришлю за тобой карету ровно в семь часов, никаких возражений. Пока отца не будет, я за все отвечаю – до приезда тетушки Амелии.

Несмотря на все происходящее, эта новость показалась мне довольно приятной.

Я умела справляться с тетушкой Амелией и ее уроками этикета. Ее утро всегда было занято поездками по магазинам, вторая половина дня – чаем и сплетнями, и она очень рано ложилась спать, заявляя о необходимости полноценного отдыха, чтобы сохранить красоту, но я-то знала, что в действительности она наслаждалась несколькими бокалами спиртного перед сном. Она будет уезжать из дома чаще, чем я. Свобода – великолепная вещь.

Несмотря на пагубное пристрастие отца, серийного убийцу, изувеченных женщин и потоки крови, мне удалось слегка улыбнуться.

– Вы рады, что вашего отца не будет дома.

Томас не задавал вопрос, он просто заявил мне о том, что я чувствую, с такой уверенностью, на которую никто не имеет права. Игнорируя его, я просматривала записи, которые дядя набросал рядом с каждой сценой преступления. Что-нибудь должно бросаться в глаза.

Если бы мне удалось обнаружить это до возвращения дя-

ди из Скотленд-Ярда...

– У вас с ним плохие отношения, вероятно, уже несколько лет, – он помолчал, глядя на мои пальцы, которые теребили кольцо моей матери.

Это был бриллиант в форме груши – ее камень по дате рождения – и одна из немногих принадлежавших ей вещей, которые отец разрешил мне оставить у себя. Или, мне следует сказать, одна из немногих ее вещей, с которыми он смог расстаться. Отец отличался сентиментальностью.

Пока я росла, мне всегда хотелось, чтобы мой день рождения тоже был в апреле. Бриллианты служили воплощением того, какой я надеялась стать: красивой, но обладающей несравненной прочностью. В каком-то смысле я больше походила на «бриллиант Херкимера»², внешне напоминающий настоящий алмаз, но не совсем такой же.

Губы Томаса тронула грустная улыбка.

– А, понимаю. Вы с ним в плохих отношениях после смерти вашей матери, – его улыбка угасла, голос стал тише. – Скажите мне, вам было... трудно? Он просил вашего дядю вылечить ее с помощью науки?

Я встала так резко, что мой стул упал на пол с грохотом, способным разбудить мертвого, если бы таковой находился в лаборатории.

– Не говорите о том, о чем понятия не имеете!

Я сжала кулаки, чтобы сдержаться и не накинуться на

² Кристалл кварца.

него. Его маска равнодушия сменилась выражением искреннего сожаления. Через несколько секунд я спокойно спросила:

– Откуда вы узнали об этих интимных подробностях моей жизни? Вы расспрашивали дядю, специально, чтобы причинить мне боль?

– Мне кажется... вы должны понимать, как сильно... – Томас покачал головой. – В мои намерения не входило причинять вам боль. Я прошу прощения, мисс Уодсворт. Я подумал, что, возможно, я мог бы... – он пожал плечами и умолк, оставив меня в сомнениях насчет того, что он мог бы сделать, затронув такую ужасную тему.

Я глубоко вздохнула. Любопытство побеждало во мне гнев.

– Ладно. Я вас прощу на этот раз, – я подняла палец в ответ на надежду, отразившуюся на его лице. – Только если вы мне скажете правду, откуда вы это узнали.

– Думаю, с этим я справлюсь. Это было очень легко. – Он протаскил стул вокруг стола и поставил его на том расстоянии от меня, которое в благовоспитанном обществе считается пристойным. – Вам просто нужно отточить ваши способности к дедукции, Уодсворт. Смотрите на очевидное и двигайтесь вперед от него. Большинство людей не обращает внимания на то, что находится у них прямо перед глазами. Они думают, что видят все, но часто видят лишь то, что хотят. Именно поэтому вы так долго не замечали пристрастия

отца к опиуму.

Он похлопал себя по нагрудным карманам и по карманам штанов и нахмурился, когда его поиски оказались безрезультатными.

– Это сводится к математическим уравнениям и формулам. Если улика – это «у», а вопрос – «в», тогда чему равно «о», ответ на ваш вопрос? Просто смотрите на то, что у вас перед глазами, и сложите все вместе.

Я сдвинула брови.

– Вы говорите, что вычислили все это, просто наблюдая за мной? Простите, если мне в это очень трудно поверить. Нельзя применять математические формулы к людям, Кресуэлл. Не существует уравнения для человеческих эмоций, в них слишком много переменных.

– Это правда. У меня нет формулы, но я умею делать выводы из некоторых... эмоций, которые я чувствую вблизи от вас.

Его лицо снова осветила живая искра. Откинувшись назад, он скрестил руки на груди и ухмыльнулся при виде моего яркого румянца.

– Как бы то ни было, наверху, когда ваш брат сказал, что отца не будет дома, вы улыбнулись, потом сразу же нахмурились; это наводит на мысль, что вы скрываете свой восторг от того, что вас оставили в покое на несколько недель. Вы не хотите выглядеть бесчувственным чудовищем, особенно учитывая то, что ваш бедный отец болен.

– Как вы это увидели? – спросила я и прищурилась. – Вы в тот момент уже вышли из комнаты.

Томас не дал ответа на этот вопрос, но на его лице промелькнула усмешка и исчезла, поэтому я поняла, что он тогда меня услышал. Этот негодяй подслушивал.

– Далее, когда я упомянул о ваших плохих отношениях, – продолжал он, – вы бросили быстрый взгляд на то кольцо, которое рассеянно вертели вокруг пальца. Судя по стилю и размеру, я сделал вывод, что это изначально не ваше кольцо.

Он снова сделал паузу и еще раз проверил свои карманы. Я не имела ни малейшего представления, что он ищет, но его возбуждение росло. Он рывком вынул руки.

– Напрашивается вопрос: чье это было кольцо? Учитывая его несколько старомодный вид, нетрудно догадаться, что оно принадлежало женщине, по возрасту годящейся вам в матери, – произнес он. – Поскольку вы бродите по городу поздно ночью и проводите много времени в лаборатории, несложно прийти к выводу, что ваша мать умерла, а ваш отец не знает о вашем местонахождении.

Томас прикусил губу; казалось, он не знал, что сказать дальше. Теперь я поняла, как работает его мозг. Холодная отстраненность служила ему переключателем, он включал ее, когда обдумывал какую-то проблему. Я приготовилась к чему-то неприятному и махнула ему рукой:

– Продолжайте. Выкладывайте все.

Он пристально посмотрел мне в лицо, стараясь опреде-

лить степень моей искренности.

– Какой отец не знает, где находится его дочь? Такой, у которого не самые лучшие отношения с вышеупомянутой дочерью, потому что он, вероятно, слишком поглощен своим горем или пагубным пристрастием, и его это не волнует.

Томас подался вперед, в его глазах зажглась заинтересованность, а может быть, даже уважение.

– Как могла такая юная женщина, как вы, увлечься этими мрачными событиями? Только став свидетельницей научного акта отчаяния, имеющего целью спасти жизнь. Где вы могли соприкоснуться с этим, вот что мне интересно?

Он нарочито обвел взглядом комнату, чтобы я лучше его поняла.

– Понимаете? Все ответы, которые я искал, были вполне очевидны. Я не знал до этого момента, что ваш дядя причастен к смерти... – его голос замер, он понял, что приближается к опасной теме. – В любом случае, вы просто должны знать, где искать ответы на ваши вопросы. Простая математическая формула, примененная к хомо сапиенс. И смотрите! Наука снова одерживает верх над природой. Не нужно никаких эмоций.

– Только вы ошибаетесь, – прошептала я, потрясенная уровнем его точности. – Без людей и природы нет науки.

– Я не совсем это имел в виду, Уодсворт. Я говорю о попытке разгадать загадку или раскрыть преступление. В этом эмоции не играют никакой роли. Они слишком беспорядоч-

ны и сложны, – он поставил локти на колени и смотрел прямо мне в глаза. – Но они полезны в других ситуациях, я полагаю. Например, я пока не придумал формулу для любви или романтики. Возможно, скоро я ее узнаю.

Я ахнула.

– Вы бы посмели высказывать такие непристойности, если бы здесь был мой дядя?

– А, вот он, – сказал Томас, подбирая с полу журнал и игнорируя мой последний вопрос. Я подняла свой стул и стала снова читать записи дяди.

По крайней мере я сделала вид, будто читаю. Я смотрела на Томаса до тех пор, пока у меня глаза не скозились к переносице, и пыталась найти какую-нибудь подсказку, чтобы узнать что-то о нем или о его семье. Единственный вывод, который я смогла сделать, заключался в том, что он смел и не испытывает никакого смущения, а его замечания граничат с непристойностью.

Не поднимая головы от своего журнала, он сказал:

– Значит, вам не удалось меня разгадать? Не волнуйтесь, у вас получится, когда потренируетесь. И да, – он насмешливо усмехнулся, не отрывая глаз от заметок, – завтра я по-прежнему буду вам нравиться, как бы вам сильно ни хотелось обратного. Я непредсказуем, а вы это обожаете. Точно так же, как я не в состоянии построить в своем могучем уме уравнение, где вы являетесь переменной, но все равно я от этого в восторге.

Все резкие ответы, которые я придумала, вылетели у меня из головы. Словно ощутив перемену настроения в комнате, он поднял взгляд. Если я ожидала, что Томас устыдится своей прямооты, я снова жестоко ошибалась. Он с вызовом смотрел на меня, высоко подняв брови.

Я была не из тех девушек, которые отступают, поэтому смотрела ему прямо в глаза. И сама бросала ему вызов. Для его игры во флирт нужны двое.

– Значит, вы совсем отказались от роли детектива? – в конце концов спросил он, указывая на запись в журнале дяди, сделанную почти за четыре месяца до первого убийства. – Мне кажется, я нашел тут нечто такое, что заслуживает пристального внимания.

От его близости у меня покалывало кожу, но я не отстранилась, а наклонилась и прочла:

«Жертва, Эмма Элизабет Смит, подверглась нападению двух, а возможно, и трех человек, если верить ее показаниям, в ранние утренние часы 3 апреля 1888 года. Она или не видела, или намеренно отказалась опознать преступника (преступников), ответственных за ужасную рану, которую они ей нанесли. Предмет (воткнутый в ее тело) стал причиной ее смерти днем позже, так как он проткнул ее брюшину».

Я быстро проглотила горькую желчь, которая поднялась к моему горлу. Третье апреля было днем рождения моей ма-

тери. Как ужасно, что нечто настолько отвратительное могло произойти в такой радостный день.

Брюшина, если память меня не подводит, – это стенка живота. Я понятия не имела, почему Томас решил, что это имеет какое-то отношение к нынешним убийствам, ведь явно то преступление совершил какой-то другой дикарь, бродивший по улицам Лондона. То убийство случилось в апреле, а наш Кожаный фартук начал свои жестокие нападения в августе.

Не успела я дать ему достойную отповедь, как он указал мне на самую чудовищную подробность из всех.

– Да, меня это сильно выбило из колеи в первый раз, Кресуэлл. Нет необходимости опять обсуждать весь этот ужас, если только вы не получаете извращенное удовольствие, глядя, как меня чуть ли не выворачивает, – я не смогла сдержаться и не подпустить яду в свой тон.

– Уберите из уравнения свои эмоции, Уодсворт. Если вас будут отвлекать такие пустяки, это вам не поможет в расследовании, – мягко произнес Томас, потом наклонился через разделяющее нас небольшое расстояние, словно ему хотелось прикоснуться к моим рукам, но тут же опомнился. – Считайте это просто деталью головоломки уникальной – хотя и отвратительной – формы.

Я хотела возразить, что эмоции – вовсе не пустяки, но его отстраненность во время расследования разжигала во мне любопытство. Если его метод работает, то может стать полезным переключателем, дающим возможность включать и

выключать в себе эмоции по мере надобности.

Я снова прочла журнал, на этот раз стараясь сосредоточиться на отвратительных подробностях. Возможно, Томас и безумец, но он – гениальный безумец.

На поверхностный взгляд это преступление не походило ни на убийство мисс Николс, ни на убийство мисс Чапмен. Временная линия не совпадала. Эта женщина была еще жива, когда ее нашли. Ее органы не вырезали, и она не была брюнеткой.

Тем не менее это преступление вписывалось в нашу гипотезу о человеке, которого подстегивало желание избавить Ист-Энд от греха. Она была всего лишь жалкой проституткой, разносящей болезни, и не заслуживала права на жизнь.

Если бы я и так уже не превратила себя в неподвижную глыбу льда, уверена, что холод вонзил бы свои когти в мою спину.

Полицейские детективы ошибались. Мисс Николс не была первой жертвой нашего убийцы.

Первой была мисс Эмма Элизабет Смит.

Глава 7

Исследование тайн

*Резиденция Уодсвортов, Белгрейв-сквер
10 сентября 1888 г.*

Я гоняла картофель с приправой из трав по тарелке до тех пор, пока не выложила из него знак вопроса.

Прошло два дня с тех пор, как моего отца отправили за город и мы с Томасом открыли настоящую первую жертву нашего убийцы. С тех пор мы не слишком далеко продвинулись. Теперь ночные часы, когда меня раньше преследовали призраки, не поддающиеся моему контролю, заполняли вопросы, на которые я не могла ответить. Клянусь, я ела их на завтрак, обед и ужин. Когда я считала, что уже наелась, мне подавали на серебряной тарелке новое блюдо, в котором было полно новых вопросов.

Натаниэль наблюдал за мной поверх края своего бокала с вином, на его лице читались тревога и раздражение. Наша тетушка и кузина должны были приехать на этой неделе, поэтому мне нужно было к тому времени привести себя в порядок. Я не годилась на роль веселой хозяйки дома, а терпение брата быстро испарялось. Дядя взял с меня клятву хранить тайну; и даже если бы я хотела поделиться своими мыслями с Натаниэлем, я не могла этого сделать.

Не говоря уже о том, что интересующая меня тема едва ли подходит для обсуждения за обеденным столом. Обсуждать пропавшие яичники и одновременно просить передать соль – это у любого вызвало бы отвращение, а не только у девушки моего положения.

Я откусила маленький кусочек и изо всех сил постаралась его проглотить. Марта исключительно вкусно приготовила жареную индейку, тушеную морковь и картофель с розмарином, но ароматный запах и застывающая темно-коричневая подливка вызывали у меня тошноту. Оставив все попытки делать вид, что я ем овощи, я гоняла кусок индейки по белоснежной тарелке.

Натаниэль поставил свой бокал на стол с такой силой, что мой бокал задребезжал.

– С меня довольно! Ты за последние два дня и двух кусочков не проглотила. Я не позволю тебе продолжать помогать этому сумасшедшему, если причина в этом.

Я уставилась на него, держа вилку над своим недоеденным обедом. Мы оба знали, что это пустая угроза. Натаниэль первым отвел взгляд, потирая виски круговыми движениями. Сегодня вечером он надел чрезвычайно модный костюм, из импортного материала и идеально сидящий на его фигуре. Брат приказал слуге принести бутылку своего любимого вина, изготовленного в тот год, когда даже отец еще не родился.

По тому, как он слегка горбил плечи, будто на них навали-

лась непосильная тяжесть, я видела, что на брата давит плохое здоровье отца.

Он всегда был самым чувствительным и добрым из нас, отпускал на свободу всех жучков, которые пробирались в наш дом. Скармливал каждому бродячему животному, появлявшемуся у нашей двери, больше еды, чем необходимо, пока я пыталась представить себе, как будут выглядеть внутренности этого животного, если оно умрет. Он считал бабочку олицетворением красоты, которая заслужила право порхать по миру и вносить свой вклад в его многоцветие. Я же видела блестящую металлическую иглу, которую мне хотелось воткнуть в ее тельце, приколов ее к доске для дальнейшего научного изучения.

Он пошел в нашу маму.

– Не могу допустить, чтобы ты умерла с голоду, сестра, – Натаниэль оттолкнул от себя тарелку, налил еще вина из стоящего перед ним заново наполненного хрустального графина. Я смотрела, как зачарованная, на капельки красного вина, брызнувшие на белую скатерть, – они напоминали капельки крови на стенах рядом с головами жертв.

Я закрыла глаза. Куда бы я ни смотрела, я видела напоминание о чудовищных преступлениях, совершенных в Уайт-чепеле.

Возможно, я слишком много думала о смерти. Я искренне сомневаюсь, что моя кузина Лиза стала бы думать о брызгах крови. Она бы, наверное, позвала служанку и велела ей по-

скорее ликвидировать пятно, пока оно не впиталось. Тетушка Амелия хорошо воспитала ее и, несомненно, надеялась, что я стану такой же – при должном воспитании.

Натаниэль сделал большой глоток из своего бокала, потом осторожно поставил его. Его пальцы отстукивали медленный ритм по ножке бокала, пока он придумывал другие доводы, которые могли бы убедить меня бросить мои занятия. Такая преувеличенная демонстрация родительской заботы начинала мне надоедать.

Я подняла ладонь и помахала ею, как белым флагом, – я слишком устала, чтобы спорить с ним. Если я на несколько дней воздержусь от посещения лаборатории дяди и это успокоит брата, пусть будет так. Нет особой необходимости проводить исследования оттуда.

Но брату об этом знать не надо.

– Ты прав, дорогой брат. На время остаться в стороне от всех этих неприятных вещей – это именно то, что доктор прописал, – я одарила его самой искренней улыбкой, и мне было приятно видеть, как он улыбнулся в ответ. – Обещаю, что перекушу позже, перед сном, – я положила салфетку на стол и встала. – Если не возражаешь, я пойду немного отдохнуть. У меня совсем нет сил.

Натаниэль встал и склонил голову. По его мнению, если я буду есть и спать регулярно, я должна чувствовать себя отлично и сиять, как солнце в ясный день.

– Мне очень приятно, что ты в кои-то веки слушаешься

своего старшего брата. Немного времени вдали от всех этих неприятных событий пойдет тебе на пользу, Одри Роуз.

– Уверена, что ты прав, – я одарила его еще одной улыбкой и вышла из комнаты. Слуги закрыли за мной деревянные двери и вместе с братом остались по другую сторону. Я несколько раз вздохнула, потом посмотрела вдоль темного коридора.

Мой поспешный уход из-за стола имел еще одну причину. Отец записывал имена всех наших слуг, и я надеялась отыскать что-нибудь полезное о мисс Мэри Энн Николс.

Я прокралась к кабинету отца, старательно обходя скрипящие половицы пола. Я не хотела, чтобы Натаниэль (или кто-то из слуг) узнал об этом. Остановившись у двери, я смотрела на затейливую ручку. Отец убил бы меня, если бы узнал, что я тайком ходила в его личный рабочий кабинет.

Хоть он никогда прямо этого не говорил, но всем было известно, что комнаты отца после смерти мамы стали запретной территорией. Я была незваной гостьей, тенью, прячущейся в углах собственного дома.

Со стороны черной лестницы доносился стук и звон – там, внизу, большинство слуг наводили порядок после ужина. Сейчас настал идеальный момент, чтобы проникнуть в кабинет незамеченной. Мои руки чесались от желания повернуть бронзовую ручку и проскользнуть внутрь, но я не могла собраться с духом и сделать это.

Что, если он сможет догадаться, что я там побывала? Я

сомневалась, что он придумал нечто хитроумное, но, может быть, он устроил какую-нибудь ловушку из проволоки, которая подаст сигнал тревоги...

Я прислонилась к стенке и чуть не рассмеялась. Какая чепуха! Думать, что отец сделает нечто подобное, особенно учитывая то, что туда заходят служанки, чтобы убрать. Я веду себя как глупый ребенок, который боится чего-то неизвестного, прячущегося под кроватью.

Набрав в грудь побольше воздуха, я заставила сердце биться медленнее. Я и не ощущала, как быстро оно стучит в последние несколько мгновений. Конечно же, если я могла бродить ночью по улицам, где охотился убийца, я смогу прокрасться в кабинет собственного отца, пока его нет дома.

Доносящиеся из кухни голоса стали громче – должно быть, Натаниэлю несут десерт. Кровь стремительно неслась по моим жилам.

Сейчас или никогда. Голоса приближались; я бросилась через коридор, повернула ручку и скользнула внутрь, с легким щелчком закрыв за собой дверь. Этот звук прозвучал как пуля, посланная в патронник, и он успокоил меня.

Я постояла, плотно прижавшись спиной к деревянной двери, пока эхо шагов не исчезло в коридоре. В качестве дополнительной меры предосторожности я повернула ключ и заперлась внутри, оставив всех остальных снаружи. В комнате было совершенно темно.

Я моргала, пока не привыкла к черноте, покрывающей

все, словно пролитые чернила. Отец наглухо задернул темно-зеленые шторы, отгородившись и от прохлады сентября, и от вечерних огней.

В результате комната выглядела гостеприимной как склеп.

Даже в стенах дядиной лаборатории с ее трупами было больше тепла. Я потерла предплечья, чтобы немного согреть их, медленно шагая к камину, при этом мои шелковые юбки предательски шуршали.

Запах сандалового дерева и сигар вызвал призрак отца, и я невольно все время оглядывалась через плечо, чтобы убедиться, что он не стоит позади меня, ожидая момента, чтобы наброситься. Я готова была поклясться, что чьи-то глаза следят за мной из теней.

Несколько тонких свечей в фонарях «молния» роняли холодные восковые слезы, а гигантский канделябр украшал каминную полку рядом с фотографией моей матери. У нас было очень мало ее портретов, и каждый был для меня дорогим сокровищем.

Я всматривалась в грациозный изгиб ее губ, в ее милую улыбку. Это было все равно что смотреть в зеркало, где отражалась я в будущем; у нас даже выражение лиц было одинаковым. В руках она сжимала медальон в форме сердца с крошечной застежкой, а на ее пальце было то самое кольцо, которое я никогда не снимала. Оторвав от нее взгляд, я вернулась к цели моего прихода.

Мне нужно было только зажечь один из фонарей, чтобы просмотреть записи отца; я надеялась, что никто не заметит слабое мерцание свечи под дверью.

Когда я подняла фонарь, какой-то предмет звякнул об пол. Все мышцы моего тела застыли. Я подождала несколько мгновений, уверенная, что меня кто-то обнаружил, но слышала только торжественную тишину. Заставив себя действовать, я зажгла фонарь. Шипение ожившего пламени заставило меня во второй раз задержать дыхание; любой слабый звук казался мне пушечным выстрелом, выдающим мое местонахождение. В конце концов я нагнулась и подняла маленький бронзовый ключик.

Как странно.

Не желая терять драгоценные секунды, гадая, что он отпирает, я быстро положила ключ на место и снова схватила фонарь.

Я подняла его вверх, мои глаза осматривали каждый предмет в комнате, будто видели их в первый и в последний раз. Я стремилась занести в свою память все, что стояло на полках, чтобы в любой момент вспомнить.

Большой портрет – предположительно – одного из наших предков висел на стене между полками от пола до потолка. Он выпятил грудь от сознания собственной значительности, а ногу поставил на тушу огромного медведя, убитого им. Странно, но его здесь не было в последний раз, когда я тут побывала, хотя это было довольно давно.

– Как очаровательно, – прошептала я себе самой. Море крови окружало мохнатый остров, на котором предок стоял одной ногой. Художник сумел передать безумный взгляд глаз нашего предка, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Я снова обвела взглядом комнату. Все было темным: дерево, ковер, большая кушетка, несколько кусков обоев, видневшихся из-за предметов искусства, собранных несколькими поколениями. Даже мраморная облицовка камина была темно-зеленой с более темными прожилками. Не удивительно, что отец не мог избавиться от своего горя; темнота сопровождала его постоянно.

Я подошла к его письменному столу; это был гигантский предмет, занимающий большую часть комнаты, угрожающе огромных размеров. Я закатила глаза. Это похоже на меня – увидеть в обычном письменном столе образ злодея. Угрожающих размеров, подумать только.

Сев в кресло отца, обитое плюшем и кожей, я поставила фонарь, стараясь не сдвинуть с места ни одну из бумаг, разбросанных по столу. Я невольно заметила, что отец сделал довольно много набросков механических приспособлений. Поразительно, как он сумел изобразить все их детали при помощи всего лишь угля и бумаги. Клянусь, я почти слышала стук шестеренок и ощущала запах смазки на деталях.

Всю страницу заполняли красивые изображения средств разрушения.

Летательные аппараты с пушками, прикрепленными к их бортам, и другие миниатюрные военные игрушки занимали каждый дюйм бумаги. Жаль, что он перестал делать детали часовых механизмов: судя по тем картинкам, которые я видела, он не утратил своего таланта.

Я прекратила размышлять и стала открывать один за другим все ящики стола в поисках папок, которые он заводил на всех наших слуг – и нынешних, и бывших. Хотя наш дворецкий обыкновенно вел свои записи, отец настаивал, чтобы у него были свои собственные. Когда я добралась до нижнего ящика, я обнаружила, что он заперт. Я нагнулась ниже. Похоже, отец сам создал для него запорный механизм.

– Где бы я спрятала что-то важное? – я постучала пальцами по подлокотнику кресла. Потом вспомнила тот ключ, который упал из-под фонаря. Подбежав к камину, я схватила его и быстро вернулась назад.

Время пролетело быстро, и десерт подходил к концу, скоро слуги начнут ходить туда-сюда по коридору.

Маловероятно, что ключ подойдет, но я должна попробовать.

Я придвинула фонарь ближе. Дрожащими руками вставила ключ в замок. Повернула его влево, уверенная, что он бы уже открылся, если бы подошел, и тут раздался тихий щелчок, и ящик приоткрылся. Слава богу.

Выдвинув ящик до конца, я провела пальцами по папкам, плотно набитым в ящик. Их было так много, что я испугалась

– ушел бы весь вечер на то, чтобы найти необходимую мне запись. Я даже не могла вспомнить, сколько горничных служило у нас за последние пять лет. К счастью, отец разместил бумаги в ящике лучше, чем на крышке письменного стола.

Маленькие закладки с именами выглядывали из папок, как острова из океана чернил и бумаги. Я один раз перебрала их, потом второй и нашла папку мисс Мэри Энн Николс.

Оглянувшись через плечо и проверив, заперта ли дверь, я вытащила папку и быстро прочла то, что там лежало. Всего лишь записи о зарплате. Больше ни слова.

Ни сведений о прежней работе. Ни рекомендательного письма.

Ни одного упоминания о ее жизни до работы у нас. Я поверить не могла, что дядя так легко узнал ее. Если верить записям отца, он работала у нас всего две недели. Я откинулась на спинку кресла, качая головой.

Потом вытащила наугад еще одну папку, хмуря брови. Она была посвящена нашей кухарке. Марта, самая давняя из наших служанок, так как она не часто общалась с нами и отец любил ее черный пудинг.

В ней лежало рекомендательное письмо от предыдущих хозяев, письмо из Скотленд-Ярда, свидетельствующее, что она никогда не была под следствием, ее ежемесячная зарплата, премии и расходы на проживание и ее снимок в типичном наряде кухарки.

Я просмотрела еще несколько папок – все они были таки-

ми же, как папка кухарки.

Я наугад порылась в ящике и нашла еще одну служанку, которую уволили только за то, что она уезжала к своей семье больше чем на месяц. Ее жизнь выглядела точно такой же, как жизнь мисс Николс, и это подтвердило мои подозрения, что отец выбрасывает большую часть сведений о тех, кто уже не служит у нас.

Я закрыла папки и не без труда положила все назад – точно так же, как они лежали раньше.

Ругая отца за то, что он ведет бессмысленные записи, я жалела, что не могу сжечь всю эту массу бумаг.

Когда я клала на место последнюю папку, мое внимание привлекло знакомое имя. Я мгновение поколебалась, потом достала папку и открыла ее. В ней лежала одна вырезка из газеты. Меня охватил леденящий холод.

Зачем отец хранит заметку об убийстве мисс Эммы Элизабет Смит?

Глава 8

Покажите вашего почти покойника

*Отель «Грейт вестерн ройял», вокзал
Паддингтон
11 сентября 1888 г.*

В чайном зале отеля «Грейт вестерн ройял» было невыносимо жарко.

Или, возможно, во всем виновата огненная ярость, бушующая во мне. Я сидела, сложив руки на коленях, как требуют приличия, и молила Бога дать мне силы, чтобы удержаться, не протянуть руки через стол и не схватить шею собеседника вместо сэндвичей с огурцом и пирожных.

– Вы выглядите так, будто не спали, мистер Кресуэлл.

– А кто сказал, что я спал, мисс Уодсворт?

Я приподняла брови.

– Занимались подрывной деятельностью в неподходящее время, не так ли?

– А если бы и так, это вас бы оскорбило? – Томас улыбнулся официанту, наклонился и шепнул что-то ему на ухо. Официант кивнул и ушел.

Когда мы остались одни, он уставился на меня, одновременно подсчитывая тысячу разных вещей. Я поднесла фарфоровую чашку к губам и с усилием сделала глоток чая.

Я согласилась встретиться с ним здесь только для того, чтобы обсудить детали нашего дела, а он сейчас привел меня в ярость тем, что неизменно догадывается о моих тайных планах, и теперь мне придется его убить. На глазах у всех этих свидетелей, не меньше. Какая жалость.

– Сэр, – официант снова подошел к столу и подал Томасу три предмета: серебряную пепельницу, где лежали сигареты, спички, которые он достал из своих черных брюк, и орхидею. Томас вручил мне цветок, затем взял сигарету и позволил официанту поднести ему спичку.

Серый дым поднялся в воздух между нами. Я нарочно закашлялась и замахала рукой, прогоняя дым обратно на его сторону стола.

– Не могу поверить, что вы купили мне этот красивый цветок только для того, чтобы погубить его курением, – сказала я, нахмурившись. – Как это грубо.

Курение в присутствии девушки без ее разрешения – это нарушение приличий, но Томасу, казалось, было совершенно наплевать на это. Я положила орхидею и посмотрела на него сквозь ресницы, прищуриив глаза, но он лишь еще раз затянулся и медленно выдохнул ядовитый дым, а потом отпустил официанта.

Он напомнил мне гусеницу из «Алисы в Стране чудес», лениво сидящую на гигантском грибе и полную безразличия ко всему миру. Если бы он только был таким же маленьким, чтобы я могла раздавить его своей туфелькой.

– Это отвратительная привычка.

– Как и вскрывать покойников до завтрака. Но я не порицаю вас за эту дурную привычку. Фактически, – он наклонился ко мне ближе, понизив голос до конспиративного шепота, – довольно мило видеть вас каждое утро, зарывшейся по локти в кишки. И еще я рад подарить вам этот цветок. Прошу вас, поставьте его на столик у кровати и думайте обо мне, когда будете раздеваться перед сном.

Я уронила свой сэндвич на тарелку и оттолкнула ее от себя прочь со всей яростью, на какую была способна. Томас еще раз набрал полные легкие сигаретного дыма и с вызовом посмотрел мне в глаза. В его взгляде было еще нечто, чего я не совсем поняла.

– Ну ладно. Я понимаю, говорить больше не о чем. Хорошего дня, мистер Кресуэлл. – Не успела я встать, как рука Томаса рванулась вперед, и он мягко схватил меня за запястье. Я ахнула и вырвала руку, оглянувшись по сторонам. К счастью, никто не заметил его неприличного жеста. Я уклонилась от его второй попытки задержать меня, хоть и не слишком возражала против его прикосновения. – Я вижу, ваше пристрастие повредило ваш мозг.

– Напротив, дорогая Уодсворт, – произнес он между затяжками, – я считаю, что никотин придает моим мыслям дополнительную ясность. Вам следовало бы самой попробовать.

Он повернул эту ужасную штуку другим концом и протя-

нул мне, но я установила для себя пределы дозволенного при ведении любительского сыска. Курение было одним из пределов. Он пожал плечами и вернулся к поглощению никотина.

– Как вам угодно, – сказал он. – Ну, я иду с вами.

Я посмотрела прямо ему в глаза. Томас уже не обдавал меня ледяным равнодушием, он был теплым, как августовский вечер, и улыбался уголками губ.

Огонь пробежал по моему телу, когда я осознала, что рассматриваю форму его губ, отмечаю, что нижняя губа слегка полнее и слишком соблазнительна, – девушка без сопровождения компаньонки не должна обращать внимания на подобные вещи.

Я привела в порядок свои мысли, словно образцы, которые потом предстоит препарировать. Меня явно поразило некое дегенеративное заболевание, если меня посещают столь неприличные мысли об этом негоднике. Вероятно, он хотел спровоцировать меня на поцелуй.

– Я иду... домой. И совершенно точно не приглашаю вас с собой, – я осмелилась встретиться с ним взглядом, несмотря на временную утрату способности судить здраво. – Натаниэль не одобрит меня, если обнаружит у нас в доме мужчину, какой бы невинной ни была наша работа.

– Идете домой, да? – он покачал головой и пощелкал языком. – Давайте дадим друг другу одно обещание, – он перегнулся через стол и потянулся к моим рукам, но я быстро

убрала их под стол, – всегда говорить друг другу правду, какой бы неприятной она ни была. Так поступают напарники, Уодсворт. Они не утруждают себя нелепой ложью.

– Прошу прощения, – прошептала я хрипло, мне не нравилось то, как он небрежно все время обращается ко мне по фамилии, хоть я ему это и разрешила, – это не ложь... – Томас поднял ладонь, качая головой. – Почему вы так уверены, что мне нужен напарник? Я вполне способна все делать самостоятельно.

– Возможно, наше партнерство принесет пользу не вам, – тихо произнес он.

Его ответ был таким неожиданным, что я прикрыла рот тыльной стороной руки в перчатке. Одна мысль о том, что ему может быть кто-то нужен и он выбрал из всех жителей Лондона меня, наполнила мою голову вихрем нелепых мыслей, прежде чем я успела их прогнать прочь.

Мне не должен нравиться Томас Кресуэлл. Не должен.

У меня вырвался глубокий вздох, пока я смотрела, как он гасит окурок сигареты.

– Тогда вам следует купить билет. Мы уезжаем в...

Достав сложенный билет из куртки, он лукаво улыбнулся. Моя челюсть чуть не ударилась об стол, и я указала на его посадочный талон.

– Как вы узнали, куда мы поедem, скажите на милость?

Томас сложил билет и убрал его в надежное место; у него был самодовольный вид дворняги, стащившей рождествен-

ского гуся.

– Это очень простой вопрос, Уодсворт. Вы надели кожаные ботинки на шнуровке.

– Действительно. Так просто, – я закатила глаза. – Если я не прикончу вас сегодня же, то это будет просто даром божьим, и я даю клятву снова посещать церковные службы, – сказала я, прижимая руку к сердцу.

– Я знал, что в конце концов верну вас церкви, – он отряхнул свой сюртук. – Поражен тем, как быстро вы смягчились. Да, передо мной трудно устоять.

Он выпрямился, будто павлин, демонстрирующий свое пышное оперение. Я представила себе, как он чистит свои перья, словно у него сзади вырос пестрый переливающийся хвост.

Я махнула ему рукой, чтобы он продолжал.

– Вы говорили...

– В обычный день вы носите шелковые туфельки. Кожа больше подходит для дождливой погоды, – небрежно объяснил он. – Поскольку в Лондоне пока нет дождя, а газеты писали, что в Рединге все утро льет дождь, легко было сделать вывод, что вы направляетесь туда.

Мне так хотелось произнести что-нибудь язвительное, но Томас еще не закончил свои попытки произвести на меня впечатление.

– Когда вы в первый раз спешили через вестибюль, ваш взгляд упал на часы на стене; вы не видели, что я стою рядом

и жду вас. И поэтому я понял, что вы торопитесь, – он сделал глоток чая. – Быстро просмотрев расписание отправляющихся поездов, я увидел, что следующий поезд на Рединг отправляется в полдень. Легко было догадаться, так как это единственный поезд, отправляющийся в это время.

Он откинулся на спинку стула, и его лицо расплылось в самодовольной ухмылке.

– Я заплатил официанту, чтобы он принес мне билет, побежал к нашему столу, заказал нам чай, – и все это еще до того, как вы сдали в гардероб свой плащ.

Я закрыла глаза. Он действительно испытывал мое терпение, но мог оказаться полезным для выполнения моей следующей задачи. Если кто-то сможет разобраться в ситуации, так это Томас Кресуэлл. Мне нужны ответы на вопросы о мисс Эмме Элизабет Смит и ее связи с нашей семьей, и мне пришел в голову только один человек, который мог что-то знать о ней. Я встала, и Томас быстро присоединился ко мне, полный нетерпения отправиться в наше следующее приключение.

– Тогда поспешим, – сказала я, хватая орхидею и закладывая ее на хранение в свой журнал. – Я хочу сидеть у окна.

– Гм.

– Что еще? – спросила я, теряя терпение.

– Я сам обычно сижу у окна. Может быть, вам придется сесть мне на колени.

Через десять минут мы стояли под гигантскими коваными арками, которые подобно железным ребрам поддерживали стеклянный потолок вокзала Паддингтон, образец рукотворного совершенства. Было нечто, вызывающее восторг, в цилиндрической форме вокзала, полного людей и огромных паровозов, изрыгающих пар.

Наш поезд уже ждал у платформы, и мы поднялись в вагон и заняли места для путешествия. Вскоре поезд тронулся. Я смотрела, как мимо проплывает серый туманный мир, и, пока мы с пыхтением выезжали из Лондона и ехали по сельской Англии, мои мысли были поглощены миллионом вопросов.

Первый из них: не зря ли я теряю время? Что, если Торнли ничего не знает? Возможно, нам следовало остаться в Лондоне и разбираться с записями дяди? Однако было уже слишком поздно поворачивать обратно.

Томас, очнувшись от беспокойного сна, заерзал на своем сиденье и привлек мое внимание. Он был похож на ребенка, который объелся конфет и не может сидеть спокойно.

– Что вы делаете, ради бога? – прошептала я, посматривая на пассажиров вокруг нас и бросая сердитые взгляды на Томаса. – Почему вы не можете хотя бы час вести себя прилично?

Тут он закинул одну длинную ногу на другую, потом опустил ее, потом скрестил руки и опустил их. Я уже подумала, что он меня не слышит, но он наконец ответил:

– Вы собираетесь просветить меня насчет того, куда имен-

но мы едем? Или таинственность – это часть сюрприза?

– А вы не можете применить свой метод дедукции, Кресуэлл?

– Я не волшебник, Уодсворт, – ответил он. – Я могу заниматься дедукцией, когда мне представляют факты, а не когда их намеренно скрывают.

Я прищурилась. Несмотря на то что мне следовало волноваться о тысяче других вещей, я не смогла удержаться от вопроса:

– Вы плохо себя чувствуете? – Он взглянул на меня, потом опять повернулся к окну. – Вы страдаете клаустрофобией или агорафобией?

– Я считаю поездки туда-сюда очень скучными, – он вздохнул. – Еще одна секунда тех бессмысленных разговоров, который ведут пассажиры у нас за спиной, или этого чертового пыхтения паровоза, и я могу совсем лишиться разума.

Томас опять замолчал, давая мне возможность осознать его правоту насчет раздражающей беседы и оглушительного шума паровоза.

– Может, это и есть мотив преступлений нашего убийцы, – пробормотал он.

Я положила голову на спинку кресла и стала подслушивать. По мнению общества, именно этими так раздражающими Томаса беседами положено заниматься молодой женщине. Туфли, шелка, вечеринки или кто самый красивый гер-

цог или лорд в королевстве. Как получить приглашение на важный бал или к чаю. Кто в милости у королевы, а кто нет. За какого мужчину, будь он даже старый и дурно пахнущий, стоит выйти замуж.

Мои повседневные заботы были очень далеки от этих, и я опасалась, что меня будут всегда сторониться люди моего круга. Хотя мне и нравились красивые вещи и я пыталась представить себя болтающей о рисунке для вышивки на салфетке, мои мысли постоянно возвращались к трупам покойников, и меня рассмешила моя попытка даже вообразить себя так называемой нормальной молодой леди.

Я твердо решила быть одновременно хорошенькой и суровой, какой, говорят, была мама. Только потому, что я девушка, интересующаяся мужской работой, не означает, что мне нужно перестать быть похожей на девушку. И кто дает определение этим ролям?

– Правда, Томас, – сказала я, сдерживая смех. – Не обязательно обсуждать риторику, чтобы быть интересным. Разве вам ничего не нравится за пределами лаборатории?

Томасу мой вопрос не показался забавным.

– Вас сегодня нельзя назвать королевой интеллектуально вдохновляющей беседы.

– Вы чувствуете себя обойденным, не так ли?

– Вероятно, так и есть.

– Мы собираемся навестить бывшего камердинера моего отца, невыносимый вы человек, – сказала я. – У меня есть

причины полагать, что ему кое-что известно об одной из наших жертв. Удовлетворены?

Нога Томаса перестала подскакивать, он резко обернулся ко мне. Мне совершенно не нравилось, когда он так откровенно рассматривал меня, словно я была сложным математическим уравнением, которое он должен решить. Он рассеянно постукивал пальцами по своей ноге, из чего я сделала вывод, что его мозг усиленно работает.

Свисток паровоза выпустил струю пара, предупреждая о том, что приближается станция Рединг, и одновременно в наши окна забарабанили струи дождя, словно по сигналу.

Он улыбнулся.

– Похоже, этот день только что стал немного более интригующим.

Лошадиные копыта застучали по мокрым камням Бруд-стрит, когда наемный экипаж поднимался вверх по холму к жилищу Олдеса Торнли.

Мой желудок подскакивал от каждого толчка кареты. Я опасалась, что еще до конца поездки съеденный мною ланч окажется на залитых дождем булыжниках мостовой. Я раздвинула темно-синие шторы и сосредоточилась на окружающей местности, спасаясь от нарастающей тошноты.

В городке было полно людей, торгующих всевозможными товарами, несмотря на плохую погоду. Навесы защищали продавцов от непогоды. Я наблюдала, как одна женщина торговалась с мужчиной за корзинку семечек, которую она

продавала.

Томас указал на большое здание справа от нас, нарочно наклонившись над моим плечом и обдавая дыханием мой высокий кружевной воротник, закрывающий шею.

– Рединг. Знаменит производством трех продуктов на «п» – пива, посуды и печенья. Вон там фабрика Хантли и Палмерса.

– Их печенье – мое любимое к чаю, – сказала я. Однако пропустила мимо ушей большую часть из того, что рассказывал Томас об истории этой компании. Я нервно сжимала руки, пока не оторвала пуговку на перчатках, потом прекратила.

Если он это заметил – а вероятнее всего, он заметил, – то не прокомментировал мое проявление нервозности. Я была ему благодарна, что он не просил меня больше ничего объяснять насчет нашей поездки, и еще больше была благодарна за попытку отвлечь меня, указав на фабрику, мимо которой мы проезжали.

Еще одно гигантское здание выбрасывало клубы дыма в дождливое небо, словно человек, выдыхающий сигарный дым в атмосферу.

Сегодня утром я была уверена, что поездка сюда будет лучшим предприятием, а теперь во мне зародились сомнения. Каждая капля воды, падающая на крышу экипажа, громким эхом отдавалась в моих ушах, и мои нервы были на пределе.

– Может быть, мисс Эмма Элизабет действительно работала в нашем доме до того, как совсем обнищала, – произнесла я. – Может быть, только в этом и заключается ее связь с моим отцом.

– Вероятно, – согласился Томас, внимательно глядя на меня. – Но лучше знать наверняка.

Я прикусила губу, ненавидя себя за то, что так беспокоюсь. Что меня беспокоит больше – то, что я ошибаюсь, или то, что я буду так неправа в глазах Томаса? Второе меня тревожило. С каких это пор его мнение о моем уме стало настолько важным? Я его едва выношу. И то, что он обо мне думает, не должно иметь совершенно никакого значения.

Но это имело значение. Больше, чем мне хотелось признать.

И потом был еще более темный вопрос, который мне совсем не хотелось признавать. Что связывало моего отца с этими убитыми женщинами? Меня невольно мучил страх, ведь все больше фактов указывало на то, что это не просто случайное совпадение. Но как это все друг с другом связано, оставалось загадкой.

– Ну, если кто-нибудь из наших слуг знает интимные подробности жизни отца до смерти матери, то это мистер Торнли, – сказала я.

Камердинер одевал моего отца для каждого выхода и знал, когда и где тот находится в любое время. Вероятно, он знал отца так же хорошо – если не лучше, – как его знала мама.

Если бы он не стал слишком старым, чтобы выполнять свои обязанности, то, я уверена, он по-прежнему находился бы рядом с отцом.

– Все будет хорошо, Уодсворт. Мы или получим ответы на наши вопросы, или нет. Но по крайней мере мы съездили и попытались.

Вспышка молнии осветила темное небо, будто титаны сотрясали небеса. Вслед за ней прогремел гром, напоминая мне о родителях. Когда я была маленькой и боялась гроз, налетавших на Лондон, я сворачивалась клубочком на коленях у мамы, а отец рассказывал мне, что гром – это шум, который издают ангелы, когда играют в кегли. Мама вызывала кухарку, и та приносила нам карри и лаваш, напоминающие о родине бабушки, а потом рассказывала мне истории о героинях из дальних мест. С тех пор я почти полюбила грозу.

Вскоре, слава богу, наше путешествие в карете закончилось. Мы съезжились под зонтом у двери маленького каменного домика, стиснутого со всех сторон такими же домиками, похожими на коровники. Томас постучал, потом отступил на шаг, позволяя мне первой встретиться с бывшим слугой.

Дверь со скрипом открылась – ее петли очень нуждались в хорошей смазке, – и из дома лениво поплыл неприятный запах вареных овощей. Я ожидала увидеть знакомые морщинки вокруг добрых глаз и снежно-белую голову.

Я не ожидала увидеть молодую женщину с ребенком, при-

вязанным у бедра, которая вовсе не обрадовалась неожиданной помехе в делах в послеполуденное время. Ее рыжие волосы были заплетены в косу, уложенную в узел на затылке, одежда была сильно поношенной, с заплатками на локтях. Выбившиеся прядки волос обрамляли лицо, и она безуспешно пыталась сдуть их, чтобы они не падали на глаза.

Томас тихо кашлянул, подталкивая меня к действию.

– Я... простите меня. Я... я ищу одного человека, – заикаясь, выговорила я, бросив взгляд на номер 23 на двери, – по-видимому, у меня неправильный адрес.

Было нечто пугающее в том, как она стояла и в упор смотрела на меня, но мы проделали весь этот путь, и я не собиралась отступать перед неприязненным к себе отношением. Она медленно окинула взглядом Томаса. Дважды.

Она мне напоминала человека, которого соблазняет сочный на вид стейк, и мне это совсем не понравилось.

Я откашлялась, и тут небо прорезала еще одна вспышка молнии.

– Вы случайно не знаете, где я могу найти мистера Торнли?

Младенец выбрал этот момент, чтобы поднять вой, и молодая женщина бросила на меня гневный взгляд, будто это я выпустила сидящего в нем дьявола, а не удар грома. Успокаивая орущего демона, она нежно похлопала его по спинке.

– Он умер.

Если бы Томас не схватил меня за руку, чтобы поддер-

жать, я могла бы упасть назад.

– Он... но... когда?

– Ну, он пока не совсем умер, – призналась она. – Но ему уже недолго осталось пребывать в этом мире. Если он проживет эту ночь, это будет чудо, – она покачала головой. – Бедняга стал совсем не похож на себя. Лучше сохраните прежнюю память о нем, иначе вас потом долгие годы будут мучить кошмары.

Та часть меня, которая была полной теплого сочувствия, хотела бы произнести слова сожаления по поводу предстоящей кончины нашего бывшего слуги, но это был наш единственный шанс узнать о местонахождении отца во время убийств и о его возможной связи с мисс Эммой Элизабет Смит.

Я выпрямилась, воображая, будто вены в моем теле – всего лишь стальная проволока, холодная и бесчувственная. Теперь настал момент найти тот научный переключатель, о котором говорил Томас.

– Мне совершенно необходимо повидать его. Это очень важно. Вы ведь не откажете мне в возможности попрощаться с дорогим другом, особенно если он на смертном одре, не так ли?

Молодая женщина с открытым ртом смотрела на меня, потом закрыла его. Свободным бедром она толкнула дверь, распахнула ее и нетерпеливым взмахом руки пригласила нас войти. Потом выпятила подбородок в сторону вешалки в уг-

лу.

– Поставьте там зонтик и проходите, раз так, – произнесла она. – Он наверху, первая дверь направо.

– Благодарю вас, – я пересекла крохотную прихожую и поспешно направилась к истертой лестнице. Томас шел за мной по пятам. Запах вареной капусты преследовал нас, пока мы поднимались наверх, усиливая неприятные ощущения в моем желудке.

Когда я добралась до последней ступеньки, женщина насмешливым тоном крикнула:

– Сегодня ночью вас будут преследовать кошмары. И лучшие простыни на свете вам не помогут. Не говорите, что я вас не предупреждала, миледи.

На этот раз, услышав удар грома, я содрогнулась.

Глава 9

Послание из могилы

*Жилище Торнли, Рединг
11 сентября 1888 г.*

Марлевые занавески – которые, наверное, когда-то были белыми – парусом рванулись навстречу нам, словно две разлагающиеся руки, отчаянно молящие об избавлении от страданий.

Если бы меня заставили долго пробыть в этой напоминающей могилу комнате, я уверена, я бы пришла в такое же отчаяние. Капли дождя стучали по подоконнику, но я не посмела закрыть окно.

На маленькой железной кровати с полосатым матрасом лежало тело, похожее на скелет; оно выглядело почти неживым. Бедняга Торнли съежился и превратился в хрупкий остов, туго обтянутый серой кожей. Из открытых болячек на его торсе и руках текла смесь крови и гноя, издающая запах гнилого мяса, который мы ощутили еще у двери. Трудно сказать точно, но он, по-видимому, болел какой-то формой проказы.

Я закрыла нос тыльной стороной ладони и уголком глаза заметила, что так же поступил Томас. Этот запах можно было назвать самое меньшее ошеломляющим, а картина перед

нами была самой ужасной, какую я когда-либо видела.

Это о многом говорит, так как я видела разложившиеся внутренности покойников бесчисленное число раз во время вскрытий у дяди.

Я зажмурилась, но эту страшную картину будто выжгли на внутренней поверхности моих век.

Я могла бы счесть его давно умершим, если бы его слабо поднимающаяся и опускающаяся грудь не подтверждала то, что видели глаза. Если бы я была суеверной, я бы поверила, что он – один из тех оживших мертвецов, которые бродят по болотам Англии и похищают души людей.

Или поедают людей.

Всю жизнь меня интересовали биологические аномалии, например слоновая болезнь, гигантизм, сросшиеся близнецы и врожденное отсутствие пальцев, но это деяние Господа казалось слишком жестоким.

Молодая женщина была права. Это место способно породить ночные кошмары.

Занавески делали мокрый вдох, потом выдох, влага заставляла их прилипнуть к дереву, а потом освобождаться при следующем порыве грозового ветра.

Я сделала вдох через рот. Нам нужно было или бежать снова вниз – и предпочтительно до самой железнодорожной станции, крича от ужаса, – или следовало немедленно заговорить с этим беднягой.

Я бы выбрала первое, даже если это означало бег под

дождем в ботинках на высоких каблуках с риском сломать шею, но именно второе нам предстояло сделать.

Томас ободряюще кивнул, потом вошел в комнату, оставив меня стоять, прислонившись к дверной притолоке, и искать опору только в собственном рассудке. Если он в силах это сделать, то и я смогу.

Если бы только мое тело поспевало за смелостью мыслей.

Он придвинул к кровати два стула – их ножки протестующе закричали, – потом жестом пригласил меня сесть. Ноги перенесли меня через комнату по собственной воле, а сердце пустилось в галоп. Я спрятала руки в складках юбки, когда села. Мне не хотелось, чтобы бедный Торнли увидел, как сильно они трясутся; ему и так приходится достаточно страдать.

Жестокий кашель сотрясал его тело, вены на шее надулись, напоминая корни деревьев, выдернутые из земли. Я налила стакан воды из кувшина, стоящего рядом с кроватью, и осторожно поднесла к его губам.

– Выпейте, мистер Торнли, – ласково сказала я. – Это успокоит ваше горло.

Старик медленно отпил из стакана. Вода залила ему весь подбородок, и я вытерла ее носовым платком, чтобы он не простудился вдобавок к остальным болезням. Когда он напился, его мутные глаза обратились ко мне. Я подумала, что он, возможно, ослеп, но все равно улыбнулась ему. Через несколько мгновений на его лице появились признаки узна-

вания.

– Мисс Уодсворт, – он снова закашлялся, на этот раз не так сильно, как раньше. – Вы такая же красивая, как ваша мать. Она была бы рада, что вы выросли такой прекрасной, упокой, Господи, ее душу.

Хоть я и слышала эти слова всю жизнь, мои глаза все равно обожгли слезы. Протянув руку, я убрала с его лба редющие волосы, стараясь не задеть открытых болячек. Я не думала, что он заразен, но не стала рисковать – не сняла перчаток. Он закрыл глаза, его грудная клетка замерла.

Сначала я ужаснулась, подумав, что он ушел из этой жизни в иной мир, но потом его веки задрожали и приоткрылись. Я выдохнула. Нам нужно получить ответы сейчас же. Я ненавидела себя за то, что приступаю прямо к делу, но боялась, что он быстро потеряет силы и не сможет долго разговаривать.

Я произнесла про себя молитву, чтобы мой обратный билет гарантировал мне прямую дорогу домой, в Лондон, чтобы дорога не свернула в ад.

Томас смотрел только на камердинера, не обращая внимания ни на что другое. Меня обдало холодом, когда я увидела, что на него совсем не влияет наше нынешнее положение и что он действительно умеет отключать свои эмоции по желанию. Каким бы ни было полезным это умение, оно было неестественным и напомнило мне о том, как мало я знаю о его жизни за пределами лаборатории дяди.

Словно почувствовав мое недовольство, Томас прервал свой процесс дедукции на несколько секунд, встретил мой встревоженный взгляд и кивнул. Это рывком вернуло меня из задумчивости к действительности. Я нагнулась ниже над кроватью, связав свои нервы в узел.

– Я понимаю, что вы больны, мистер Торнли, но я надеялась расспросить вас о моем отце, – я набрала в грудь побольше воздуха. – Мне бы также хотелось узнать, кем была мисс Эмма Элизабет Смит.

Он уставился на меня, потом его глаза – и мелькающие в них воспоминания – закрылись. Он переключил свое внимание на Томаса.

– Вы помолвлены с моей дорогой девочкой?

Томас так и залился краской, его броня дала трещину. Он ответил, заикаясь, глядя куда угодно, только не на меня:

– Я... ммм... ну... мы... она...

– Мы коллеги, – подсказала я, не в силах удержаться от радости, что он так всполошился. Несмотря на цель нашего визита и его странное поведение, я была очень довольна, что его хоть что-то выбило из колеи. Тем более что это произошло из-за меня. Он закатил глаза, когда я улыбнулась ему. – То есть мы оба учимся под руководством дяди.

Торнли закрыл глаза, но я успела уловить в них неодобрение. Даже на пороге смерти его возмутили мои занятия с дядей и мое участие в его несправедливых исследованиях. Очевидно, то, что я не уделяю времени поискам мужа, было еще

одним моим прегрешением. Мне стало бы стыдно, если бы у меня не было более важной причины находиться здесь. «Пусть люди думают что хотят», – сердито решила я, но тут же съезжилась от стыда.

Этот человек умирает. Мне нечего тревожиться по поводу его мнения или сердиться на него.

Я села прямо и заговорила добрым, но более твердым голосом.

– Мне нужно, чтобы вы рассказали мне, откуда отец знал мисс Эмму Элизабет Смит.

Бывший камердинер отца смотрел через мое плечо в окно, по которому лились струи дождя, как слезы. Трудно было сказать: то ли он не обращает внимания на мои вопросы, то ли теряет сознание. Я бросила взгляд на Томаса – на его лице было такое же растерянное выражение, как и на моем, его тоже раздирали противоречивые чувства. Ужасно наседать на умирающего, и если Томас Кресуэлл начинал догадываться об истинных причинах нашей поездки сюда, то я действительно отклонилась от правильного пути.

Возможно, я и правда такая достойная порицания личность, какой меня считает общество. Могу представить себе, что бы сказала тетушка Амелия и сколько раз она бы перекрестилась, приказывая мне молиться о прощении грехов. Она была фанатично религиозна.

Решив, что я достаточно мучила умирающего, я встала.

– Я должна перед вами извиниться, мистер Торнли. Я ви-

жу, что расстроила вас, а это не входило в мои намерения. – Отпустив юбки, я сжала руками его холодные ладони. – Вы были замечательным другом нашей семьи. Не могу выразить, как мы вам благодарны за вашу отличную службу.

– Ты бы рассказал им все, дедушка.

Молодая женщина, которая открыла нам дверь, теперь стояла, скрестив на груди руки, у спинки его кровати, и голос ее звучал мягче, чем я от нее могла ожидать.

– Очисти свою совесть перед этим последним путешествием, – сказала она. – Что плохого может случиться, если ты расскажешь ей о том, что она хочет знать?

Теперь я увидела большое фамильное сходство. У обоих были одинаковые густые брови, очаровательно большие глаза и идеальные высокие скулы. Рыжий оттенок волос намекал на ирландские корни, а россыпь веснушек на носу делала ее более юной на вид, чем я сначала подумала.

Теперь, когда ее фигура не была перекошенной под тяжестью младенца, я бы сказала, что она ненамного старше меня. Некоторые ее слова всплыли в моей памяти.

– Вы что-то об этом знаете? – спросила я. Она смотрела на меня непонимающим взглядом, будто я говорила на другом языке. – О том, почему он должен очистить свою совесть?

Она покачала головой, не сводя глаз с беспокойно дергающегося тела дедушки.

– Он не сказал ничего такого определенного. Просто мечется по ночам, вот и все. Иногда, когда спит, что-то бормо-

чет. Я никогда не могла ничего понять.

Торнли так яростно чесал свои руки, что я опасалась, как бы он не порвал кожу. Это объяснило некоторые его болячки: у него образовывались струпья, потому что он расчесывал их и вносил инфекцию. Значит, это не проказа. Это просто похоже на нее. Я подавила тошноту одним болезненным глотком. Невозможно даже представить себе, как ему больно.

Схватив банку с мазью с тумбочки, его внучка поспешно подошла к нему и стала наносить мазь на его руки.

– У него отказывают органы, и он ужасно чешется. По крайней мере, так сказал врач, – она еще раз щедро помазала его руки мазью, и он затих. – Мазь помогает, только ненадолго. Постарайся не чесать так сильно, дедушка. Ты рвешь себе кожу в клочки.

Томас поерзал на стуле – явный признак того, что ему не терпится высказать свое мнение. Я бросила на него угрожающий взгляд, который, как я надеялась, предупредит его о том, как ему будет больно, если он посмеет вести себя в свойственной ему очаровательной манере в доме Торнли.

Он не обратил внимания на меня и на мой взгляд.

– Насколько я помню свои уроки, это всё признаки процесса умирания, – он продолжил, загибая пальцы при упоминании каждого симптома: – Ты перестаешь есть, больше спишь, дыхание становится затрудненным. Потом начинает чесаться тело, и...

– Этого достаточно, – перебила я его, бросив сочувственный взгляд на Торнли и его внучку. Они знают, что конец неминуем. И незачем им выслушивать подробности того, что будет дальше.

– Я только хотел помочь, – прошептал он. – В моих услугах явно не нуждаются. – Томас дернул плечом, потом снова принялся молчаливо осматривать комнату.

В будущем нам надо будет поработать над его умением «помочь». Я снова повернулась к камердинеру отца.

– Все, что вы сможете мне рассказать о том периоде времени, мне очень поможет. Нет никого другого, к кому я могла бы обратиться с вопросами. Недавно произошли... кое-какие события, и это меня бы успокоило.

Глаза Торнли наполнились слезами. Он рукой подозвал внучку к себе.

– Джун, милая моя. Ты не сделаешь нам чаю?

Джун прищурилась.

– Ты ведь не пытаешься сейчас избавиться от меня, а? Ты уже много дней не просил чаю, – ее тон был скорее игривым, чем обвиняющим, и ее дедушка слегка улыбнулся. – Очень хорошо. Я пойду и принесу чаю. Веди себя хорошо, пока я не вернусь. Мама повесит меня, если решит, что я плохо с тобой обращалась.

Когда Джун вышла из комнаты, Торнли несколько раз с трудом вздохнул, потом посмотрел на меня более ясным взглядом, чем за несколько секунд до этого.

– Мисс Эмма Элизабет Смит была близкой подругой вашей матери, мисс Одри Роуз. Но, вероятно, вы ее не помните. Она перестала приходить, когда вы были еще совсем малюткой, – он закашлялся, но отрицательно покачал головой, когда я предложила ему еще воды. – Она также знала вашего дядю и отца. Они все четверо были близкими друзьями в молодые годы. Собственно говоря, ваш дядя когда-то был с ней помолвлен.

Сомнение тисками сжало мой мозг. Судя по записям дяди, могло показаться, что он совсем с ней не знаком. Я бы никогда не догадалась, что она – его знакомая, не говоря уже о том, что они чуть не поженились. Томас удивленно поднял брови – даже он явно не ожидал этого.

Я снова повернулась к Торнли.

– Вы что-нибудь знаете о том, почему отец мог за ней следить?

Над нами прогремел гром, будто предостережение свыше. Торнли сглотнул, его взгляд заметался по комнате, словно он боялся чего-то ужасного, что может достать его и в могиле. Его грудь поднялась, и он зашелся в еще одном приступе кашля. Если он будет и дальше так кашлять, то совсем потеряет способность беседовать, я была в этом уверена.

Его голос напоминал хруст гравия под копытами коней, когда ему удалось опять заговорить.

– Ваш отец – очень могущественный и богатый человек, мисс Одри Роуз. Я не настолько самонадеян, чтобы утвер-

ждать, будто мне известно о его личных делах. Я знал только две вещи о мисс Смит. Она была помолвлена с вашим дядей, и... – его глаза так широко раскрылись, что видны были почти одни белки. Силясь сесть на постели, он дергал ногами и кашлял до посинения.

Томас вскочил и попытался уложить старика, чтобы тот не поранился во время конвульсий. Торнли яростно затряс головой, кровь выступила в уголках его губ.

– Я... только что... вспомнил. Он знает! Он знает темные тайны, скрытые в стене.

– Кто знает? – умоляющим тоном спросила я, стараясь понять, являются ли эти слова частью сложной галлюцинации, или его болтовня имеет какое-то значение для нашего расследования. – В какой стене?

Торнли закрыл глаза, из его рта вырывались гортанные стоны:

– Он знает, что случилось! Он был там в ту ночь!

– Все в порядке, – произнес Томас ласковым голосом; никогда раньше я не слышала, чтобы он так с кем-либо разговаривал. – Все в порядке, сэр. Сделайте вдох, ради меня. Вот так. Хорошо.

Я смотрела, как Томас крепко держит старика, надежно, но мягко.

– Лучше? А теперь попытайтесь еще раз сказать это нам. На этот раз – медленнее.

– Да, д-да, – просипел он, – но я не могу его в-винить, –

Торнли задыхался, пытаясь вытолкнуть из себя слова, а я поглаживала его спину, пытаясь в отчаянии его утешить. – Нет, нет. Не могу, не могу его винить, – сказал он и опять закашлялся. – Не уверен, что поступил бы иначе при т-таких обстоятельствах.

– Кого винить? – спросила я, не зная, как его успокоить настолько, чтобы он заговорил связно. – О ком вы говорите, мистер Торнли? О моем отце? О дяде Джонатане?

Он так засипел, что его глаза закатились под лоб. Я пришла в ужас, подумав, что все кончено, что я стала свидетельницей смерти человека, но он заметался и сел прямо, ухватившись за простыни по обеим сторонам своего истощенного тела.

– А-Алистер знает.

Я была совсем сбита с толку. Имени «Алистер» я не знала и даже не была уверена, что Торнли все еще понимает, что говорит. Я ласково погладила его по руке, а Томас с ужасом смотрел на нас.

– Ш-ш-ш-ш. Ш-ш-ш-ш. Все в порядке, мистер Торнли. Вы оказали нам огромную...

– Это... из-за... того... проклятого...

Его тело сотрясла такая дрожь, словно он летел на металлическом воздушном змее сквозь грозу с молнией, бушующую снаружи. Он бился в судорогах, пока струйка крови не потекла у него из уголков рта и из ноздрей.

Я отскочила назад и закричала, я звала внучку вернуться

и помочь нам, но было уже поздно. Мистер Торнли умер.

Глава 10

«Мэри Си»

*Серпантин, Гайд-парк
13 сентября 1888 г.*

– Разумеется, я помню одного Алистера, которого знал отец. Не могу поверить, что ты его не помнишь, – сказал Натаниэль, вопросительно глядя на меня. Он ждал объяснений, которые я была не готова ему дать. – Откуда это внезапное любопытство?

– Без особой причины, правда, – избегая его взгляда, я наблюдала за стайей гусей, летящей над гладкой, как стекло, поверхностью озера по направлению к дому приемов Королевского гуманитарного общества. Их клин был идеальным, как и холодная осенняя погода. Несомненно, гуси летели на юг, в поисках более мягкого климата.

Мне очень хотелось понять природный механизм, предупреждающий гусей о наступлении зимних месяцев. Если бы только женщины, бродящие по холодным улицам Уайтчепела, могли так же почувствовать опасность и спастись бегством!

Я сорвала несколько желтеющих травинок и вертела их между указательным и большим пальцами.

– Трудно поверить, что через несколько недель зима по-

губит эту траву.

На лице Натаниэля появилось раздражение.

– Да, но до следующей весны, когда она упорно проложит себе путь из ледяной могилы, ведь надежда на жизнь вечна.

– Если бы только нашелся способ излечить самое фатальное заболевание на свете, – пробормотала я себе под нос.

– И какое именно?

Я бросила взгляд на брата, потом пожала плечами и отвернулась.

– Смерть.

Тогда я смогла бы оживить Торнли и задать ему все вопросы, на которые он мне не ответил. У меня даже была бы мать, если бы мертвые возвращались обратно, подобно многолетним растениям.

Натаниэль с тревогой смотрел мне в глаза. Вероятно, он думал, что эксцентричность дяди пагубно влияет на меня.

– Если бы ты могла, ты бы... попыталась предпринять такую попытку с помощью науки? И тогда смерть ушла бы в прошлое?

Границы между добром и злом становятся такими нечеткими, когда речь идет о любимых людях. Жизнь стала бы совсем другой, если бы мама еще жила, но было бы это существо настоящим? Я содрогнулась, подумав о том, что могло произойти.

– Нет, – медленно произнесла я. – Думаю, я бы не стала этого делать.

Крохотная певчая птичка защebetала на ветке, висящей над нашими головами. Отломив кусочек медового печенья, я подбросила его в воздух. Две более крупные птички подхватили его, сражаясь за крошки. Наглядная демонстрация теории Дарвина – выживает сильнейший – продолжалась до тех пор, пока Натаниэль не раскрошил все свое печенье и не подбросил сотню крошек вверх, чтоб досталось всем ссорящимся птичкам. Теперь каждая получила столько еды, что даже не знала, что с ней делать.

– Ты безнадежен, – я покачала головой. Из него вышел бы ужасный натуралист, постоянно меняющий научные данные из-за своей доброты. Он вытер пальцы в перчатках вышитой вручную салфеткой, потом снова откинулся назад, следя за тем, как птички скачут и хватают крошки. На его лице застыла довольная улыбка.

Я продолжала смотреть на салфетку.

– Признаюсь, меня пугает приезд тетушки Амелии.

Натаниэль проследил за моим взглядом и помахал салфеткой в воздухе.

– Это будет замечательно, я уверен. Меньше всего ей понравится твоя вышивка. Ей вовсе не нужно знать, что ты практикуешься на покойниках.

Тетушка Амелия, кроме ежедневных уроков по правильному ведению домашнего хозяйства и поискам прилично-го супруга, питала необъяснимое пристрастие к вышиванию монограмм на любом кусочке материи, какой только могла

найти. Понятия не имею, как мне удастся вышивать множество бесполезных салфеток и одновременно практиковаться у дяди.

Учитывая все это (и еще ее постоянные приступы религиозного рвения), я была уверена, что следующие несколько недель будут более утомительными, чем я сначала думала.

– Куда это ты сбежала недавно? – спросил Натаниэль, прервав мои размышления о вышивании и других потрясающе интересных занятиях. Он не собирался так легко отказываться от своего собственного расследования. – Если честно, я не понимаю, почему ты мне не доверяешь. Я оскорблен, сестра.

– Прекрасно, – я вздохнула, понимая, что мне придется посвятить его в одну тайну, чтобы не выдать более важных вещей. – Недавно я пробралась в кабинет отца, ночью, и наткнулась на это имя. Вот и все. Правда.

Натаниэль нахмурился, подергал свои перчатки из мягкой кожи, но не снял их.

– Что ты делала в кабинете отца? Я не могу защитить тебя от твоей собственной глупости, сестра. От этого пока нет медицинского средства, к моему великому огорчению.

Я не обратила внимания на его выпад и взяла виноградину из нашей корзинки для пикника, которую Натаниэль заказал в универмаге «Фортнум энд Мейсон»³. Она была битком на-

³ Дорогой универмаг на Пикадилли, славящийся своими экзотическими продовольственными товарами. – *Здесь и далее прим. переводчика.*

бита деликатесами, от которых слюнки текли, – от импортных сыров до оранжерейных фруктов.

Чтобы не выдать своего горячего интереса к информации, я медленно достала хлеб и сыр и поставила тарелку на одеяло перед нами.

– Значит, он был слугой?

– Алистер Данлоп был старым кучером, он правил экипажем отца, – сообщил Натаниэль. – Теперь ты его вспомнила? Он был добрым, но очень эксцентричным.

Я наморщила лоб.

– Имя кажется мне смутно знакомым, но отец меняет слуг так часто, что трудно всех хорошо помнить.

Я положила на тост бри и консервированный инжир и протянула бутерброд Натаниэлю, потом сделала то же самое для себя. Каждый раз, когда я была уверена, что выяснила нечто полезное, я убеждалась, что все совсем не так, как казалось раньше.

Я хотела найти одну чертову подсказку, которая указала бы мне нужное направление. Было бы еще лучше, если бы убийцы, психопаты и злодеи просто держали в руках табличку, которую легко заметить пытливым исследователям. Меня тревожило то, что такой злодей может бродить среди нас.

Натаниэль помахал рукой перед моим лицом.

– Ты слышала хоть что-то из того, что я сказал?

– Прошу прощения, – я заморгала, словно очнулась от сна наяву – сна, в котором не было убийств и умирающих стари-

ков. Брат еще раз вздохнул.

– Я сказал, что отец уволил его вскоре после маминой... – ему не хотелось произносить слово «смерть». Никто из нас не любил произносить его вслух, раны были еще слишком свежие, хотя прошло уже пять лет. Я сжала его руку, давая понять, что понимаю. – Во всяком случае, его уволили внезапно. Я так и не узнал почему, – сказал Натаниэль, пожимая плечами. – Ты знаешь, каким отец иногда бывает. Мистер Данлоп учил меня играть в шахматы, когда его услуги никому не требовались.

Брат улыбнулся, приятное воспоминание подняло ему настроение.

– По правде говоря, я поддерживал с ним связь. Он не мог продолжать работать кучером после того, как отец уволил его без должной рекомендации. Я несколько раз встречался с ним, чтобы поиграть в шахматы на деньги, и я нарочно проигрывал, чтобы ему кое-что досталось. Условия его жизни сильно ухудшились, и я невольно чувствую себя за это ответственным. Сейчас он моет палубу на «Мэри Си».

– Еще одна жизнь, обреченная на нищету благодаря лорду Эдмунду Уодсворту и его эксцентричности, – сказала я. Интересно, что мог натворить кучер, чтобы скатиться до жалкой должности палубного матроса? Вероятно, его единственным преступлением было слишком доброе отношение к брату.

По-видимому, когда отец выгонял слуг, их жизнь уже ни-

когда не была прежней, она становилась намного хуже. По крайней мере, Алистер Данлоп все еще дышит. Мисс Николс больше никогда не вдохнет нездоровый воздух Темзы.

Неверно истолковав мое молчание, Натаниэль обнял меня рукой за плечи и притянул к себе, желая утешить.

– Я уверен, что он вполне счастлив, сестричка. Некоторые люди живут ради той свободы, которую дает мытье палубы большого корабля и перетаскивание ящиков с грузом. Никакой ответственности. Нет необходимости беспокоиться насчет чаепитий и курительных комнат, надеть белый галстук или черный, насчет всей этой чепухи высшего света. Ветер треплет их волосы, – он грустно улыбнулся. – Это благородная жизнь.

– Ты говоришь так, будто тебе хочется отказаться от своего доброго имени и самому идти драить палубы.

Из Натаниэля вышел бы ужасно плохой моряк, и мы оба это знали. Он может лелеять мысль о том, чтобы бросить все жизненные блага ради свободы, но он чересчур любит свое импортное бренди и французское вино. Променять это все на дешевый эль в сырых пабах ему совсем не понравилось бы. Я улыбнулась, просто представив себе, как он входит в бар и заказывает нечто тривиальное, вроде пинты пива, и волосы у него в полном беспорядке.

Не успел он ответить мне такой же шуткой, как подошел наш кучер, наклонился и шепнул что-то на ухо брату. Натаниэль кивнул, потом встал, отряхивая свой сшитый у хоро-

шего портного костюм.

– Боюсь, нам придется закончить наш ланч. Мне сообщили, что тетушка Амелия и кузина Лиза прибыли. Полагаю, ты не спешишь приступить к своим обязанностям «приличной леди». Не возражаешь, если я оставлю тебя здесь заканчивать ланч?

– Вряд ли я нуждаюсь в няньке, – ответила я. – Но ты прав. С удовольствием еще на некоторое время останусь наслаждаться свободой.

Я улыбнулась, хорошо понимая, что если бы Натаниэлю дали волю, то кроме моей горничной и лакея, уже присутствующих здесь, он бы оставил телохранителя, гувернантку, няньку и всех остальных слуг, которых только смог бы нанять, чтобы присматривать за мной.

– Поезжай, – сказала я, махнув рукой. Он стоял и похлопывал себя по бокам в нерешительности. – Со мной все будет в порядке. Я собираюсь некоторое время наслаждаться свежим воздухом, потом поеду домой, – я перекрестилась. – Уверяю тебя, я не сяду пить чай с каким-нибудь жестоким убийцей в оставшийся до ужина промежуток времени, так что перестань выглядеть таким встревоженным.

На его лице боролись улыбка и желание нахмуриться, но улыбка в конце концов победила. Его губы дрогнули.

– Твои уверения почему-то меня совсем не успокаивают, – он прикоснулся к полям шляпы. – До вечера. О! – он помолчал, осматривая мою одежду. – Возможно, ты захо-

чешь переодеться во что-нибудь более... соответствующее вкусам тетушки Амелии.

Я помахала ему на прощание и разъединила скрещенные за спиной пальцы, когда он исчез из виду. Я, несомненно, отправлюсь домой и переоденусь, сменю костюм для верховой езды на новое платье. Я это сделаю после того, как заеду в доки, поговорю с таинственным Алистером Данлопом и узнаю тайны, которые он, возможно, хранит на борту «Мэри Си».

– Честное слово, я не понимаю, зачем вы настояли на том, чтобы с нами пошел этот несчастный зверь, – пожаловалась я Томасу, когда в третий раз чуть не упала, зацепившись ногой за поводок. – И так трудно маневрировать на этих проклятых каблуках, а тут ноги каждые пять секунд обматывает своим поводком этот близорукий пес.

Томас неодобрительно посмотрел на ряд серебряных пуговиц, украшавших грудь моего черного костюма для верховой езды, и я нахмурилась. Его взгляд хотел сказать, что выбранный мною наряд – включая пару подходящих по цвету бриджей – должен был облегчать мне ходьбу по улицам.

– Хотела бы я посмотреть, как вы будете носить корсет, впивающийся в ребра, – сказала я, разглядывая в отместку его одежду. – И справитесь с юбкой, прикрывающей большую часть бриджей, а на ветру обматывающейся вокруг бедер.

– Если хотите увидеть меня без штанов, только попросите, Уодсворт. Я буду счастлив оказать вам эту любезность.

– Негодяй.

Очевидно, он вывел свою лопоухую бело-коричневую дворнягу на прогулку вокруг озера и случайно наткнулся на мой пикник, когда наш лакей Джон упаковывал корзинку. Томас стащил несколько ломтиков тушеной свинины, чтобы его пес перекусил. Я отослала пустую корзину домой с Джоном и горничной; слуги очень обрадовались возможности не принимать участия в моих планах.

Когда я указала Томасу на малую вероятность случайного совпадения, он заявил, что это интуитивная прозорливость и что я должна быть благодарна за «общество джентльмена во время прогулки в обитель пиратов и бандитов».

Это ему следовало быть благодарным, что я случайно не воткнула в него шляпную булавку. Тем не менее я втайне была рада, что он меня нашел.

Хотя мощенная булыжником улица и была широкой, но пройти по ней оказалось трудно из-за бурлящей толпы. Мужчины сгружали сундуки с больших кораблей, деревянные ящики угрожающе болтались на веревках над нашими головами. Бочки с вином катили в складские помещения, туда же вносили большие металлические жестянки с табаком; женщины криками зазывали клиентов, рекламируя свои товары и услуги заведений, расположенных через несколько улиц отсюда, – они предлагали все что угодно: от выпечки до по-

чинки рваных парусов.

Мы ходили от одной стоянки судов к другой, от одной группы кораблей к другой. Множество лавок были посвящены морским приключениям, в витринах выставлены золоченые компасы, секстанты, хронометры и все прочие корабельные принадлежности, какие только можно пожелать. Я смотрела, как служащий таможи проверяет груз, который выгружают из ближайшего корабля; медные пуговицы на его куртке сияли в лучах послеполуденного солнца.

Он улыбнулся и прикоснулся к фуражке, когда я поравнялась с ним, отчего у меня порозовели щеки.

– Идем уже, – фыркнул Томас. – Он совсем не такой красивый, как я.

– Томас, – прошипела я и ткнула его локтем в бок. Он сделал вид, что ему очень больно, но я поняла: Кресуэлл доволен тем, что мое внимание снова вернулось к нему.

Склады уступили место убогим домам, сгрудившимся в кучу, подобно крысиным норам. Вонь от отбросов поднималась из канав в этом районе, смешиваясь со зловонием дохлой рыбы, выброшенной на берег. Слава богу, с моря дул сильный ветер, трепал мои локоны и проверял, прочно ли держится на голове бархатная шляпка.

– Тоби, – произнес он, отвечая на вопрос, которого я не задавала, и одновременно наблюдая суету вокруг нас. – Он умнее, чем половина полицейских Скотленд-Ярда, Уодсворт. Ты должна целовать землю, по которой я ступаю, за то, что я

привел такого великолепного пса. Или, может быть, ты могла бы поцеловать меня в щеку. Таможенников и бандитов это приведет в восторг.

Игнорируя попытку собеседника затеять неприличный флирт, я наблюдала, как пес вразвалочку бежит по дороге и по причалу, и поражалась, как он до сих пор не свалился в воду. Это было самое неуклюжее животное из всех, какие мне когда-либо встречались. Мне гораздо больше нравились кошки с их неумным любопытством.

– Значит, Тоби – это ваш домашний пес?

Томас отсчитывал суда и бормотал себе под нос их названия, пока мы спускались к «Мэри Си».

– Я его одолжил, – мой спутник остановился перед новой маленькой стоянкой, полной судов; лес мачт возвышался над нашими головами, потрескивая и качаясь на волнах прилива.

Этот участок был почему-то более шумным; мне не удалось удержать в голове ни одной мысли, ее тут же перебивал выкрик кого-то из моряков. Натаниэль пришел бы в ужас, если бы знал, что я слушаю такие грубые ругательства, но они почему-то придавали всей этой обстановке странную притягательность.

С палубы одного корабля несло блянье коз и крики экзотических птиц, и я вытягивала шею до тех пор, пока не увидела яркое оперение попугая-макао, бьющего крыльями по клетке. На том же судне трубил огромный слон, топая но-

гами, пока множество палубных матросов пыталось выгнать его на берег.

Названия на ящиках наводили на мысль, что в город прибыл бродячий цирк. Не будь событий последних нескольких недель, я бы с нетерпением ожидала возможности сходить на представление вместе с братом. Цирк славился аттракционами диковинных людей и несколькими номерами типа «не поверишь, пока не увидишь».

– До меня дошли слухи о человеке, который глотает огонь, – сказала я Томасу, когда мы прошли мимо корабля. – И еще об одном, у которого четыре ноги, если можно верить подобным вещам.

– И не говорите, – ответил он. – Лично я лучше останусь дома и почитаю.

Королева Виктория очень любила цирк и должна была явиться на первое представление. Все, кто считает себя человеком значительным, – и некоторые действительно значительные люди – тоже туда придут.

– Смотрите, – я указала на корабль, который мы искали, – вот он. «Мэри Си».

– Не отходите от меня далеко, Уодсворт, – велел он. – Мне не нравится вид этих парней.

Я взглянула снизу на Томаса, приятное тепло разлилось по моим конечностям.

– Осторожно, мистер Кресуэлл. Люди могут решить, что я вам начинаю нравиться.

Он бросил на меня взгляд и нахмурил брови, будто я сказала нечто очень странное.

– Тогда мне бы хотелось познакомиться с этими людьми. Они, должно быть, очень проницательны.

Не говоря больше ни слова, он пошел вперед, а я на мгновение застыла на месте, ошеломленная. Какой бессовестный лжец! Я взяла себя в руки и поспешно двинулась за ним.

Корабль был размером с небольшой искусственный остров из стали, серый и унылый, как обычный лондонский день. Его длина в два раза превышала длину остальных кораблей в доке, а экипаж выглядел в два раза более злобным.

Когда мы подошли к капитану, коренастому мужчине с черными глазами и частично отсутствующими зубами, смиренный на вид Тоби проявил злобный характер дикого волка: пес оскалил клыки и устрашающе громко зарычал.

Капитан посмотрел на пса, потом окинул нас быстрым взглядом.

– Здесь не место для юных леди. Уходите.

Мне очень захотелось оскалить зубы, как Тоби (у него это получалось превосходно), но вместо этого я мило улыбнулась, показав точно рассчитанное количество моих жемчужных зубов. Тетушка Амелия всегда говорила, что мужчин легко очаровать.

– Я ищу Алистера Данлопа. Нам сказали, что он служит у вас.

Капитан – мерзкое создание – сплюнул в воду, подозри-

тельно глядя на меня.

– А вам что за дело?

Томас рядом со мной напрягся, его рука согнулась.

Я снова улыбнулась, на этот раз упорно глядя в одну точку за плечом капитана. Я попыталась применить хитрый и вежливый способ тетушки; теперь пора было действовать по-своему.

– Мне очень не хочется устраивать сцену и звать сюда этого очаровательного офицера из таможни, – сказала я. – Действительно, нельзя же командовать таким важным кораблем без соответствующих документов на весь груз полностью. Вы со мной согласны, мистер Кресуэлл?

– Несомненно, – ответил Томас и немного отпустил поводок Тоби. Капитан сделал нетвердый шаг прочь от рычащего пса. – Не говоря уже о том, какая разразится катастрофа, если люди, зафрахтовавшие такой корабль, обнаружат, что часть их груза продали на сторону. Ведь ваша семья знакома с большинством аристократов в Европе, мисс Уодсворт?

– Конечно, – подтвердила я, а капитан заметно заерзал в своих сапогах. – Да и вы родом из не менее хорошей семьи, не так ли, мистер Кресуэлл?

– Действительно, – улыбнулся Томас. – Это правда.

Лицо капитана исказила гримаса настоящей ненависти. Очевидно, он был не из тех, кому приятно проигрывать красноречивым мальчишкам и девочкам. Капитан проворчал:

– Он повез товар в «Джоли Джек». Должен разгружаться

здесь недалеко, в переулке.

Глава 11

Новые неприятности

*Паб «Джозли Джек», Лондон
13 сентября 1888 г.*

Из-за неточных указаний нелюбезного капитана мы зашли в несколько тупиков и только потом оказались возле нужного нам паба – сомнительной репутации, но весьма оживленного.

Нарисованная на дереве вывеска над дверью изображала ухмыляющийся белый череп на фоне черного флага. Внутри мужчины сидели, сгорбившись над своими кружками, глотали пиво и вытирали рты рваными рукавами, а женщины сновали вокруг них подобно диким кошкам, выслеживающим свою жертву. Отказавшись от всякой мысли притвориться своей, я прошла через комнату, высоко подняв голову, сопровождаемая взглядами и шепотом.

Большинство знатных женщин не бродят в подобных местах в черных костюмах для верховой езды, кожаных ботинках и перчатках. Хотя ношение одежды для поездок верхом во время обычных пеших прогулок постепенно входило в моду, я очень выделялась из-за черного цвета и необычного материала моего наряда.

Я надеялась, что внушаю чувство опасения, пусть даже на

короткое время.

Когда мы вышли в переулок через черный ход, нас встретило только биение собственных сердец и пыхтение Тоби. Я сняла перчатки и почесала его за мохнатыми ушами.

– Вы его видите? – спросила я, поспешно оглядываясь кругом.

Один открытый ящик стоял на нескольких других, очевидно, недавно выгруженных, но вокруг никого не было. Я подошла к деревянному ящику и заглянула внутрь. Он был заполнен рядами стаканов; я подумала, что хмельные клиенты разбивают много таких стаканов, когда достаточно выпьют. Не совсем то, что, по моим представлениям, продавал капитан на черном рынке, но все равно, товар для него прибыльный.

Томас сдвинул брови, глядя в ящик.

– Мне кажется странным, что мистер Данлоп оставил эти товары без присмотра.

– Может, он внутри?

Не дожидаясь его ответа, я повернулась и снова вошла в шумный паб. Перегнулась через исцарапанную стойку бара и практически закричала, чтобы привлечь внимание барменши. Толстая женщина вытерла руки грязным полотенцем и окинула меня таким взглядом, будто на меня не стоило и времени тратить.

Прощай, надежда на костюм, внушающий страх. Я с таким же успехом могла одеться в лучшее воскресное платье,

а кожу оставить для мясников.

– Выпьете бурбона, мисс? – презрительно усмехнулась она, вытирая пивной бокал тряпкой и наполняя его темно-янтарной жидкостью, после чего подтолкнула его по стойке к сидящему на другом конце плотному мужчине.

Я смотрела, как он жадно глотал пиво. И не могла сдержаться, скривила губы, поражаясь его способностью не обращать внимания на слой грязи, размазанной по всему бокалу. Одному богу известно, какую болезнь он мог подцепить. Хорошо бы отнести эту тряпку в дядину лабораторию и сделать несколько анализов.

Не удивительно, что отца тревожило распространение заболеваний.

Сидящая поблизости группа мужчин разразилась смехом, который вернул меня к действительности. Я сжала кулаки, вонзив ногти в ладони, чтобы вернуть себе безмятежность при помощи этих полукруглых следов от ногтей.

– Где тот человек, который привозит стаканы? Его нет у черного хода, а его хозяин велел ему кое-что передать, – я нагнулась ближе, понизив голос до театрального шепота. – Подозреваю, что это имеет какое-то отношение к таможеннику, который поднялся на его корабль со своими подчиненными и ищет контрабандные товары. Возможно, они уже идут сюда, пока мы разговариваем, – высказав это предположение, я многозначительно замолчала.

Глаза барменши широко раскрылись над красными ще-

ками. Я удержала нейтральное выражение лица, хотя была очень довольна тем, как естественно сумела солгать. Меня порадовала и реакция этой женщины на мои слова – все-таки дама выглядела более устрашающей, чем некоторые из потрепанных морем мужчин.

Она громко сглотнула и показала на дверь, ведущую в переулочек.

– Он только что вышел. Приятный на вид мужчина пришел всего минут пять назад и спросил его. Если у него неприятности, пускай тут не появляется. Никуда не годный ублюдок. И слова доброго не заслуживает.

Достав из-под стойки большой нож, она разрубила рыбу, лежащую на разделочной доске.

– Я ему кишки выпущу в следующий раз, когда он явится. Скажите ему, когда он увидит Мэри в следующий раз, пусть лучше бежит прочь. – Это объясняло название корабля. Она помахала ножом в воздухе и заорала нетерпеливому посетителю, который попался ей на глаза (тот поднял вверх пустую кружку): – Будешь махать ею передо мной, Билли, так я и тебе что-нибудь отрублю!

Я снова выскочила за дверь и, качая головой, быстро ввела Томаса в курс дела:

– Интересно, что за «приятный на вид мужчина» приходил сюда до нас.

– Разве ты не спросила у барменши?

– Она несколько... отвлеклась, – ответила я.

Как правило, я в большинстве случаев старалась избегать маньяков, размахивающих ножом. Томас встал на колени рядом с ящиком, ткнул пальцем во что-то мокрое и растер жидкость между большим и указательным пальцами. Я проглотила нарастающую панику, когда увидела, что он нашел.

– Возможно, он разбил бокал и пошел забинтовать рану.

Томас не удостоил меня ответом. Он встал и подвел Тоби к пятну крови.

– Тоби, ищи, – тихо приказал он псу.

Я с изумлением смотрела, как пес послушно обнюхал все вокруг, потом взял след. Он махал хвостом так усиленно, что мне показалось, будто Тоби сейчас взлетит, как птица, и полетит над перекрестками и переулками. Томас отпустил поводок, и мы затрусили вслед за псом, который миновал один переулок, потом следующий.

Мы пробежали всего пять улиц, когда я увидела груды поношенной одежды у стены заброшенного строения.

Человек сидел, вытянув ноги, опустив на грудь подбородок и мирно закрыв глаза. С его руки на рубашку капала кровь. Я выдохнула с облегчением. Несчастный пьянчуга с небольшой ранкой – это я могла бы пережить. Тоби остановился в нескольких шагах от этого человека и тихо зарычал.

– Одри Роуз, погоди. – Томас схватил меня за рукав, но я вырвалась.

Мне показалось странным, что Томас наконец-то назвал меня по имени, но я не остановилась, чтобы задуматься над

этим, и не обратила внимания на его встревоженный тон. Было уже поздно. Натаниэль скоро ждет меня к ужину, и мне не хотелось объяснять, почему я так поздно вернулась домой после ланча в парке.

Подойдя прямо к бесчувственному мужчине, я кашлянула. Он не двигался. Я сделала еще одну попытку, на этот раз громче, но с тем же результатом.

Чертовы моряки и их любовь ко всяким дурманящим жидкостям! Я услышала, как Томас что-то сказал позади меня, но не обратила на это внимания, нагнулась и похлопала мужчину по плечу. Если честно, мне не нравились все эти мужчины вокруг меня, которые считали меня ни на что не способной. Я им всем докажу, что могу справиться с чем угодно, и даже лучше них.

Я еще раз похлопала его по плечу.

– Простите, сэр. Вы не...

Едва я дотронулась до него, как его голова откинулась назад, открыв ужасную ярко-красную рану на шее, похожую на улыбку.

Все-таки рана оказалась не на руке. Кто-то вскрикнул, возможно, я сама. Однако я бы предпочла, если бы вскрикнул проклятый Томас Кресуэлл.

Томас оттащил меня назад, обнял и стал мягко баюкать в объятиях, и мне даже было наплевать, что это крайне неприлично.

– Отключите свои эмоции, Одри Роуз. Считайте это урав-

нением, которое необходимо решить. И больше ничем. Все будет в порядке.

Посмотрев на свои руки, я поняла, что это ужасная ложь.

Все наверняка не в порядке, и это не математическое уравнение, ведь мои ладони были покрыты липкой кровью. Я лихорадочно вытерла их о свой корсаж, но это ничего не дало. Кровь испачкала мои пальцы обвиняющим красным цветом.

Каким-то образом, по какой-то причине, я была виновата в смерти этого человека.

Натаниэль сидел, решительно скрестив руки на груди, и выглядел более серьезным, чем человек перед лицом расстрельного взвода.

Когда у наших дверей появился детектив-инспектор вместе со мной, покрытой кровью и дрожащей под лошадиной попой, он смертельно побледнел. Моя тетушка чуть было сама не лишилась чувств, увидев меня. Она увела свою дочь к себе в комнаты, пообещав подробно поговорить со мной о приличном поведении, когда я приведу себя в пристойный вид.

Еще одно «приятное» событие, ожидающее впереди.

Каждый раз, когда я закрывала глаза, передо мной вставала эта картина. Ужасающая, зияющая улыбка преследовала меня. Я слышала, как полицейские говорили, что у него почти полностью перерезана шея.

Несколько сухожилий и волокон едва удерживали его голову на месте, и я это хорошо понимала. Я дрожала. Почему-то было бесконечно страшнее прикоснуться к еще теплому покойнику, чем вскрывать холодные трупы в лаборатории у дяди.

– Вот. Выпей это, – Натаниэль сунул мне в руки чашку горячего чая. Я не видела, как он пересек комнату. Я устала на пар, поднимающийся над светлой, почти золотистой жидкостью.

Это было невозможно, но, клянусь, я почти слышала несколько последних ударов сердца того человека, пока он истекал кровью у меня на глазах.

Томас заверил меня, что, даже если бы мы появились через несколько секунд после нападения, он, вероятно, умер бы мгновенно. Глубоко внутри меня притаилось ощущение, что если бы я приложила ткань к ране, а не толкнула его голову в сторону, это могло бы спасти ему жизнь. Какая девушка может настолько привыкнуть к крови, чтобы не обращать на нее внимания? Ужасная девушка.

– Мы можем еще что-нибудь сделать, детектив? – спросил Натаниэль, провожая полицейского из гостиной. Я даже забыла о его присутствии.

Я слышала обрывки разговора, пока они шли к парадной двери. В кармане у покойника нашли удостоверение личности, которое подтвердило мои худшие опасения: кто-то добрался до мистера Данлопа раньше, чем я смогла расспро-

силь его.

Я глотала душистый чай, его тепло струилось по моему горлу до самого желудка, согревая меня изнутри.

Я ничего не знала о мистере Данлопе и его личной жизни, поэтому не имела ни малейшего представления, кто мог желать его смерти. Кто-то из тех, с кем он работал?

Весь экипаж «Мэри Си», несомненно, казался способным совершить убийство, но внешность, как ни печально, бывает обманчивой. Мама читала нам истории из книг, которые привезла от бабушки. Сначала я смотрела на них свысока, считая, что в таких потрепанных обложках не может содержаться ничего хорошего. Я была не права и вела себя как сноб.

Слова, написанные на этих истрепанных страницах, обладали магией, подобно волшебной принцессе, прячущейся среди нищих. Мама учила меня, что судить по внешности – глупо, и я часто вспоминала ее уроки.

Вспомнив, как я сворачивалась клубочком у нее на коленях, я ощутила новый прилив грусти. Сколько смертей и потерь может выпасть на долю одной девушки в течение жизни? Я боролась со слезами, сердясь на себя за то, что мне не хватает стойкости, когда дверь открылась и закрылась.

Натаниэль сел на стул с высокой спинкой напротив меня, наклонился и посмотрел мне в глаза. Я почти ожидала, что он станет бранить меня за мой поход, за безрассудство, к которому я склонна; но вместо этого он улыбнулся.

– Ты самый храбрый человек из всех, кого я знаю, сестренка.

Я не сумела сдержаться и всхлипнула. Я тонула в слезах и шмыгала носом – едва ли меня можно было считать образцом храбрости. Томас обнимал меня в карете всю дорогу до дома, чтобы я совсем не сломалась. Я впитывала его силу, и теперь мне ее очень не хватало. Натаниэль покачал головой, легко читая мои мысли. Ну, надеюсь, хотя бы не мысли о Томасе и его объятиях.

– Половина мужчин из отцовского круга не осмелилась бы расспрашивать рабочих в доках, – сказал он. – Требуется большое мужество, чтобы сделать то, что сделала ты, – он опустил глаза. – Я сожалею только, что во время твоей сегодняшней вылазки тебе пришлось испытать ужас, увидев этого человека с его... мне искренне жаль, что это ты его нашла.

Я подняла руку, чтобы остановить его. Я не хотела больше думать о бедном мистере Данлопе. Я вздернула подбородок, прогоняя слезы.

– Спасибо за сочувствие, – я встала, поставила на стол чашку с чаем и прижала руки к груди. Мне необходимо было выйти из этой комнаты и привести мысли в порядок.

Опустив руки, чтобы подобрать юбки, я осознала, что на мне до сих пор испачканный кровью костюм для верховой езды и бриджи. Вероятно, не только новость о моей кошмарной находке довела тетушку почти до обморока.

Первое, что мне нужно сделать, – это переодеться в чи-

стую одежду. Даже самый сильный солдат королевской армии не стал бы ходить в изорванных брюках, уверяла я себя.

Натаниэль тоже встал со стула.

– Куда ты идешь?

Я улыбнулась.

– Переодеться. Потом зайду к Томасу. Мне надо кое-что обсудить с ним, и, боюсь, это не может ждать до утра.

Натаниэль открыл рот, готовый начать спор, но сдержался. Я только что обнаружила изувеченного человека в переулке возле доков. Визит к мистеру Томасу Кресуэллу поздним вечером беспокоил его меньше всего.

Он взглянул на часы, потом снова посмотрел на меня.

– Я и сам скоро уйду. Вероятно, приду домой после того, как ты уже уснешь. Прошу тебя, ради меня, постарайся попасть домой до того, как стемнеет. Нам обоим достаточно волнений для одного вечера. Еще один раз так испугаюсь – умру на месте.

Когда мы вышли в коридор, я внимательно посмотрела на брата.

Потрясение все еще не отпустило его. Небольшие морщинки вокруг глаз стали глубже; он выглядел еще более измученным, чем несколько дней назад.

Мне было ужасно неприятно добавлять груз к его и так уже огромному бремени. Он всегда был занят учебой, а теперь, когда нет отца, он заботился о доме и обо мне, и это в такой момент, когда по улицам бегают убийца женщин. Я не

облегчила ему задачу тем, что тайком покинула дом и нашла убитого сегодня вечером.

Я повернула мамино кольцо вокруг пальца, сначала в одну сторону, потом в другую.

– Как ты посмотришь, если я вместо этого приглашу Томаса зайти к нам? – понимала, что это нахальный вопрос, так как его не будет дома, чтобы составить нам компанию, но считала, что ему будет легче знать, что я все-таки не ушла из дома. К тому же тетушка Амелия и Лиза находятся в доме, и я не останусь одна наедине с Томасом.

– Одри Роуз... я не уверен, что так лучше.

Он несколько мучительно долгих мгновений смотрел на меня, выбирая между тем, что считается приличным в обществе, и тем, что неизбежно принесет ему облегчение. Он вытащил свой любимый гребень, провел им по волосам, потом спрятал его обратно в карман и наконец ответил.

– Очень хорошо. Я позвоню ему, когда буду уходить. Не закрывай двери, – он глубоко вздохнул и посмотрел вдоль коридора. – Прошу тебя, будьте в столовой и в гостиной. И держитесь друг от друга на приличном расстоянии. Нам вовсе не нужны сплетни. Отец будет дома меньше чем через две недели. Он убьет нас обоих, если ты запятнаешь свою репутацию. Особенно, учитывая то, что он...

Натаниэль закрыл рот и повернулся. Но я не позволила бы ему уйти так просто, сохранив свою тайну. Я бросилась вслед за ним, ухватила за рукав и снова повернула к себе.

– Учитывая что? – требовательно спросила я. – Чего ты мне не рассказываешь, Натаниэль? Он вернулся в Лондон? Ему все еще плохо?

У брата был такой вид, будто он с большим удовольствием снова поговорил бы с детективом, и меня охватило ужасное предчувствие. Я трясла его руку и умоляюще смотрела на него. Он вздохнул. Он никогда не мог долго сопротивляться своей единственной сестре, и я чувствовала легкие угрызения совести, пользуясь этой его слабостью.

– У твоего отца были посетители и в городе, и за городом, – сказала тетюшка Амелия, появившаяся, по-видимому, из воздуха. Она была похожа на женский вариант моего отца и дяди; высокая, светловолосая и красивая.

Никто бы не подумал, что ей уже больше сорока лет. Тетюшка Амелия олицетворяла самую суть того, какой должна быть каждая женщина во все времена. Все в ней, от красиво уложенных волос до затянутых в шелк ступней, было безупречным и утонченным.

Даже неодобрительное выражение на вытянувшемся лице выглядело царственным.

– Хотя после сегодняшнего ночного скандала и неизбежно последующих слухов я не уверена, что он добьется больших успехов. Если бы я не знала тебя лучше, я бы сделала вывод, что ты пытаешься лишить себя всяких перспектив.

Я переводила взгляд с тети на брата.

– Ты сказал, что он никуда не уезжал из Бата.

– Один молодой человек уже несколько недель пишет отцу. Как я поняла, у его семьи очень хорошие политические связи, – Натаниэль расправил костюм. – Слияние наших семей было бы разумным. Отец вернулся в Лондон, чтоб встретиться с ним, но это всего на день.

Казалось, в земле разверзся гигантский провал и поглотил меня целиком. Я не могла прогнать от себя мысль о том, что отец тайно встречается с моими потенциальными мужьями в то время, как ему полагается восстанавливать свое здоровье.

– Но я пока еще не выезжала в свет! – сказала я. – У меня есть еще целый год до того момента, когда нужно начинать беспокоиться о балах и вечеринках. Как мне справиться с этим вместе с работой на дядю и убийствами в Уайтчепеле? Я не в состоянии думать еще и о возможных женихах.

За исключением, возможно, одного парня с озорной душой. Потом меня поразила одна мысль... У семьи Томаса тоже есть политические связи, насколько я знаю. И мы с ним несколько недель тесно общались. Может ли его флирт быть настоящим?

Тетушка Амелия перекрестилась.

– Будет чудом, если они теперь по-прежнему заинтересованы в объединении семей. Тебе нужно серьезно заняться исправлением ситуации. Я организую завтра чай. Тебе будет очень полезно пообщаться с девушками твоего возраста, которых интересуют приличные вещи. Больше никаких детских игр и обсуждений убийства. И, уж конечно, никакой

«работы» для дяди и его неестественной науки. Если твой отец узнает об этом, он снова сорвется. Ты меня хорошо поняла?

Я посмотрела на брата в поисках поддержки, но он был занят другим.

– Но...

Натаниэль посмотрел на часы в коридоре, потом с сочувствием взглянул на меня.

– Постарайся не думать сейчас об этом. Уверен, все прекрасно устроится. Мне действительно надо идти. Я должен был еще полчаса назад встретиться со старшим барристером.

Не дожидаясь моего ответа, брат прикоснулся к полям шляпы, прощаясь с Амелией и со мной, а потом быстро зашагал по коридору и вышел из дома, оставив меня одну справляться с последствиями разрушений, вызванных бомбой, которую только что сбросил на меня.

Почему отец внезапно так захотел выдать меня замуж, и кто тот таинственный мужчина, который писал обо мне? Если это не Томас, тогда кто же он? Неприятное чувство зашевелилось в моем животе, подобно змее. Мне совсем не нравился такой поворот событий, и я готова была сделать все, что в моих силах, чтобы сорвать любое сватовство. Я сжала кулаки.

– Устройство браков вышло из моды, – заявила я, надеясь апеллировать к тщеславию тетушки. – Об этом наверняка пойдут сплетни.

– Всему свое время, – сказала тетушка Амелия, хлопая в ладоши и совершенно не обращая на меня внимания. – Теперь пора избавиться от этой отвратительной, пропитанной кровью одежды. Затем мы займемся твоими волосами.

Она сморщила нос, будто смотрела на крысу, пробегающую по мусорной куче. Я вздрогнула. После того как я нашла мертвеца, я меньше всего думала о своих волосах.

– Честно, Одри Роуз, ты слишком хорошенькая и слишком взрослая, чтобы бегать как уличный сорванец, – сказала она. – После того как примешь ванну, принеси иголку с ниткой; давно пора поработать над твоим сундуком с приданым.

Глава 12

Семейные связи

*Гостиная резиденции Уодсворт, Белгрейв-сквер
13 сентября 1888 г.*

Почти два часа спустя, после нескольких деликатных одобрительных возгласов, моя тетушка наконец ушла спать, довольная тем, что ей удалось, стежок за стежком, заштопать прорехи в моем воспитании и заложить узор подобающего поведения.

Кажется, ее теперь не беспокоило то, что я нашла убитого человека – лишь бы я вышивала красивые фиалки и вьющиеся виноградные лозы в искупление нарушенных мной социальных табу.

Она также настояла на том, чтобы моя новая горничная внесла немного больше «глянца и лоска» в обычные процедуры после купания. Когда я возразила, что в этом нет необходимости, что я и без этого могу обойтись, она перекрестилась и налила себе еще вина, а потом приказала горничной с этого момента каждый день доводить до совершенства мою внешность.

Я поборолла желание стереть с глаз лишнюю краску, особенно когда Томас стал бросать в мою сторону самодовольные взгляды. Мне нравилось наносить косметику, как и лю-

бой другой девушке моего возраста, только я делала это не так щедро.

– Полицейские говорят, что ему перерезали горло хирургическим инструментом, – Томас ерзал на своем стуле в нашей гостиной. Я не разрешила ему курить в доме, и он нервничал больше, чем обычно, рассказывая мне о расследовании. Он придвинул ко мне один из дядиных медицинских журналов, и его пальцы при этом задержались рядом с моими руками чуть дольше, а потом он стал листать свою собственную записную книжку.

– Неужели можно нанести такие раны простым скальпелем? – спросила я, тоже неловко ерзая на своем стуле.

Странно было принимать Томаса в своем доме без надзора посторонних, несмотря на то что мы в Лондоне и Рединге бродили по улицам одни, а тетушка и кузина находились сейчас всего на несколько этажей выше.

Я думала, что, начав обсуждать убийство, мы почувствуем себя менее стесненно, но это оказалось еще одним заблуждением.

– Превратить в оружие нечто подобное не трудно, – он взял свою чашку, но не сделал ни глотка и поставил ее обратно, встретившись со мной взглядом. – Он изготовлен из металла и имеет острые концы. Любой безумец или пьяница может убить с его помощью. Я и сам много наточил таких штук.

У меня не хватило смелости спросить, зачем ему понадо-

билось это делать. Отбросив эту мысль, я сосредоточилась на этом деле, барабанила пальцами по журналу.

– Первые два убийства тоже были совершены хирургическими инструментами. Слишком большое совпадение, чтобы не учитывать его в нашем расследовании. Вы согласны?

– Дорогая Уодсворт, ваше сотрудничество со мной приносит все больше пользы с каждым часом. Ваш ум очень... привлекателен, – произнес Томас, многозначительно приподняв брови и рассматривая мои заплетенные в косы волосы. – Давайте выпьем вина и потанцуем, нарушая приличия. Вы уже носите подходящий для этого наряд, давайте этим воспользуемся.

Он протянул мне руку ладонью вверх, и на его лице появилась коварная усмешка.

– Томас, прошу вас, – я шлепком отбросила его руку в сторону, отчаянно краснея. Танец с Томасом наедине, без компаньонки, был бы скандальным проступком, а его предложение было слишком большим искушением. К тому же это никак не помогло бы быстрее разгадать тайну, рассудила я. – Тетушка Амелия скончается на месте, если войдет и увидит такое... неподобающее поведение.

– Г-м-м. Ее безвременная кончина избавит вас от дальнейших уроков вышивания, не так ли? Возможно, нам следует отказаться от танца, а вместо него заключить друг друга в страстные объятия.

– Томас! – с упреком произнесла я.

Я сказала себе, что чем быстрее мы узнаем, кто убийца, тем быстрее я избавлюсь от Томаса Кресуэлла и его предосудительных манер. Не успею я опомниться, как мы начнем целоваться в темных переулках. И тогда моя репутация действительно вылетит в трубу. Мне не понравилось легкое разочарование, которое я почувствовала при мысли о том, что после расследования я не буду проводить с ним так много времени.

– Ну хорошо, – Томас откинулся на спинку стула и вздохнул. – Я думаю, что кто-то следил за нами в доках. Должно быть, подслушали, как мы говорили о мистере Данлопе. Это единственное логическое объяснение, которое имеет смысл. Если бы могли установить, кто именно, то, уверен, мы бы нашли нашего убийцу.

– А если бы у меня была корона, я была бы королевой, – возразила я, не сумев сдержаться. – Честное слово, Томас, что за смехотворное утверждение. Если, если, если. Нам нужно что-то более надежное, чем простое «если», если мы хотим остановить безумного убийцу.

Ирония моего последнего заявления не осталась незамеченной Томасом. Ленивая улыбка появилась на его губах, и он подался вперед так, что наши лица оказались в опасной близости.

– Если бы я купил корону, вы бы бегали вокруг Букингемского дворца в одной нижней юбке и требовали, чтобы стража вас пропустила?

– Будьте серьезнее, – одернула я его, но успела рассмеяться над абсурдностью этой картины. – Вы можете представить себе нечто подобное? Меня бы бросили в Тауэр, и им пришлось бы для большей надежности забросить ключ в Темзу. Избавились наконец!

– Не бойтесь! Я бы нашел способ вытащить вас из вашей тюрьмы в башне, прекрасная леди.

Я покачала головой.

– Чудесно. Вы бы оказались в соседней камере и обрекли бы на смерть нас обоих.

Томас несколько секунд от души хохотал, его глаза остановились на моих губах и задержались там. Я сглотнула, вспомнив вдруг, что мы одни и я не смогла придумать ни одной веской причины, почему его нельзя поцеловать. Я уже заработала плохую репутацию в глазах общества. Можно с тем же успехом соответствовать своей роли и пуститься в небольшое приключение. Кузина Лиза потребовала бы рассказать ей все подробности... возможно, было бы весело распустить немного сплетен.

Наблюдая за моей реакцией, он медленно приближал ко мне лицо, и мое сердце билось все быстрее, а на его лице появилось выражение милой беспечности. Да, подумала я. Это правильно. Не было бы ничего лучше такого первого поцелуя.

Грохот из кухни внизу разрушил очарование. Томас резко выпрямился на стуле и открыл свою записную книжку, изоб-

ражая напряженный интерес; температура в комнате упала по крайней мере на двадцать градусов.

Я заморгала, изумленная тем, как быстро он переключился. Мне даже захотелось затопить камин, только это не могло бы сделать выражение его лица более теплым.

Расправив плечи, я собралась с мыслями. Ну ладно, раз так – я могу быть такой же переменчивой, как Томас, если он такими хочет видеть наши отношения. Нет необходимости смеяться и даже дружить. Собственно говоря, для начала мне не следовало смягчаться по отношению к нему. Мне самой не верилось, как близка я была к тому, чтобы поцеловать его. Такое отвратительное животное, как он.

Однако если быть совсем честной перед собой, я должна признать, что приятно иметь знакомого, столь же ненормального в глазах общества, как и я сама. Отец не пускал в наш дом друзей, пока мы росли, опасаясь заражения инфлюэнцей и оспой, поэтому у меня никогда раньше не было лучшего друга, и мне очень не хватало таких взаимоотношений.

Несмотря на все усилия отца, болезнь проникла в наш дом.

Он не понимал, с какими трудностями ему придется столкнуться, когда я стану достаточно взрослой, чтобы самой получать приглашения на чай. Теперь возникла необходимость пригласить в дом тетюшку и кузину, чтобы они нашли для меня друзей. Но я не могла сердиться на отца: он старался делать для меня все самое лучшее, даже когда это

лучшее наносило вред.

– Я возьму это, – я схватила еще один журнал, лежащий на столе возле Томаса. По-видимому, он захватил с собой почти все журналы дяди перед тем, как поехать сюда, и прятал их вместе со своими хорошими манерами.

Он не потрудился поднять голову от своей записной книжки. Из всех... я стиснула зубы и перечитывала одни и те же предложения, заставляя свой мозг найти связь между жертвами убийцы. Две проститутки. Мисс Смит и моряк, ставший кучером. Почти все они были как-то связаны с отцом, с испугом поняла я. Единственная, кого нельзя было с ним связать, – это мисс Энни Чапмен, и ее убили самым жестоким образом.

Все указывало на то, что мисс Чапмен не знала своего убийцу, но другие, похоже, знали. Я с трудом сглотнула, понимая, что нам необходимо кое-что предпринять немедленно.

– Прошу прощения, – я встала, собрала свои юбки, как молчаливых свидетелей, и направилась к двери, не дожидаясь, пока Томас встанет. Если он хочет обращаться со мной так холодно, то и я не стану выказывать ему уважения. Мне не нужен мужчина, чтобы придать мне сил. За это я должна благодарить отца – его отсутствие в повседневной жизни хорошо подготовило меня к самостоятельности.

Быстро пройдя по коридору, я остановилась, прислушиваясь к голосам, доносящимся из фигурных металлических

вентиляционных отверстий в полу. Возле отцовского кабинета я остановилась, услышав стук у входной двери. Черт. Я тихонько прокралась назад по коридору и проскользнула в хорошо освещенную гостиную, пока слуга впускал посетителя.

Меньше всего мне было нужно, чтобы меня поймали роющейся в вещах отца, но я внезапно вспомнила кое-что из сказанного Торнли, и у меня голова пошла кругом от новых вопросов.

Томас продолжал корпеть над своими заметками. Я почти не обращала на него внимания, стараясь услышать, кто к нам пришел в такое время. Шаги приближались, и я сделала вид, что погружена в чтение. Слуга вошел в комнату и ждал, когда я обращу на него внимание. Я посмотрела на него невинными, широко раскрытыми глазами.

– Да, Кейн?

– Вас хочет видеть некий мистер Альбертс, мисс Одри Роуз. Говорит, что работает у вашего дяди и принес срочное известие. Он просит прощения за столь поздний час. Отослать его прочь?

Я покачала головой.

– Не в привычках дяди посылать кого-то, если дело не важное, – особенно если отец перехватил какие-то письма, которые хочет держать в тайне.

Должно быть, что-то случилось. Возможно, он обнаружил связь между преступлениями и не мог ждать до утра или,

может быть, он узнал личность убийцы.

Меня охватило приятное предчувствие, вытеснив все остальные чувства.

– Впустите его немедленно, пожалуйста.

Лакей исчез, потом снова появился вместе со слугой дяди. Этот человек сжимал в руках потрепанную шляпу-котелок, нервно перебирая ее поля по кругу. У него был такой вид, словно он только что столкнулся с чем-то ужасным.

Мое сердце превратилось в кусок свинца и глухо стучало в груди. Возможно, он просто боялся встретить моего отца. Дядя, конечно, в последние годы громко говорил о своем жестоком брате, злосчастном лорде Эдмунде Уодсворте, который прячет свою темную личность под помпезным титулом. Хотелось надеяться, что только это было причиной его тревоги.

– У вас послание от моего дяди?

Он кивнул, бросая при этом взгляды в сторону Томаса. Он все больше смущался.

– Да, мисс Уодсворт. Боюсь, это... это нечто ужасное.

Слуга дяди теребил свою шляпу так, что я была уверена: сейчас он разорвет ее пополам.

– Говорите свободно, мистер Альбертс, – сказала я. – Какие у вас новости о моем дяде?

Он с трудом сглотнул – его кадык подпрыгнул на горле.

– Его арестовали, мисс. Скотленд-Ярд увез его в тюремной карете и все такое. Нам сказали, что это он виновен в

тех убийствах в Уайтчепеле. Сказали, что он сошел с ума, – он помолчал, собираясь с духом, чтобы выложить остальные новости. – Появилась свидетельница, которая его опознала. Она говорит, что видела, как он подкрадывался, готовясь к убийству. Суперинтендант сказал, они забирают всех подзрительных из-за того, что... из-за того, как ужасно их... этих леди... порезали.

Заметки, которые начал набрасывать Томас, выскользнули из его пальцев, страницы упали на пол, трепеща, словно пепел сгоревших бумаг.

– Что это еще за ерунда?

Альбертс покачал головой, опустив глаза в пол; дрожь пробежала по всему его телу.

– Они сейчас перерывают всё в его лаборатории. Ищут больше доказательств, чтобы держать его взаперти. Говорят, что его признают виновным и казнят, это лишь вопрос времени. Они говорят, что он... что это он – Кожаный фартук.

– Кейн, принесите, пожалуйста, мое пальто. – Я взглянула на Томаса, которого мой взгляд застал врасплох: его рот был широко раскрыт, а глаза моргали от изумления. Нам необходимо попасть в дядину лабораторию сейчас, пока они не погубили его жизнь и все его научные исследования. – Альбертс, спасибо, что вы сообщили нам об этом...

– К черту вежливость, Уодсворт! – заорал Томас, быстро выбегая из комнаты в прихожую. – Поспешим, пока в лаборатории еще есть что спасать. Вы, – он ткнул пальцем во вто-

рого слугу в прихожей, – приготовьте нам экипаж, и поживее, будто спасение вашей души зависит от его скорости.

Он забрал мое пальто у Кейна и хотел накинуть его мне на плечи, но я выхватила его у него из рук. Так как второй лакей не пошевелился, я кивнула ему.

– Прошу вас, сделайте то, чего так грубо потребовал мистер Кресуэлл.

Томас фыркнул, когда лакей бросился выполнять мое распоряжение.

– О да. Это я злодей. Вашего дядю увозят, его научные открытия, вероятнее всего, уничтожают варвары, а я грубиян. Совершенно обоснованное утверждение.

– Вы невыносимый грубиян. От того, что вы бросаетесь на людей и грубите им, дело быстрее не пойдет, знаете ли. – Я натянула пальто и ловкими движениями застегнула пуговицы. – Мы бы так же ждали бы сейчас экипаж, если бы вы вежливо попросили его подождать.

– Еще что-нибудь мудрое скажете, что мне следует принять во внимание, голубка моя? – уныло спросил он.

– Да, если на то пошло. Вы не погибнете, если будете добрее к людям. Возможно, приобретете одного-двух друзей. Кто знает? – сказала я, воздев руки к небу. – Может быть, вы наконец-то найдете такого человека, который сможет вас выносить. И в любом случае, почему вас больше волнует лаборатория, а не жизнь моего дяди? Это ненормально. Ваши приоритеты в безнадежном беспорядке.

– Может быть, мне не нужны друзья, – сказал он и двинулся к входной двери. – Может быть, я доволен тем, что говорю так, как говорю, и меня волнует только ваше обо мне мнение. Меня прежде всего волнует не лаборатория вашего дяди, а основания полиции для его ареста, – Томас потер лоб. – До сих пор они арестовали еще четверых других мужчин, которых я помню, – за то, что те слишком много пили и размахивали ножами. Меня волнует, отвезли ли они его в тюрьму или в дом для умалишенных.

– Неприятно и то, и другое.

– Это правда, – согласился Томас, – но в тюрьме меньше вероятности, что накачают «успокоительным».

Через несколько секунд наш экипаж подъехал к парадной двери моего дома. Запряженный в повозку единственный черный конь казался опасным. Животное всхрапывало, выпуская облачка пара в уже поднявшийся вечерний туман. Я прыгнула в экипаж, не дожидаясь помощи от Томаса или от лакея.

Нам надо было спешить. Невозможно предсказать, какой ущерб полицейские наносят драгоценной работе дяди. И если то, что сказал Томас насчет сумасшедшего дома, правда... у меня не хватило мужества додумать эту мысль до конца.

Томас запрыгнул в маленькую кабинку, его внимание было приковано к дороге впереди нас, он плотно сжал челюсти. Я не могла определить, беспокоится ли он о дяде или

расстроен тем, что я его оскорбила. Возможно, и то и другое понемногу.

Кучер щелкнул кнутом, и мы поехали, понеслись по улицам так быстро, как могли. Мы объезжали запряженные лошадыми экипажи больших размеров и разъезжались с ними, мы двигались по путанице лондонских улиц проворно, как пантера. Нам показалось, что всего через несколько минут мы уже подъехали к дому дяди в Хайгейте.

Я выпрыгнула из кэба; из-за юбок мои и без того тяжелые шаги были еще более тяжелыми. Полицейские выносили из дома дяди коробки с бумагами. Я подбежала к молодому человеку, который, по-видимому, был здесь главным.

– Что все это значит? – спросила я, надеясь, что им станет стыдно, и они остановятся. Хотя бы ненадолго. – Вы совсем не уважаете человека, который большую часть жизни помогал искать преступников? Чего вы хотите от моего дяди?

У констебля хватило совести покраснеть, но он еще больше выпятил свою внушительную грудь, когда Томас неторопливо поднялся по лестнице развязной походкой. Констебль снова посмотрел на меня, в его светлых глазах появился намек на раскаяние. Но соленые слезы не полились из их океанской голубизны.

– Мне очень жаль, мисс Уодсворт, – сказал он. – Если бы это решение принимал я один, я бы послал всех подальше. Поверьте мне, я ничего не имею против вашего дяди.

Он застенчиво улыбнулся, что выглядело немного стран-

но: человек с такой внешностью вполне мог обладать уверенностью олимпийца.

– Собственно говоря, я всегда восхищался той работой, которую он проделал. Поступил приказ сверху, и я не могу его игнорировать, даже если бы захотел.

Трудно было представить себе, что человек, который умел говорить так хорошо, выбрал жизнь простого полицейского. Я прищурилась, заметив дополнительные знаки отличия на его мундире; значит, он был офицером высокого ранга. Он был не простым полицейским, он был из благородного семейства, если занимал такую высокую должность в свои юные годы.

Я опять перевела взгляд на его лицо. Тонкие кости, высокие скулы и квадратный подбородок делали его очень красивым. Он был почти наверняка из знатного рода. Лицом он был похож на принца Альберта Виктора в юности, только без усов.

– Как, вы сказали, вас зовут? – спросила я.

Томас закатил глаза.

– Он не назвал себя, Уодсворт, и вам это известно. Продолжайте ваш флирт, чтобы мы могли приступить к истинной цели нашего приезда сюда.

Я гневно посмотрела на Томаса, но молодой человек не обратил на него внимания.

– Прошу прощения за мою невежливость, мисс. Я – суперинтендант Уильям Блэкберн. В моем подчинении четы-

реста восемьдесят констеблей здесь, в Хайгейте.

Его имя показалось мне смутно знакомым, но я не могла вспомнить, где его слышала. Возможно, я прочла его в какой-то газете в связи с нашими убийствами.

Томас перебил мои спутанные мысли.

– По-видимому, вы приказали им всем до единого потоптаться в этом доме, – пробормотал он, оттолкнул в сторону офицера, а потом вошел в дом, чтобы лично оценить положение дел.

Мне хотелось ударить его за такую грубость. Суперинтендант Блэкберн, возможно, мог бы дать нам ответы, которые иначе мы не получим. Несмотря на весь свой превосходный ум, Томас был способен проявлять полную тупость, когда надо было общаться с людьми. Если бы мне пришлось подружиться с дьяволом, чтобы помочь дяде, я бы это сделала.

Я попыталась извиниться за него.

– Он несколько разгорячен, пожалуйста, простите его невежливость. Он может быть очень... – мой голос замер.

Томаса Кресуэлла никто не считал обаятельным, кроме меня, от случая к случаю, как не был он и вежливым в свои лучшие дни. Мама дала бы мне наставление не говорить ни слова, если нельзя подобрать добрых слов, и именно так я и поступила.

Суперинтендант Блэкберн застенчиво улыбнулся мне и предложил свою руку. Я поколебалась всего мгновение, потом взяла его под руку. «Будь любезной, Одри Роуз», – на-

помнила я себе.

– Я провожу вас внутрь и сделаю все возможное, чтобы объяснить причину ареста вашего дяди. – Он помолчал и огляделся вокруг, потом наклонился ко мне ближе, его кожа пахла чем-то почти знакомым. – Боюсь, его положение нельзя назвать очень хорошим, мисс.

Глава 13

Чертежи и окровавленные болты

*Лаборатория доктора Джонатана Уодсворта,
Хайгейт
13 сентября 1888 г.*

Когда я вошла в дядину лабораторию в подвале, где рылись непрошеные гости, подобно стервятникам, я увидела кошмар, от которого у меня будто задержались все сухожилия между костями.

Дядины книги, записки, журналы – все это исчезло. Я чувствовала себя так, будто мне отпилили одно ребро, и я одновременно задыхалась, хватая ртом воздух, и ощущала потерю части своего тела. Отпустив руку Блэкберна, я медленно поворачивалась во все стороны, не веря своим глазам. Если это был сон, я надеялась поскорее проснуться и избавиться от этого кошмара. Однако у меня возникло ужасное чувство, что это только начало череды страшных кошмаров.

Нетронутыми оставались лишь банки с образцами; их тусклые законсервированные глаза смотрели на этот хаос с молчаливым осуждением. О, как мне хотелось сейчас стать такой же, как эти мертвые, бесчувственные существа.

Что угодно было бы лучше, чем та реальность, в которой я сейчас находилась.

То, что служило мне убежищем на протяжении всех этих месяцев, было уничтожено за несколько часов руками людей, которым абсолютно безразлична такая деятельность.

– ...В сочетании с его опытом препарирования и познаниями в медицине это сработало против него, – говорил суперинтендант Блэкберн, но я не могла сосредоточиться на его словах. Слава богу, дяди здесь нет; его сердце разорвалось бы пополам.

Я беспомощно смотрела, как полицейский стащил с полки большой золоченый том, которые дядя поглаживал всего несколько дней назад, и положил его в коробку, словно это какое-то бешеное животное, готовое укусить его. Если бы только это было возможно!

Он достал маленькую коробочку, которую дядя хранил в письменном столе; с нее соскользнула крышка.

Болты и гайки рассыпались по полу, и следователи прервали работу. Полицейский наклонился, чтобы собрать их, потом поднялся. На его лице отразились потрясение и отвращение, когда он выпрямился и показал находки суперинтенданту.

Болты были покрыты красной ржавчиной, которая могла иметь только одно объяснение. Моя собственная кровь перестала течь в жилах, и я встретилась взглядом с потрясенным Томасом, стоящим в противоположном конце комнаты.

– Мне необходимо поговорить с дядей. Мне нужно... я могу объяснить... я просто...

Кто-то поставил рядом со мной стул, и я тотчас же плюхнулась на него; мне показалось, что из лаборатории выкачали весь кислород при помощи того нового устройства на паровой тяге, которое я видела в объявлениях по всему Лондону. О чем думал дядя, когда воровал улики? Эти болты взяты с места преступления и принадлежат Скотленд-Ярду.

Дядя по неосторожности поставил себя в положение главного подозреваемого, и я понятия не имела, ни как ему помочь, ни даже к кому обратиться за помощью.

Отец, хотя у него и имелись нужные связи, скорее даст повесить брата, чем поможет ему чем-нибудь. Натаниэль, если он и захочет помочь (хотя бы ради меня), скорее всего, не станет делать ничего, что может вызвать гнев отца или стать причиной еще более громкого скандала, который непременно разразится вокруг имени Уодсвортов. Уж такой громкий скандал непременно попадет в газеты, стоит только репортерам его почуять.

Несомненно, тетушка Амелия будет устраивать пышные приемы и посещать ежедневно церковную службу в надежде, что люди забудут о ее связи с опозоренным братом.

И еще была бабушка.

Она не поддерживала отношений с отцовской родней, следовательно, не будет чувствовать себя обязанной вмешиваться. Не по злобе, а по причине сильной неприязни ко всем мужчинам семейства Уодсворт вообще. Бабушка открыто обвиняла отца в болезни мамы и ясно дала понять:

«Когда один из Уодсвортов будет стоять перед толпой, приговоренный к повешению за его преступления, я займу место в самом первом ряду, буду смотреть с радостью, а потом раздам всем присутствующим домашние индийские сладости».

Всякий раз, когда мы посылали ей письмо, она подыскивала предлог для того, чтобы я собрала чемоданы и купила билет до Нью-Йорка; звала меня приехать и погостить у нее.

Это было бы замечательно, но сейчас я никак не могла покинуть Лондон.

– Переверните вверх дном всю лабораторию, если нужно, – приказал Блэкберн полицейскому. – Только делайте это осторожно.

Это вывело меня из задумчивости. Я гневно посмотрела на суперинтенданта, почти не обратив внимания на то, что Томас закатил истерику по поводу одного из журналов – его собственного.

– Вы сошли с ума! Я не отдам свою собственность.

Суперинтендант Блэкберн опустил передо мной на колени, теперь его глаза уже не казались мне ясными. Я смотрела на светлые пряди его волос. В отличие от аккуратной стрижки моего брата, его волосы росли слишком буйно и не поддавались укрощению; прядки змейками вились у его висков.

Как это подходит такому хладнокровному чудовищу.

– Я знаю, что трудно столько осознать за один раз, мисс

Уодсворт, но я ужасно боюсь, что это еще не все, – он дал знак полицейскому, сражающемуся с Томасом, оставить в покое журнал, поскольку Томас принес его с собой в дом, и он не представлял интереса для их следствия. – У нас появилась свидетельница, которая пришла и сказала, что видела на месте двух последних преступлений человека, и его описание совпадает с внешностью вашего дяди.

Я рывком вернулась к реальности. И посмотрела на суперинтенданта Блэкберна так, будто это он сошел с ума.

– О, неужели? И сколько именно мужчин в Лондоне внешне напоминают моего дядю? – спросила я. – Я могу насчитать по крайней мере десятков, прямо сейчас. Один из них – внук королевы, сам принц Альберт Виктор Эдвард. Что? Теперь вы скажете, что герцог Кларенс и Эвондейл тоже участвовал в этих преступлениях? Я уверена, что королеве это понравится. Между прочим, – я прищурилась, глядя на него, – вы и сами похожи на младшего брата герцога. Может, и вы к этому причастны?

Суперинтендант Блэкберн поежился от такой неуместной критики его дознания и от предположения об участии наследника трона второй линии, да и его самого. Я глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться. От меня никому не будет никакой пользы, если меня тоже увезут в тюремной карете по подозрению в государственной измене.

Я заговорила спокойным голосом:

– Конечно, это не самое веское основание для его аре-

ста. Вы кажетесь слишком умным молодым человеком, чтобы арестовывать кого-то на основании показаний с чужих слов, суперинтендант.

Блэкберн покачал головой.

– Я прошу прощения за то, что сообщил вам неприятную новость, мисс. Мне искренне жаль, – он слегка покачнулся, пытаясь сохранить равновесие, так как по-прежнему стоял передо мной на одном колене. – Мы также нашли несколько вызывающих подозрение диаграмм и рисунков этих механизмов, которые лучше всего описать как... – он замолчал, кончики его ушей слегка порозовели. Я сделала ему знак продолжать. – Простите меня, я не хотел преступать границы. Но они выглядят приспособлениями для пыток. Некоторые идеи совпадают с механическими деталями, которые Скотленд-Ярд нашел на месте убийств. Они считают, что только человек, хорошо знакомый с этим преступлением, смог бы сконструировать подобные... ужасы. Как я уже говорил, ваш дядя обладает такими познаниями. Теперь мы нашли у него в лаборатории изображения похожих приспособлений.

Он кивнул в сторону полицейского, который только что обнаружил спрятанные болты.

– Потом еще эти детали. Вы же умная девушка. Я уверен, что вы можете сами сделать вывод, что это за темное вещество, и мне не нужно его называть. Я искренне хочу верить, что ваш дядя невиновен, но есть вещи, которые свидетель-

ствуют об обратном. Я не могу игнорировать представленные мне доказательства, даже если бы захотел. Публика хочет, чтобы это прекратилось.

– Я слышала, что по крайней мере четыре человека сидят под арестом за эти преступления, – сказала я, надеясь посеять в нем сомнения. – Двое из них находятся в сумасшедшем доме. Несомненно, это говорит в пользу дяди. Все не могут быть виновными.

– Мы просто не можем рисковать. В Вифлеемской королевской больнице за ним присмотрят, уверяю вас, мисс Уодсворт.

– Что? – я поверить не могла в происходящее. Собрала свои возмущенные мысли, загнала их в клетку и усилием воли заставила утихомириться. Мне необходимо было сохранять безмятежное спокойствие, но это тяжело, когда тебе так и хочется встряхнуть этих мужчин и вывести их из их близорукого отупения. Вифлеемская королевская больница, всем известная, как Бедлам, была ужасной. Дядя не мог там оставаться.

– Вы должны мне поверить, – прошептала я; сердитые слезы обожгли мне глаза. – Я понимаю, как это выглядит, но, уверяю вас, мой дядя совершенно ни в чем не повинен. Он очень умен, и его не следует наказывать за то, что он нашел правильный подход к поискам. Он живет и дышит каждым расследованием, в котором принимает участие. Уверена, что у него полно веских причин хранить эти предметы. Возмож-

но, он сделал эти наброски после посещения места преступления. Вам просто нужно спросить у него. Так он работает. Вы должны это знать.

Суперинтендант Блэкберн с жалостью смотрел на меня. Здесь я не дождусь помощи. Он при исполнении своих обязанностей, и этим все сказано. Блэкберн не отпустит дядю на основании одного дядиного заявления о своей непричастности. Ему нужно доказательство, даже если оно появится в виде очередного трупа, завернутого в саван.

Я закрыла рот и встала. Если я останусь здесь еще на несколько минут, мне грозит опасность самой быть отправленной в Бедлам. Пусть дядя и невиновен, но я определенно буду виновна, когда попытаюсь пощечинами вбить здравый смысл в головы этим тупицам. Или зонтиком, если потребуются. Я сделала знак Томасу, который все еще сердито смотрел на полицейских, а потом вылетела из комнаты, подобно буре, обрушивающейся на улицы и бешеным ливнем очищающей их от всякой грязи.

К дьяволу их всех.

Глава 14

Приличные дамы не ведут беседы о трупах

Столовая резиденции Уодсвортов, Белгрейв-сквер

14 сентября 1888 г.

Стоя в дверях нашей столовой, я смотрела на нее, как на знакомую и одновременно совершенно чужую комнату.

На столах было расставлено столько чайной посуды, что у меня голова закружилась. Маленькие комнатные растения на столе соседствовали с несколькими огромными букетами из экзотических оранжерейных цветов. Бело-розовые фарфоровые чашки ждали, когда их заполнят теплой жидкостью, а рядом стояли наготове такого же цвета тарелки.

– У тебя такой вид, будто ты ждешь удара ножа гильотины, кузина, – заметила Лиза, которая, кружась в вальсе, вплыла в комнату. – Ты ведь воспитывалась не среди волков. Ты пропустила всего несколько месяцев сплетен и очень быстро это наверстаешь, – продолжала она. – Если ты способна справиться с кровью и другими ужасными вещами, немного кружев и чаю – пустяки для тебя.

Я оторвала глаза от стола и взглянула на кузину. На какой-то момент она мне напомнила мою мать, и мои нервы

успокоились. Я улыбнулась. Тетушка Амелия была воплощением всего того, к чему должны стремиться все приличные юные леди. Лиза была ее блестящей протезе. Только Лиза умела очаровательно пренебрегать традициями, когда это соответствовало ее романтическим представлениям.

Пока мы росли, мы виделись с ней всего два раза в год, но это не мешало ей утверждать, что мы – лучшие подруги. Она была на три месяца старше, что, по ее мнению, делало ее бесконечно умнее во всех вопросах. Особенно в делах сердечных.

Цвет ее волос представлял собой нечто среднее между карамелью и шоколадом, и они были уложены сложным узором вокруг макушки. Мне бы очень хотелось сделать себе такую же прическу. Ее платье было сделано из «мокрого» шелка самого великолепного сиреневого цвета и сшито превосходными стежками. У меня промелькнуло воспоминание о последнем трупe, который я зашивала после вскрытия. Не хочу хвастать, но мои стежки были не хуже. Возможно, даже чуточку лучше.

– Правда, великолепно?

– Можно и так сказать, – ответила я, не успев сдержаться.

Лиза с усмешкой повернулась ко мне.

– Ты сможешь сегодня прекрасно поиграть в сплетни, а потом заняться своим тайным детективным делом сегодня ночью. Это будет прямо как в романе! – она захлопала в ладоши. – Как это интересно! Возможно, я отправлюсь с то-

бой и поучаствую в твоих приключениях. Там есть красивые мальчики, с которыми можно пофлиртовать? Нет ничего лучше, чем немного опасности, приправленной влюбленностью.

Перед моим мысленным взором всплыло лицо Томаса. Лиза снова рассмеялась, ее смех напоминал звон сказочных колокольчиков. Я покраснела, стараясь сохранить самообладание.

– Ничего особенного.

– Не скрытничай, кузина! Это же самое интересное! О, у меня есть идея. Пойдем, – Лиза потащила меня по коридору, потом вверх по лестнице, в комнату, которую мы ей отвели на время визита. Перед тем как закрыть дверь, она быстро оглядела коридор, не идет ли мать. Но тетушка Амелия жужжала где-то в районе кухни, командуя прислугой, как полковник военными действиями.

Убедившись, что мы одни, Лиза подвела меня к своему туалетному столику, потом достала набор косметики, гораздо более сложный, чем мой набор грима для покойников.

– Итак, как его имя?

Она запустила щетку в мои волосы и стала с легкостью опытного мастера тянуть и укладывать черные прядки. Я скрипела зубами, но не хотела показать, как мне неприятны это грубое расчесывание и тема разговора. Но, несомненно, если я могла помогать дяде в его лаборатории, то смогу и это вытерпеть. Я тут же упрекнула себя: дядю заперли в су-

масшедшем доме, а мне лишь делают прическу. Нельзя даже сравнивать эти вещи.

– Чье имя? – спросила я, стараясь не думать о неприятных вещах. Почему-то тайну Томаса мне хотелось сохранить.

– Прекрати разыгрывать скромницу. Того красивого парня, который похитил твое сердце, вот чье!

Лиза отступила на шаг, любуясь своей работой, потом схватила краску для век. Я постаралась не отшатнуться. Я уже слегка подвела глаза, и мне не хотелось меняться до неузнаваемости. Я недавно деликатно остановила служанку, когда она попыталась нанести мне на щеки слишком много румян.

– Расскажи мне о нем все, – потребовала Лиза. – Как он выглядит, какого цвета у него глаза, хочет ли он убежать с тобой в какой-нибудь экзотический чудесный край... Сколько детей вы собираетесь завести? Надеюсь, он играет на фортепьяно. Все хорошие мужчины должны быть всесторонне образованными. О! Скажи мне, что он восхитительно умен и посвящает тебе романтические стихи! Держу пари, что он сочиняет сонеты в духе Шекспира при лунном свете, и в его глазах танцуют звезды, ведь правда?

Я опустила голову, стараясь найти способ прекратить этот разговор, но кухня схватила меня за подбородок и заставила смотреть вверх, пока подводила мне глаза. Она вопросительно изогнула бровь, ожидая моего ответа. Упрямство было семейной чертой, которую она унаследовала от Уодсвор-

тов.

Я вздохнула. Разве несколько дней назад я не стремилась поделиться этой сплетней с кузиной?

– У него золотисто-карие глаза, когда он чем-то заинтригован. Он красив, у него величавый вид, но его больше интересуют формулы и расследование убийств, чем я или поэзия. Он то относится ко мне с теплотой, а то обдает ледяным холодом, – сказала я. – Поэтому в будущем нас не ждут ни дети, ни прекрасный экзотический край. По большей части я даже не выношу его присутствия. Его самонадеянность тоже... не знаю. Раздражает.

– Глупо. Самонадеянность обычно скрывает под собой нечто стоящее. Твой долг это раскопать, – Лиза пальцами нанесла помаду на мои губы, потом покачала головой. – Просто трагедия, – она сунула мне салфетку. – Теперь промокни.

Я повторила ее движения и промокнула губы салфеткой, стараясь не размазать помаду, которой она их выкрасила. Когда я это сделала, она с удовлетворением кивнула. Потом указала на зеркало на столике.

– Что трагедия?

Она удивленно вздернула брови.

– Ты в него влюблена. А он почти наверняка влюблен в тебя. Просто вы оба ведете себя как тупицы.

– Поверь мне, – ответила я, глядя в зеркало. – Это он глупец.

– Ну, тогда мы должны показать твоему глупому парню

вот эту девушку. Уверена, ты станешь тем уравнением, решать которое доставит ему огромное удовольствие, – она хлопнула меня по носу. – Владей своими достоинствами, как клинком, кузина. Ни одному мужчине не удалось изобрести корсет для наших мозгов. Нет никаких причин, почему ты не можешь носить на работе халат, а после надевать самый лучший наряд и танцевать всю ночь напролет. Но только если тебе самой это нравится.

Я несколько секунд смотрела на Лизу, я увидела ее совсем в другом свете. Она еще раз кивнула на зеркало, каким-то образом зная, что я по-настоящему не видела себя раньше.

Мое отражение смотрело на меня из зеркала, оно сияло, словно сами небеса проливали на меня свет. Темные пряди волос были высоко уложены на моей голове, глаза из-за темной подводки блестели более таинственным светом, а губы имели ярко-алый цвет только что пролитой крови. Я выглядела прекрасной и опасной одновременно. Восхитительная роза с шипами.

Именно такой я и хотела быть.

– О! – я поворачивалась из стороны в сторону, наслаждаясь своим видом. – Это чудесно, Лиза. Ты должна научить меня, как это делать.

Я вспомнила о моей маме и о тех сари, которые она привезла мне с родины бабушки. Сейчас я была так же потрясена, как и тогда, и это воспоминание согрело меня.

Мама любила наряжаться и каждый месяц нанимала ку-

харку готовить для нас вкусные деликатесы, надеясь сохранить живыми индийские традиции. Даже отец принимал участие в наших светских обедах и ел руками жареные лепешки с овощами в йогурте.

Мы вытаскивали Натаниэля на наши пиршества, но ему никогда не нравилось есть руками. Он обычно говорил: «Терпеть не могу так пачкаться» – и убегал в свои комнаты. Как я скучала по этим дням, когда наша жизнь была проще.

Лиза быстро оглядела мой костюм, а потом стала рыться в своем сундуке, выбрасывая из него через голову платья, корсеты и ткани, пока не остановилась на одном.

– Что не так с моим платьем? – спросила я, трогая вышитые на юбках розочки. – Мне его только что сшили, – и, по моему мнению, оно было очень красивое.

– С ним все в порядке, глупышка, – ответила Лиза. – Но я бы хотела видеть тебя в моем платье для чаепития. А! Вот оно.

Платье из кремового кружева с бледно-розовыми нижними юбками она тут же натянула на меня через голову и завязала сзади, я даже не успела осознать, что происходит. Лиза отряхнула ладони, показывая этим завершающим жестом, что довольна своими усилиями.

– Вот. Ты – душка. Я всегда хотела, чтобы у меня были такие же темные волосы, как у тебя. Из-за них твои зеленые глаза кажутся почти изумрудными.

Я стояла и смотрела на свое отражение. Оно казалось

ужасным противоречием реальности этого мира и тому, что в нем происходит. Я здесь играю в переодевание, а дядя в это время находится в сумасшедшем доме – и убийца с бессмысленной жестокостью лишает жизни невинных женщин.

Лиза оказалась рядом со мной и поддержала меня прежде, чем я рухнула на диван.

– Я понимаю, – мудро кивнула она, неверно истолковав мои мысли. – Это роскошное платье. Ты должна его оставить себе. Пойдем. Пора встречать наших гостей. Я слышала, что собирается приехать Виктория и ее сестра Реджина. Их отец что-то делает в парламенте, и до меня дошли очень интересные слухи...

Мне казалось, будто я смотрю глазами другого человека на все происходящее вокруг меня.

Тетушка Амелия сидела во главе стола, как королева среди придворных за своим вечерним чаем. Лиза сидела справа от меня, а distinguished Виктория Эдвардс – слева, как всегда, подняв кверху свой носик-пуговку.

Королевский чай отличается от «большого чая» тем, что он начинается с бокала шампанского и не предполагает ужина. Это я помнила. Сэндвичи, выпечка и сладости были разложены на столе, и эти лакомства и деликатесы были гораздо вкуснее, чем любимые Натаниэлем импортные сыры и еда для гурманов.

Арест дяди подействовал на мои нервы и сделал меня за-

бывчивой. Прошло всего несколько месяцев с тех пор, как я в последний раз ходила в гости на такое чаепитие. И хотя я была равнодушна к подобным приглашениям, обычно я не отличалась такой рассеянностью.

Я помешала чай, потом положила ложечку позади чашки, как требовали правила приличия.

Виктория повернулась ко мне с легкой улыбкой на лице.

– С большим сожалением узнала о вашем дяде, Одри Роуз. Должно быть, очень тяжело иметь среди членов семьи такого безжалостного преступника.

Я только что откусила кусочек сэндвича с огурцом и с трудом проглотила вместе с ним свое изумление. Лиза бросилась на помощь, спасая меня своим острым язычком.

– Такой позор! Если они могут обвинить такого выдающегося человека, как наш дядя, они наверняка могут обвинить кого угодно. Возможно, – она наклонилась вперед, понизив голос до шепота, – они в следующий раз нацелятся на членов парламента. Из этого получится сенсационная история, вы согласны?

До этого последнего заявления тетушка Амелия улыбалась и кивала, гордясь находчивым ответом дочери. Когда Лиза сверкнула улыбкой в мою сторону, лицо тетушки залилось густой краской. Она выпрямилась, промокнула губы кружевной салфеткой.

– Ну, девочки, – она обвела нас взглядом, – давайте не будем позволять воображению уносить нас слишком далеко.

Нам не следует сплетничать или рассуждать о таких делах. Это невежливо.

– Но это правда, мама, – настаивала Лиза под прицелом любопытных взглядов всех, сидящих вокруг стола. – Некоторые члены королевской семьи попали под подозрение. В Лондоне все только об этом и говорят.

У тетушки Амелии был такой вид, будто она проглотила яйцо целиком. Через секунду она запрокинула голову и расмеялась, и ее смех казался таким же принужденным, как и ее слабая улыбка.

– Видите? Именно поэтому беседовать о подобных вещах – пустая трата времени и энергии. Ни один член королевской семьи не может попасть под подозрение. Кто хочет еще чаю?

Виктория, недовольная сменой темы разговора, во второй раз повернулась ко мне.

– Вы сегодня очень красивая, Одри Роуз. Если говорить совсем честно, я не была уверена в том, зачем нас пригласили. Учитывая все слухи, которые ходят в обществе, насчет вашего общения с этим странным ассистентом вашего дяди. Как его имя? Мистер Кресуэлл?

Другая девушка, которую звали, по-моему, Хейзел, кивнула.

– О да. Я слышала о нем от брата. По его мнению, он бесчувственный, как автомат, – она язвительно улыбнулась. – Хотя я слышала, что он очень привлекателен и из хорошей семьи – у них есть титул. Он не может быть совсем уж пло-

хим.

– Мистер Уильям Брэдли говорил мне, что у него есть собственная квартира на улице Пикадилли, – прибавила Реджина, довольная возможностью поучаствовать в беседе. – Если честно, что за родители разрешают сыну жить отдельно до достижения совершеннолетия? Мне все равно, насколько они богаты, это неправильно, – она прижала руку к груди. – Я бы не удивилась, если бы узнала, что он убил этих... женщин... и спрятал их трупы. Может быть, Лиза права. Может быть, доктор Уодсворт невиновен, а настоящий сумасшедший – это мистер Кресуэлл. Готова держать пари, к нему туда ходит множество неблагопристойных женщин. Пусть он наследник огромного состояния, но кто выйдет замуж за такого странного парня? Он, наверное, способен убить собственную жену.

– Вы шутите, – сказала я, не успев сдержаться. – Если он интересуется наукой, это едва ли делает его убийцей или автоматом. Собственно говоря, с Томасом все в полном порядке. Я нахожу его вполне нормальным.

– Следи за своим языком, Одри Роуз! – тетушка Амелия обмахивалась салфеткой. – Называть юношу по имени неприлично. Особенно если ты с ним никак не связана.

Если я раньше думала, что тетушка расстроена, то теперь она вышла на совершенно другой уровень эмоций. Как быстро ее чаепитие превратилось в обсуждение мрачных и неприличных вещей.

Я сдержалась и не закатила глаза. По крайней мере, это чаепитие оказалось более интересным, чем я ожидала. Другие девушки быстро потеряли интерес к Томасу Кресуэллу и к «трагическим и тревожным» убийствам живших в трущобах женщин из низших слоев общества.

Беседа перешла на более подходящие для вечернего чаепития темы. Например, кого пригласят на маскарад в честь совершеннолетия герцога через шесть месяцев.

– Вы просто обязаны туда прийти, – говорила мне Виктория, продевая свою руку в мою, будто мы уже стали лучшими подругами, и не она только что назвала моего дядю убийцей. – Все, кто имеет хоть какой-то вес, там будут. Если хотите, чтобы нужные люди посещали ваши вечеринки, вам необходимо прикладывать усилия, чтобы посещать их приемы. Я слышала, что герцог даже нанял ясновидящую, чтобы она провела сеанс.

Весь вечер я наблюдала за ними и отмечала роли, которые они играли. Я сомневаюсь, что хоть одной из них действительно было важно то, что они говорили, и мне их было очень жаль. Их мысли громко взывали к ним, требуя дать им свободу, но они не хотели этого делать.

Хейзел перегнулась через стол и обратилась ко мне.

– У вас совершенно божественное платье! Вам будет очень неприятно, если я сошью себе такое же? – Так как я не сразу ответила, она поправилась: – Естественно, другого цвета. Просто этот фасон великолепен!

– Если Уильям Брэдли не упадет на колени и не сделает вам предложение, едва взглянув на вас, – сказала Реджина, намазывая лепешку кремом, – он просто глупец, и вам следует бросить его тотчас же.

Хейзел театрально вздохнула.

– Но он глупец с титулом. Вы действительно думаете, что он сделает предложение, если я надена такое же платье?

– Как он может его не сделать? – пошутила я, сдерживая смех при виде ее серьезного лица. – Несомненно, молодые люди делают предложения только девушкам в кружевных платьях. Зачем им заботиться о характере и уме, когда не нужно за женской красотой искать мозги? Глупые они создания.

Хейзел нахмурила брови.

– Зачем девушке заботиться о чем-то, кроме красоты? Жена должна во всем следовать примеру мужа. Пускай он думает за нее. – И Реджина, и Хейзел кивнули, соглашаясь с этим ужасным высказыванием, потом Хейзел продолжила: – Вы действительно очень милы, Одри Роуз. Вы пойдете в цирк, когда он приедет в город?

Возможно, я ошибалась в своих прежних суждениях. По-видимому, некоторым девушкам потребуется немного больше времени, чтобы освободиться от тех цепей, которые надело на них общество. Я прикусила губу, придумывая ответ, который не был бы еще более обидным для них.

Виктория отвлеклась от беседы с моей кузиной и тетуш-

кой и захлопала в ладоши.

– О да! Вы просто должны пойти с нами. Мы договоримся о наших нарядах и прочем. Люди не будут знать, на кого смотреть сначала, на артистов или на нас!

Тетушка закивала с другой стороны стола, требуя от меня одобрения; выражение ее лица грозило чем-то более неприятным, что мог бы придумать сам Кожаный фартук.

Я натянуто улыбнулась.

– Звучит заманчиво.

Глава 15

Самое замечательное представление на свете

*Парадная прихожая резиденции Уодсвортов,
Белгрейв-сквер
25 сентября 1888 г.*

– Ты это не серьезно, – произнес Натаниэль, качая головой при виде еще одного из моих почти целиком черных ансамблей.

Я взглянула на черную материю, многочисленные слои которой чередовались с шелком в полосках цвета древесного угля и серебра, потом дернула плечом.

– Почему же? В этом платье нет ничего предосудительного.

Корсет плотно облегал шелковистую нижнюю сорочку, перчатки были из мягкой эластичной кожи с обтянутыми той же кожей пуговками по бокам, а турниор бесконечно меня раздражал. Судя по тому, как неудобно я себя чувствовала, я бы сказала, что выгляжу в этот вечер потрясающе. Если только не обращать внимания на темные круги вокруг глаз, ни за что не желавшие исчезать, или на то, как цвета ночи подчеркивают мою бледность.

Сестры Эдвардс не одобрили бы мой выбор расцветок, но

мне было почти все равно. Я посетила еще три королевских чаепития с тетужкой Амелией, и хотя они оказались не такими плохими, как я сначала ожидала, из-за них у меня оставалось меньше времени на поиски преступника.

– Прошло уже почти две недели после ареста дяди, – сказала я. Ни Томас, ни я не нашли ни крупицы информации, способной обелить его. – Я буду носить этот цвет траура до тех пор, пока его не освободят, и мне наплевать, модный он или нет.

Натаниэль вздохнул.

– Полагаю, это удовлетворит ее королевское величество. Если даже город Лондон предпочитает все время выглядеть серым и унылым, ты можешь с тем же успехом поступать так же.

К счастью, тетужка Амелия и Лиза спустились сверху, наряженные во все оттенки изумрудного и бирюзового цветов, именно в ту палитру, которую выбрала Виктория во время нашего последнего чаепития. Натаниэль поклонился им.

– Добрый вечер, тетя, кузина. Вы обе – дивное видение.

– Ты слишком добр, племянник, – ответила тетужка Амелия, изображая скромность. – Благодарю тебя.

Лиза подошла и поцеловала меня в щеку, легонько покачав головой.

– Твои глаза выглядят потрясающе сегодня, – сказала она, беря меня под руку и совершенно не обращая внимания на унылый цвет моей одежды. – Я так рада, что ты начала кра-

силье веки. Томас Кресуэлл, несомненно, должен влюбиться. Он говорил что-нибудь о своих чувствах?

Я вспомнила наши встречи. Томас в последнее время стал вести себя еще более вызывающе, он отпускал замечания насчет того, какие усилия я прикладываю, чтобы завлечь его. Но потом я ловила на себе его упорный взгляд, словно он старался меня понять и впервые ему это не удавалось. Он не был уверен, действительно ли я прихорашиваюсь для того, чтобы пробудить в нем любовь, или в своих собственных целях, и, подозреваю, это сводило его с ума.

Не успела я ответить, как тетушка Амелия отмахнулась от этого вопроса, как от надоедливого комара.

– Какое это имеет значение? Этот парень ничего не добьется в обществе. Пускай он из хорошей семьи, но он уничтожил все свои перспективы. У Одри Роуз появятся более достойные ухажеры. Пойдем, Лиза, – она набросила на плечи шаль и пошла по коридору. – Увидимся с вами обоими в цирке.

– Там встретимся, – брат стиснул в руке какое-то письмо, сминая края, потом расправил его на выглаженной штанине брюк. Достал было из кармана гребень, но передумал. Слава богу. Я была уверена, что, если он еще раз прикоснется хоть к одной прядке волос, та убежит с протестующим криком. Этот образ едва не заставил меня улыбнуться, но я вовремя спохватилась.

– Ты уверена, что не хочешь переодеться? Я думал, те-

бя обрадует посещение цирка, – сказал он, потерпев поражение. – В последние месяцы ты только и говорила о диковинках, зверинцах, и как же слон? Бедняга наконец вернулся домой, а ты встречаешь его в одежде цвета смерти? Что за печальное приветствие для слона, объехавшего полмира? Тетушка Амелия и Лиза выглядят как драгоценные камни, а ты служишь олицетворением каменного угля. Это никуда не годится.

Он мерил шагами гостиную, его прижатые к бокам руки дергались.

– Я понял! Что, если мы оденем тебя в тот костюм коня? Как он назывался? «Дьявольский аукцион» или как-то столь же очаровательно?

Мне хотелось улыбнуться, но я не могла заставить себя сделать это убедительно. Много месяцев назад мне нравились такие вещи, как представление на трех аренах и неправдоподобно огромные слоны. Я даже смеялась над найденной тогда открыткой, на которой был изображен артист, надевший на себя лошадиную голову.

– Убийства не раскрыты, а дядя по-прежнему под подозрением, – сказала я. – Сейчас не время для легкомысленного веселья.

– Да, да. Он и еще целый ряд других сомнительных личностей, – согласился Натаниэль. – В газетах пишут, что Скотленд-Ярд сажает под арест любого человека до тех пор, пока его невиновность нельзя будет неопровержимо доказать

или пока не появится еще более пугающий кандидат. С дядей они разберутся, а ты будешь терять время зря, пребывая в хандре.

– Я бы не считала доказательство его невиновности пустой тратой времени, – я понятия не имела, почему полицейские отказываются выпустить дядю из сумасшедшего дома. Натаниэль был прав: дядя, конечно, не единственный, кого обвиняли в этих преступлениях. – Газетные источники – это нечто совсем другое. Не могу поверить, что ты их читаешь.

Никогда не видела такой чепухи, а сейчас ее печатали на всех обложках. Репортеры никак не могли оставить обсуждение Кожаного фартука. Они делали звезду из сумасшедшего, прославляли злодея. То, на что способны люди, чтобы продать газету, почти так же отвратительно, как и сами преступления.

– Может быть, они и ужасны, но газеты служат хоть каким-то развлечением, сестра.

– Если честно, – сказала я, – меня от всей этой газетной шумихи тошнит. Зачем превращать убийцу женщин в новость на первой полосе? Мне жаль их бедные семьи.

Хватит с меня этих рассуждений о странностях и чудесах, благодарю покорно. Не стоит отвлекаться на них и терять время.

Однако Натаниэль в последние двенадцать дней поставил себе задачу вытащить меня из глубины моего отчаяния. Его ответом на мои тревоги стали два билета на «Величайшее

представление на свете». Он оставался глух к моим возражениям, поэтому я уступила.

В последнюю неделю он заказал доставку кошмарного количества всяких тканей в надежде, что новое яркое платье разгонит все тучи. Если бы только жизненные проблемы можно было решить с помощью платья в оборочках и красивых туфель! Пусть провалится в тартарары весь мир вокруг нас, лишь бы мы выглядели самым лучшим образом.

– Тогда нам пора идти, – сказал Натаниэль, бросая взгляд на дедушкины часы. Я пошла за ним к экипажу и на этот раз позволила кучеру помочь мне сесть в него, чувствуя облегчение от того, что мы взяли самое быстрое средство передвижения, каким владели.

Я сидела в чернильном море дорогой ткани и старалась подобрать юбки, чтобы дать место брату в маленьком экипаже, а в моей голове кипели различные мысли о том, под каким углом надо изучать это дело.

Натаниэль сидел рядом со мной, он был похож на ребенка, потерявшего любимую игрушку. Я – ужасная сестра. Сажу тут, погруженная в собственные мысли, и эгоистично игнорирую тех, кто играет такую большую роль в моей жизни.

– Знаешь, – я сжала его руку, – у меня все-таки появилось желание поехать в этот цирк.

Натаниэль расцвел в улыбке, и я почувствовала, что несколько оправдала себя перед судом добрых дел, пусть даже мне для этого пришлось солгать.

Здание «Олимпии» было одним из самых великолепных в королевстве; своей красотой и огромными размерами оно соперничало даже с дворцом.

– Смотри, вот оно, – сказал Натаниэль, указывая на здание.

Когда наш экипаж подъехал к громадному комплексу из камня и железа, я увидела, как мимо с пыhtением проходит поезд, выпуская в воздух белые облачка пара с головокружительной быстротой.

Пар – замечательный источник энергии; он так легко доступен, и у него так много различных применений. Я опять вспомнила отцовские уникальные чертежи старых игрушек и военного оружия. Их можно было бы демонстрировать по всему Лондону, возможно, даже в этом зверинце сегодня вечером, и сотни людей ими бы любовались.

Если бы он не перестал их делать.

Последний вагон поезда прогрохотал мимо, и мы снова поехали дальше, направляясь к парадному входу в «Олимпию». В него входили люди, одновременно по четыре человека, готовые сражаться за право первыми увидеть «самое замечательное представление на свете».

– Твои подруги вон там, – сказал Натаниэль. Я увидела Викторию и остальных девушек, похожих сейчас на стайку изумрудных попугаев; они шарили взглядом по толпе, но, к счастью, не заметили меня и исчезли в сутолоке.

– Жаль, что мы их потеряли, – сказала я. Я надеялась этим вечером находиться от них как можно дальше. Они мне даже нравились, но я хотела насладиться обществом брата без посторонних.

Опершись на руку кучера, я спрыгнула с экипажа, и мои каблуки застревали между булыжниками, пока я шла к очереди.

– Ты чувствуешь этот запах? – спросила я. – Он мне напоминает о доме бабушки.

Сладкий и пряный запах благовоний стоял над толпой, вытекал из арки входа, наполняя теплый вечерний воздух удушливым ароматом. Вопреки здравому смыслу мое сердце присоединилось к всеобщему веселому хаосу и воспарило у меня в груди, подобно одной из тех красивых дам на летающей трапедии. Охваченная детским восторгом, я схватила брата за руку и потащила к огромным дверям в самый грандиозный зал на свете.

Оказавшись внутри, я медленно поворачивалась на одном месте, пристально рассматривая купол потолка.

– Натаниэль, это самое чудесное зрелище, какое мне доводилось видеть!

Вся крыша была сделана из стекла и железа; казалось, что все до единой звезды, сверкающие на небе, смотрят на усыпанную драгоценностями толпу и сами улыбаются ослепительными алмазными улыбками.

– В самом деле, тебе следует проводить больше време-

ни среди живых, сестра, – Натаниэль рассмеялся над моим изумлением, но я никак не могла оторваться от завораживающей картины ночного неба.

– Может, я так и буду делать, – я прижала ладонь к сердцу, разглядывая стройные железные балки, арками перекинутые в вышине над нами. Я не понимала, как можно такое построить. – Как может такое малое количество железных ветвей выдержать столько стекла и металла?

Это было потрясающе красиво, и мне казалось, что я смотрю сквозь ветви металлических деревьев.

– Должно быть, это одно из инженерных чудес света, – ответил Натаниэль с усмешкой. Ему каким-то чудом удавалось вести меня дальше сквозь этот хаос.

Чередующиеся полосы черного и ярко раскрашенного шелка свисали с балок, ветер раздувал их над толпой, будто приглашая войти и насладиться экзотическими чудесами.

Маленькие колокольчики и сверкающие бусины, пришитые к концам ткани золотыми нитями, тянули ее вниз, издавали мелодичный звон и создавали легкий ветерок, когда люди входили и выходили.

– Ох! – воскликнула я. Роскошные панели напомнили мне бабушкины сари. – Ты помнишь, как бабушка одевала меня с головы до ног в самые живописные сари? Она рассказывала такие красивые истории. Говорила, что дедушка прослужил послом Великобритании в Индии всего две недели до того, как сделал ей предложение.

Девочкой я любила, когда вышитый золотом и кристаллами шелк обвязывали вокруг моей талии и окутывали им мои плечи, словно я была принцессой, выходящей к придворным в самых лучших одеждах. Я внимательно слушала, когда бабушка подробно рассказывала, как дедушка влюбился в нее, утверждая, что это случилось благодаря ее жизнерадостности. Принимая во внимание тот огонь, который горел в ее душе сейчас, я могла лишь представить себе, какой она была в молодые годы.

– Бабушка мне рассказывала, что двадцать раз отказывала ему просто ради забавы, – ответил Натаниэль. – Говорила, что он вертелся, как кобра в корзинке. Поэтому она поняла, что он влюблен.

– Я это запомню на случай предложений в будущем. – Эти воспоминания согревали меня, пока я осматривала все остальное.

По периметру похожего на пещеру помещения стояли отдельные стенды, что создавало иллюзию, словно находишься на шумном рынке под открытым небом и на базарах Индии. Люди торговали всем – от привозных шелков и кашемира до ювелирных украшений, ароматного чая и такого количества еды, какого не было у самой королевы на ее золотом юбилее.

Можно было даже унести домой маленькие цирковые безделушки, если захочешь. Я не устояла перед заводными акробатами и механическими тиграми, выставленными на одном столике.

– Ох, Натаниэль, посмотри! Мы должны что-нибудь купить, – мое внимание тут же привлекли лепешки нан с карри из нута. У меня слюнки потекли при виде моего любимого вкуснейшего кушанья. Я не смогла устоять перед его очарованием и вскоре уже макала лепешку в маслянистый соус карри из нута и бродила среди торговцев, как счастливый ребенок на каникулах. Я заметила цыпленка с карри и решила непременно его попробовать до того, как мы уйдем.

– Я предпочитаю еду, менее... пачкающую руки, – заметил Натаниэль, расплачиваясь с продавцом.

– Как пожелаешь, – я пожала плечами, а он купил коробку сладостей.

Покончив с едой, мы проскользнули за шелковые двери и насладились представлением. На какое-то время я забыла о крови, и болтах, и даже о сумасшедших домах, сердечной боли и всех ужасах, происходящих в мире; вместо этого меня очаровало выступление на арене сотни арабских скакунов, гарцующих в самых великолепных украшениях, какие мне до сих пор встречались.

Золотые цепочки были вплетены в их блестящие гривы, свет падал на них и отражался призмами от их лоснящихся голов, а над ними крашенные перья зеленого, желтого, синего оттенка колыхались в воздухе.

Кони хорошо сознавали свое великолепие, вскидывали носы вверх и ожидали заслуженных восторженных охов и ахов, пробегая мимо зрителей.

Я покачала головой.

– Если я бы знала, что наряд стада лошадей затмит мой костюм, я бы, по крайней мере, надела корсаж, отделанный несколькими драгоценными камнями. – Натаниэль расхохотался, и я показала ему язык. – По крайней мере, я накрасилась и надушилась новыми духами.

– В следующий раз будешь слушаться своего старшего и более мудрого брата. Пойдем, – Натаниэль мягко вывел меня из восхищенного ступора и потащил дальше, к позолоченному автомату для приготовления попкорна, который выглядел так, будто его делали по заказу самой королевы.

Чувствуя себя избалованными детьми, мы взяли по пакету каждый, потом нас проводила на наши места молчаливая женщина с желтой змеей, обвившейся вокруг ее шеи подобно живому аксессуару.

Традиционные узоры «менди» струились вокруг ее ладоней, запястий и щиколоток⁴. Мы раньше прошли мимо палатки, в которой женщин раскрашивали такими же узорами.

– Ох, – я показала на них Натаниэлю, – я обязательно должна так раскрасить руки перед тем, как мы уйдем.

Змея высунула язык, пробуя воздух, когда мы проходили совсем рядом с ней, потом зашипела. Натаниэль чуть не свалился на мужчину, сидящего у прохода, пытаясь увернуться от рептилии. Я провела пальцами по ее большой кожаной го-

⁴ Узоры, нанесенные пастой из сухих листьев хны, традиционные для женщин Индии.

лове, проходя мимо, и подавила смешок. Брат выпучил глаза и оттолкнул мою руку прочь.

– Ты спятила? – хрипло прошептал он. – Эта зверюга пыталась проглотить меня целиком, а ты теперь делаешь вид, что это домашнее животное. Разве ты не можешь любить кошек, как нормальный человек? – он покачал головой. – Если мы выберемся отсюда живыми, я куплю тебе столько котят, сколько пожелаешь. Я даже куплю ферму за городом, где ты сможешь поселить сотни кошек.

– Не будь таким пугливым, Натаниэль, – я игриво ущипнула его за руку. – Приходить в ужас от животного, которое женщина носит вокруг шеи как шарф, не очень-то достойно тебя, ты согласен?

На это он фыркнул и сосредоточился на представлении на арене, но я заметила, как его губы тронула улыбка.

Представление оправдало все ожидания и даже превзошло их. Там были водные номера, выступления других коней, и аттракционы высоко под куполом. Женщины, одетые в костюмы из сплошных хрустальных бусин, перелетали с одной трапеции на другую, ловили жилистые руки своих партнеров, потом отпускали их и вращались в воздухе – бесстрашные, сверкающие и свободные.

Я бросила взгляд на брата и увидела, что он наблюдает за мной.

– Приятно наконец-то видеть тебя улыбающейся, сестренка. – Его глаза затуманились. – Я опасался, что никогда не

увидю этого снова.

Я переплела пальцы в перчатках с его пальцами. Мне было очень жаль, что он расстроен в такой вечер, когда наши тревоги должны быть где-то на другом конце света. Я открыла рот, чтобы утешить его, но тут же закрыла его, так как передо мной выросла чья-то тень.

Незванный гость остановился перед нами, слегка поклонился, а потом уставился на нас.

– Еще раз здравствуйте, Натаниэль, – Блэкберн протянул брату руку. – Мы встречались во время печального... инцидента с вашим отцом. Я также имел удовольствие познакомиться с вашей сестрой за пару недель до этого.

Суперинтендант Блэкберн вежливо улыбнулся мне, потом снова посмотрел на Натаниэля, который сидел совершенно неподвижно.

– Боюсь, мне придется несколько минут побеседовать с ней по вопросам официального полицейского расследования.

Глава 16

Дата смерти

*Цирк Барнума и Бейли, «Олимпия», Лондон
25 сентября 1888 г.*

Натаниэль смотрел на этого человека таким пристальным взглядом, что даже я почувствовала облегчение от того, что этот взгляд предназначался не мне.

Было ясно, что Натаниэль не рад его вторжению в этот вечер, который был задуман как беззаботный, свободный от неприятностей, особенно со стороны Скотленд-Ярда, и брат не стеснялся демонстрировать свои чувства. Даже несмотря на то, что стоящий перед нами молодой человек помогал отцу.

– Я прошу прощения, но это срочно. – Суперинтендант Блэкберн с трудом сглотнул, почувствовав всю силу учтиво контролируемого гнева члена семьи Уодсвортов, но не отвел взгляд.

Храбрый или глупый человек. Я пока еще не решила.

Возможно, в его случае храбрость и глупый риск слишком тесно связаны. Я прищурилась. Теперь я поняла, почему его имя показалось мне таким знакомым.

– Сколько раз вы спасали отца из опиумных притонов только для того, чтобы отослать его домой, к нам, без долж-

ного оформления, суперинтендант?

– Одри Роуз, – прошипел Натаниэль, наконец-то отвечая на его рукопожатие, возможно, чуть более крепким рукопожатием, чем необходимо, так как Блэкберн потом незаметно потер руку.

– Все в порядке, – произнес суперинтендант.

– Моя милая сестричка немного вспыльчива. Ваша последняя встреча с ней запомнится вам на много лет, я уверен, – тон Натаниэля был шутовым, но в его глазах не было ни намека на веселость. – Прошу прощения, но, значит, вы пришли к ней из-за тех ужасных убийств в Уайтчепеле? – Он бросил на меня обеспокоенный взгляд. – Каким бы сильным ни было ее сердце, я не согласен, чтобы вы обрушивали на нее весь этот кошмар снова.

– Боюсь, я не могу вам всего рассказать, так как это дело все еще в процессе расследования. Но вы правы, мой визит имеет ко всему этому отношение, – Блэкберн плотно сжал губы в тонкую полоску. У него было приятное лицо для такого жалкого человеческого существа. – Я... мне очень жаль, что это именно я увез вашего дядю. Я о нем очень высокого мнения, хоть это и не имеет особого значения.

Натаниэль расправил галстук, но больше не произнес ни слова. Я боялась, что он даст офицеру пощечину одной из своих перчаток, если увидит на моем лице новые признаки беспокойства.

– Могу я теперь переговорить с вашей сестрой? – Блэк-

Берн поднял руки вверх, когда я попыталась возразить. – Это всего лишь на минуту. Что бы вы оба ни думали, я не хочу портить вам вечер.

Я не сумела сдержать смех, щекочущий мне горло.

– О да. Вы же так не любите без веской причины врываться в чужую жизнь. Как глупо с моей стороны было забыть об этом. Арестовать невинного человека и уничтожить его репутацию – это довольно обиденно, как я понимаю теперь, когда вы об этом заговорили. Почему бы заодно не испортить вечер его племяннице? – я мило улыбнулась. – Потом вы можете внести в свой репертуар арест ни в чем не повинных мужчин, а заодно и молодых женщин. Возможно, – я постучала пальцем по губам в притворной задумчивости, – вам следует заодно и избить ребенка, раз уж вы этим занялись. Помочь вам выбрать подходящего кандидата?

Выражение обиды промелькнуло на его лице, и я почти пожалела, что сказала это. Потом я вспомнила, что это он несет ответственность за то, что дядю держат в сумасшедшем доме, любовно называемом Бедлам, и не пускают к нему посетителей, и желание извиниться растаяло у меня на языке. Я вздернула подбородок, приказав себе оставаться бесстрастной.

Уголкем глаза я следила за Натаниэлем, который теребил запонки. Он с каждой секундой все больше тревожился, а это мне было небезразлично. Нельзя позволить этому нахалу испортить ему вечер. Он смотрел на меня с молчаливым

вопросом в глазах, и я кивнула. Лучше с этим покончить.

– После тебя, сестра, – Натаниэль встал и жестом пригласил меня сделать то же самое.

Подхватив юбки и сжав кулаки, я вышла в проход, не глядя, следует ли за мной Блэкберн. Когда мы вышли в основное помещение, Блэкберн взял меня под руку и повел нас с Натаниэлем в небольшую комнату, отгороженную причудливо разрисованными стенными панелями, которая служила зверинцем.

Когда мы выбрались из толпы, я выдернула у него руку и скрестила руки на груди.

– Я способна пройти из одной комнаты в другую самостоятельно, суперинтендант.

Его брови слегка приподнялись. Мне было наплевать, что я веду себя вздорно. Мне было наплевать, что он обо мне думает, и, уж конечно, мне было наплевать, что он в этот момент старается подавить улыбку. Я опять нахмурилась, моля всех святых, чтобы его поразила молния за то, что он так чертовски меня раздражает. Он откашлялся в кулак, потом обвел взглядом окружающие нас диковинки и этим разозлил меня еще больше.

– Вы скоро собираетесь перейти к сути вашего грубого вторжения? Или вы полагаете, что я буду в экстазе трепетать ресницами при виде человека, который арестовал моего дядю и покрывал противозаконные поступки моего отца? Если это так, то, боюсь, вам придется ждать до второго при-

шествию, – я улыбнулась. – Или, по крайней мере, пока вы не погибнете и мне не поручат вскрытие вашего тела, чтобы посмотреть, есть ли в нем сердце.

– Одри Роуз, прошу тебя, – прошептал Натаниэль, ужасаясь. – Не надо злить человека, который отвечает за содержание дяди под арестом и хранит тайну отца.

– Все в порядке, – кивнул Блэкберн Натаниэлю, – она имеет полное право быть расстроенной.

Блэкберн огляделся вокруг, чтобы убедиться, что мы тут одни, затем глубоко вздохнул. Какое-то неприятное предчувствие зародилось в уголке моего сознания.

– Не надо, – я покачала головой, умоляя его оставить те ядовитые слова, которые он собирается сказать, при себе. – Я не хочу слышать ничего из того, что вы пришли сказать. У меня и так более чем достаточно причин для тревоги.

– Одри Роуз, – брат протянул ко мне руку, – ты не должна...

– Мне больше ничего не нужно знать, – прервала я возражения брата. – Только не сегодня.

Это была детская выходка, и я понимала, что Блэкберн не проделал бы такой дальний путь только для того, чтобы уйти и ничего мне не сказать. И все же я надеялась, что он не прибавит мне лишнюю унцию горя.

– Я счел справедливым предупредить вас, мисс Уодсворт, – сказал он. – С тех пор как ваш дядя помещен в сумасшедший дом, убийств больше не было. Поэтому некоторые

люди стремятся признать его виновным. Они хотят, чтобы со всем этим кошмаром было покончено.

Он внимательно следил за моей реакцией, а я молчала, я не могла ответить. Как будто я покинула свое тело и наблюдала за происходящим разговором со стороны. Блэкберн смотрел себе под ноги.

– Его повешение предварительно запланировали на тринадцатое сентября.

– Это же всего через пять дней! – воскликнул Натаниэль, выводя меня из туманного сумрака. – Как они могут так быстро провести суд и казнь?

– Это едва ли законно, – произнесла я, вглядываясь в лицо брата в поисках поддержки.

– Это наверняка незаконно.

Блэкберн еще раз глубоко вздохнул.

– Ваш брат прав. Суд будет, но далеко не справедливый. Они признают вашего дядю виновным и повесят его еще до того, как высохнут чернила на приговоре. Публика жаждет крови, члены парламента сделали заявления... ваш дядя является идеальной мишенью. – Блэкберн перечислил все преступления дяди: – У него нашли испачканные кровью инструменты, подобные тем, которые находили возле тел. Человека с похожей внешностью видели вместе с последней жертвой. У него нет алиби на время всех этих убийств. Хуже всего то, что он обладает теми навыками, которые необходимы для извлечения органов.

– Господи, и это все? – я помахала рукой в воздухе. – Я обладаю такими же навыками. Возможно, это я убийца.

Я металась по помещению, сжав руки в кулаки. Я чувствовала себя диким зверем, которого заставляют плясать ради развлечения людей и который это ненавидит. Я готова была освободить всех до единого бабуинов, коней, зебр в цирке, прежде чем уйти отсюда сегодня. И слона тоже, раз уж я этим занялась. Ни одно существо не должно так страдать от рук другого существа.

Я снова повернулась к суперинтенданту.

– Вы можете остановить это безумие? Невинных людей нельзя вешать, это чудовищная несправедливость. Этим не может все закончиться.

Он сунул руки в карманы, избегая моего взгляда, будто мог подхватить какую-то дурную болезнь, просто глядя на меня. Может быть, и мог. Ненависть пропитывала все мое существо своим маслянистым осадком.

– Только что закрыли дознание по делу нашей бывшей служанки, – сказала я, в основном обращаясь к Натаниэлю. – Должен быть какой-то способ отменить эту... мерзость нашей правящей системы. Они должны хотя бы закончить дознание по делу Энни Чапмен. Разве это не даст чуть больше времени?

Натаниэль прикусил губу, он явно не был в этом уверен.

– Я по-прежнему изучаю все сложности юриспруденции. Спрошу у своего наставника. – Я в упор смотрела на него,

взглядом требуя все исправить. Брат поднял руки вверх. – Позвоню ему сейчас же. Посмотрим, смогу ли я со всем этим разобраться. Постарайся не волноваться, сестра. Клянусь, что сделаю все возможное для спасения дяди. Ты мне веришь?

Я кивнула. Больше мне ничего не оставалось делать, но это удовлетворило брата. Он снова посмотрел на суперинтенданта и произнес холодно:

– Прошу вас проводить мою сестру домой. Полагаю, вы предоставите ей должное полицейское сопровождение, особенно после того как обрушили на наши головы все эти новости?

Бесполезно было объяснять Натаниэлю, что я в состоянии и сама нанять экипаж до дома или поискать тетушку Амелию и Лизу и поехать с ними, поэтому я молчала, пока он договаривался с суперинтендантом.

Когда брат ушел, Блэкберн склонил голову набок; это движение открыло для меня новую черту его характера, которой я раньше не замечала, но знала о ее существовании, – расчетливую цепкость. Должно быть, я выдала какую-то тайну и выругалась про себя, когда он незаметно подошел ближе.

– Вы сказали, что Мэри Энн Николс была вашей служанкой, мисс Уодсворт?

Он так и излучал волнение. Я не доверяла ему и его новому настроению и поспешно сжала губы. Меньше всего мне хотелось давать Скотленд-Ярду еще один повод ткнуть паль-

цем в нашу семью.

Его это не остановило, он шагнул еще ближе, заполняя пространство своим осязаемым присутствием и заставляя меня ответить на его вопрошающий взгляд. Я проглотила комок страха.

В нем было нечто опасное, хотя причиной могло быть то, что он держал в своих руках жизнь дяди.

– Вы ведь понимаете, что я, вероятно, единственный человек в Лондоне, которому не безразлично, останется ли в живых ваш дядя? – спросил Блэкберн. – Мисс Уодсворт... я верю, что вы поможете освободить вашего дядю и поймать убийцу.

Он провел ладонью по своим светлым волосам, взъерошив и без того непокорные кудри. Я больше всего на свете хотела помочь дяде, просто я хотела сделать это самостоятельно, без помощи того человека, который его арестовал. Хотя мне и льстило, что он настолько оценил мой интеллект и любительские детективные навыки, что хотел привлечь меня к расследованию.

Так как я по-прежнему не произносила ни слова, он схватил меня за локоть и резко развернул к себе.

– Если вы не хотите помочь мне, давайте поедem к тому, кому вы точно хотите помочь.

– Если вы меня сейчас же не отпустите, – сжав зубы, процедила я, – я буду вынуждена пустить в ход ужасный прием и нанести вам удар в пах, которому меня научил брат.

Вырываясь из его хватки, я слишком поздно поняла, что он уже разжал руку, так как он улыбался. Я фыркнула и окончательно высвободила руку. Мои угрозы не были шуточными. Думаю, он бы перестал улыбаться, если бы я действительно пустила в ход свой метод самообороны, и я жалела, что не сделала этого.

– И куда я за вами должна последовать, по вашему мнению?

– В Бедлам, мисс Уодсворт.

Глава 17

Сердце зверя

*Вифлеемская королевская больница, Лондон
25 сентября 1888 г.*

Слухи о Бедламе, населенном чудовищами, оказались правдой.

По крайней мере, они казались мне вполне правдоподобными, когда мы быстро шли по холодным каменным коридорам. Я крепко держала свои шелковые юбки, прижимая их как можно ближе к телу, пока шагала мимо камер с преступниками и безумцами.

Из них высывались руки, похожие на ветви деревьев, ищущие, куда можно пустить корни. Или, может быть, они искали выход из этого сырого ада. Блэкберн не держал меня под руку и не предлагал опереться на него – он верил, что я сама способна постоять за себя в этом гиблом месте.

Вопли страдающих душ носились вокруг нас, но мы упорно шли вперед. Вонь от немых тел и ночных горшков, которые давно уже не выливали, выворачивала наизнанку мой желудок. Чем дальше мы проникали в сумасшедший дом, тем отвратительнее становился воздух, и меня охватывал ужас при мысли о возможности стать одной из тех больных, которые нас окружали.

– Сюда, – сказал Блэкберн и повел меня по еще одному мрачному коридору.

Мой мозг бурлил от вышедших из-под контроля мыслей. Одна из них пугала меня больше всего: как объяснить тетушке, где я была, если Натаниэль вернется домой раньше меня.

– Это чуть дальше, – бросил через плечо Блэкберн; его шаги стучали по полу так, словно какой-то великан отзванивал колоколом время в тишине ночи. – Преступников размещают в самом сердце этого зверя.

– Очаровательно. – Волны холода грозили сковать мои руки и спину. Мне не доставляло удовольствия думать об этом месте как о живом дышащем организме, у которого есть нечто похожее на сердце.

Сердца обычно символизируют сострадание, а это заведение уже давно лишилось этого качества. Вопли приговоренных были в нем единственным признаком жизни. Я не понимала, как мог Блэкберн выдержать посещения такого места и не замарать свою собственную душу.

Обитатели камер рыдали сами с собой, разговаривали на придуманных ими самими языках и рычали, как звери в зоопарке. Я не понимала, как дядя выживает в этом кошмаре, но он был человеком с крепким рассудком. Если кто-то и мог пожить в Бедламе и выйти оттуда еще более сильным, то это дядя Джонатан. Вероятно, он уже нашел способ исследовать различные образцы плесени, покрывающей пятнами влажные стены и пол.

Эта мысль заставила меня улыбнуться, несмотря на страх. Именно это дядя и сделал бы в такой ситуации. Он бы превратил это в гигантский эксперимент, чтобы заполнить время, не сознавая, что его поместили сюда против его воли. Возможно, мне придется уговаривать его покинуть это место, когда настанет момент. Он, вероятно, скажет:

– Арестован? Ты уверена? Мне бы нужно провести здесь еще один день, чтобы систематизировать мои открытия.

Потом я ему буду объяснять, почему это плохая идея, а он устроит скандал. Стоит ему начать эксперимент, и все остальное не имеет значения.

Мы шли так быстро, как только могли, но я все же замечала озверевших людей, мечущихся в клетках. Они напоминали хищных зверей. Эти люди отличались от других безумцев: в их взглядах был заметен некий расчет. Я и думать не хотела о том, что бы они сделали со мной, если бы вырвались на свободу, и ускоряла шаг, пока буквально не натыкалась на спину Блэкберна.

Чтобы отвлечься, я стала думать о других вещах. Я была рада, что Натаниэль отправился поговорить с адвокатами до нашего похода сюда. Я надеялась, что он уже нашел способ опротестовать арест дяди. Он продумает мельчайшие детали этого дела и не сдастся, пока не добьется успеха.

Наконец мы остановились перед камерой, вход в которую был перегорожен всего несколькими ржавыми брусьями, вделанными в сплошной камень в верхней части проема.

Полагаю, это позволяло передавать туда поднос с едой и водой.

Блэкберн снял с пояса кольцо с ключами, которое вручил нам надзиратель, когда мы зарегистрировались на входе, и сделал мне знак отойти в сторону. С его стороны было глупо думать, что я буду стоять в стороне, когда он откроет замок. Я не могла дожидаться, когда увижу дядю.

Суперинтендант Блэкберн кивнул, словно заранее предвидел мою реакцию.

– Ну, как вам будет угодно.

Со скрипом и стоном, который разбудил бы то, что лучше бы оставить спящим, решетка распахнулась с издевательским гостеприимством. Блэкберн отошел назад, позволяя мне переступить порог первой. Какой любезный джентльмен.

От ужасного шума, несущегося из темноты, мои руки покрылись гусиной кожей. Подавляя приступ паники, я вошла в убежище ученого, где меня приветствовало кошмарное хихиканье недавно обезумевшего человека, и застыла на месте при виде открывшегося мне зрелища.

– Что за... – я едва узнала дядю в том существе, в которое он превратился.

Скорчившись в углу маленькой каменной камеры, он раскачивался из стороны в сторону, а с его потрескавшихся губ слетал странный смех. Рядом с ним валялся опрокинутый кувшин для воды, судя по его виду, давно уже пустой.

– Что с ним случилось? – я в шоке схватилась за ближайший брус, чтобы устоять на ногах. Как он мог так быстро сломаться? Наверняка он не мог совсем потерять рассудок всего за несколько недель.

Что-то тут не так. Блэкберн ничего не ответил.

Когда дядя не смеялся, он что-то бормотал, но так тихо, что я не слышала слов. Кто-то одел его в тонкую женскую ночную рубашку, покрытую желтыми и бурыми пятнами. Те крохи еды, которые ему давали, попадали в основном на эту грязную рубаху.

– Как можно так обращаться с человеком, не представляю себе! – прорычала я. – Это... это больше чем неприемлемо, мистер Блэкберн!

Сам Сатана, должно быть, властвует над этими пропащими душами. Я не знала, что может быть хуже, чем ад (или это место), но призывала тысячу страшных смертей на того, кто повинен в такой жестокости.

Подняв с полу потрепанное одеяло, я встряхнула его, и облака пыли закружились в слабом свете, проникающем в камеру сквозь решетку на двери. Камера находилась в предполагаемом сердце этого заведения, и все же здесь царил холод, которого не было даже в сыром коридоре. Я медленно подошла к дяде, опасаясь напугать его, но мне отчаянно хотелось узнать, что он все время шепчет.

Чем ближе я подходила, тем сильнее становился запах, который висел в воздухе. От дяди пахло так, будто он не мыл-

ся последние две недели и справлял нужду прямо на пол. Я боролась с поднимающейся тошнотой. Его светлые усы стали длинными и неухоженными, они слились с отросшими на лице волосами и сбились в колтуны. В его глазах было нечто странное – кроме безумного, нефокусированного взгляда. Он казался страшно напуганным.

Набросив ему на плечи одеяло, я опустилась на колени и пристально взгляделась в него. Именно тогда я заметила перевернутую миску с жидкой похлебкой и ее странный цвет.

Моя кровь застыла, как Темза зимой, волны холода полились по рекам и притокам моих вен. Я готова была убить того, кто это сделал. Я бы прикончила этого подлого зверя с такой жестокостью, что убийца из Уайтчепела показался бы безвредным котенком, играющим с клубком из кишок, после того как я бы с ним разделалась.

– Его накачали наркотиками! – я гневно смотрела на Блэкберна, будто он лично приложил к этому руку. Поскольку он его арестовал, его тоже следовало считать виновным.

Он медленно прошел через камеру и присел рядом со мной, избегая моего обвиняющего взгляда. Не было чем-то необычным давать безумцам наркотики, чтобы их успокоить, но мой дядя не был безумцем и не нуждался в подобных лекарствах.

– Одному Богу известно, на что способны эти порошки, – сказала я. – Вы не можете по крайней мере защитить его, пока он здесь? Какой от вас толк, или вы просто стараетесь

превзойти всех по части ужасов?

Блэкберн покраснел.

– В подобном месте наркотики часто бывают единственным способом успокоить... – его голос оборвался под моим гневным взглядом. – Этому нет оправданий, мисс Уодсворт. Уверяю вас, это сделано не со злым умыслом. Здесь почти всем дают... экспериментальные сыворотки.

– Прекрасно. Мне теперь стало намного лучше, – я выдернула из волос ленту, потом оторвала полоску ткани от подола юбки и собрала немного липкой гадости в самодельный узелок из ткани. Я отнесу его в дядину лабораторию и сделаю анализ на яды и смертоносные токсины. Я никому не доверю анализ, я сама узнаю правду. Может быть, это безвредное успокоительное лекарство, которое дают «почти всем», а может быть, и кое-что похуже.

Любой, способный дать нечто подобное здоровому человеку, – преступник, он так запятнал себя, что ему нельзя доверять. Блэкберн относится к той же категории.

Сидя на корточках, я заглянула в лицо дяде.

– Дядя Джонатан, это я, Одри Роуз. Ты меня слышишь?

Дядя бодрствовал, но мог с тем же успехом спать с открытыми глазами. Он не видел меня и никого другого в камере, только те образы, которые возникали в его мозгу. Я помахала рукой перед его лицом, но он даже не моргнул.

Его губы шевелились, и я с трудом сумела разобрать, что он повторял с тех пор, как мы вошли в его камеру. Он произ-

носил свое полное имя, Джонатан Натаниэль Уодсворт, словно в нем заключалась разгадка всех тайн вселенной.

Значит, я не узнала ничего полезного. Я осторожно встряхнула его, игнорируя волну разочарования, накатившую на меня.

– Пожалуйста, дядя, посмотри на меня. Скажи что-нибудь. Что угодно.

Я помолчала, ожидая какого-нибудь знака, что он меня слышит, но он лишь напевал свое имя и хихикал, раскачиваясь из стороны в сторону так сильно, что это выглядело почти агрессией.

Мои глаза умоляли его посмотреть на меня, ответить, но ничто не могло вывести его из транса, в котором он находился. Слезы разочарования подступили к моим глазам. Как они смеют так поступать с моим дядей! С моим отважным, умным дядей! Я вцепилась в его плечи, встряхнула его сильнее – мне было все равно, какой жестокой я кажусь Блэкберну. Я была ужасным созданием. Я была эгоистичной и напуганной, и мне было наплевать, кто об этом узнает.

Мне был нужен мой дядя. Мне нужно было, чтобы он помог мне оправдать его, чтобы мы могли остановить безумца и его череду убийств, которая, несомненно, еще не закончилась.

– Очнись! Ты должен бороться, чтобы выйти отсюда! – из моего горла вырвалось рыдание, и я трясла его так, что у меня самой стучали зубы. Я не в силах потерять и его тоже

– после того как я уступила маму смерти, а отца – опиуму и горю. Мне было необходимо, чтобы кто-то остался. – Я не смогу сделать это без тебя! Пожалуйста!

Блэкберн протянул руку и мягко отвел мои руки.

– Пойдемте. Я приведу врача, который проследит за ним. Сегодня мы больше ничего не можем для него сделать. Когда наркотик выветрится из его организма, он сможет разговаривать с нами.

– Да? – спросила я, вытирая лицо тыльной стороной ладони. – Как мы можем быть уверены, что этот ваш врач – не тот самый, который дал ему эту... отраву?

– Прошу прощения, мисс Уодсворт. Я совершенно уверен, что это была обычная процедура. Знайте: я прослежу, чтобы все поняли, что, если вашему дяде опять дадут наркотик, последует суровое наказание.

Его тон и выражение помрачневшего лица были достаточно угрожающими, и я ему поверила. Несколько успокоившись, я позволила Блэкберну увести меня из камеры, но перед этим я поцеловала на прощание дядю в макушку. Мои слезы уже высохли, и я прошептала:

– Клянусь жизнью, я это исправлю или умру.

Когда мы вернулись в экипаж, Блэкберн дал кучеру мой адрес на Белгрейв-сквер. Мне надоело, что мужчины говорят мне, куда мне ехать, и я постучала костяшками по стенке кареты, удивив обоих. Мне было все равно, чего хочет Наталиэль, что скажет тетушка Амелия и что подумает обо мне

Блэкберн.

– Собственно говоря, вы можете высадить меня на Пикадилли, – сказала я. – Мне там нужно кое с кем срочно поговорить.

Глава 18

Железная дорога в некрополь

*Квартира Томаса Кресуэлла, улица Пикадилли
25 сентября 1888 г.*

Я пряталась примерно в середине квартала, недалеко от дома Томаса, когда он открыл дверь своей квартиры и огляделся. Вид у него был таким бодрым, будто сейчас девять часов утра, а не почти десять вечера.

Интересно, выглядит ли он когда-нибудь неприбранным или измученным? Вероятно, его волосы просто всегда приклеены к одной стороне головы, чтобы меньше растрепались. Моему брату стоит у него поучиться.

Я молча смотрела, собираясь с духом, чтобы подойти к нему, но какой-то внутренний голос нашептывал мне оставаться в укрытии. Я почти ожидала, что он подойдет прямо ко мне, но он не заметил меня, прячущуюся в тени в нескольких ярдах от него. Я солгала: сказала Блэкберну, что Томас живет на два дома дальше, а потом медленно прошла до нужного места.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.